

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 4 (108)*

Вологда • 2020

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н.

Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России	7
--	---

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А.

Роль социального партнерства в развитии городов и механизмы его формирования	20
---	----

Ворошилов Н.В.

Местное самоуправление в России: ожидание больших перемен или точечная настройка?	37
--	----

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Кадомцева М.Е., Коростелев В.Г.

Региональная дифференциация развития субсидируемого страхования сельскохозяйственных рисков в подотрасли растениеводства	55
--	----

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Якушев Н.О., Мазилев Е.А.

Методический подход к оценке инвестиционной привлекательности локальной территории региона	68
---	----

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Шматова Ю.Е.

Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого потенциала): опыт зарубежных исследований	88
--	----

Волкова Н.Н., Романюк Э.И.

Взаимосвязь уровня развития цифровой среды и производительности труда	109
---	-----

Вяльшина А.А.

Сельские малоимущие семьи и их возможности для развития детей	124
--	-----

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики:

май 2020 года..... 139

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары..... 151

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 154

Правила для авторов 155

Информация о подписке..... 158

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N.

Settlement Aspect of Digital Inequality in Modern Russia 7

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Sherbakova A.A.

Role of Social Partnership in Urban Development
and Mechanisms of its Formation.....20

Voroshilov N.V.

Local Government in Russia:
Expectations for Major Changes or Selective Adjustments? 37

TERRITORIAL FINANCE

Kadomtseva M.E., Korostelev V.G.

Regional Differentiation of Development
of Subsidized Insurance of Agricultural
Risks in the Crop Production Sub-Industry 55

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Yakushev N.O., Mazilov E.A.

Methodological Approach to Assessing the Investment Attractiveness
of the Region's Local Territory 68

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Shmatova Yu.E.

Impact of COVID-19 on Mental Health of Population
(as an Indicator of Human Potential):
Experience of Foreign Studies.....88

Volkova N.N., Romanyuk E.I.

Interconnection between the Level of Digital
Environment Development and Labor Productivity 109

Vyal'shina A.A.

Rural Poor Families and Their Opportunities
for Children Development 124

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy: May 2020..... 139

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

Conferences, Meetings, Seminars 151

New VolRC RAS issues 154

Guidelines for the authors 155

Subscription information 158

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1

УДК 338.001.36:004 | ББК 65.050.1:60.524.41:32

© Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: aas@vscc.ac.ru

ORCID: [0000-0002-3467-0921](https://orcid.org/0000-0002-3467-0921); ResearcherID: [E-5968-2012](https://orcid.org/E-5968-2012)

МАРИЯ АНДРЕЕВНА ГРУЗДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

ORCID: [0000-0001-8759-4953](https://orcid.org/0000-0001-8759-4953); ResearcherID: [H-4981-2017](https://orcid.org/H-4981-2017)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: onk82@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); ResearcherID: [I-9562-2016](https://orcid.org/I-9562-2016)

Цифровизация рассматривается как один из перспективных драйверов развития сельской местности, снижения территориального неравенства в принципе. В статье рассмотрен фактор места жительства цифровизации российских регионов. На основе анализа отдельных показателей, характеризующих доступ к сети интернет, активное его использование, наличие цифровых навыков у населения, а отказа от пользования цифровыми услугами за неимением навыков, проведена группировка российских регионов по уровням цифрового развития. Показано, что регионы-лидеры включают субъекты с высокоразвитой инфраструктурой, высоким уровнем жизни, а также обладающие существенным образовательным и научно-техническим по-

Для цитирования: Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1

For citation: Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N. Settlement aspect of digital inequality in modern Russia. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1

тенциалом. Регионы-аутсайдеры по уровню цифрового развития имеют относительно высокую долю сельского населения или аграрную ориентацию экономики. Проанализирована вовлеченность городского и сельского населения в цифровую среду, выявлено, что горожане более активны в использовании ИКТ во всех сферах жизни. Детерминация цифрового развития в сельских территориях определяется не только инфраструктурными сложностями, но и более низкой востребованностью в силу уклада жизни и организации производства. В этой связи, а также в силу более низкого уровня жизни, сельские жители затраты на интернет вносят в бюджет в качестве дополнительной, не обязательной статьи. Они реже, чем жители городов обращаются интернету как источнику при решении жизненных вопросов, таких как поиск информации, совершение финансовых операций, покупки товаров и услуг. В развитии цифровых навыков также наблюдается отставание, и даже несмотря на увеличение доли сельского населения, включенного в цифровую среду, по ряду специализированных навыков разрыв с городскими жителями не сокращается. Полученные результаты представляют практическую значимость для развития направлений изучения социально-экономического неравенства российских регионов, принятия управленческих решений, в том числе в рамках нацпроекта «Цифровая экономика РФ».

Цифровизация, территориальное цифровое неравенство, цифровые навыки, поселенческий аспект, городские и сельские жители.

Введение

Развитие информационных технологий, инноваций, масштабная и активная цифровизация привели к стремительному изменению способов и средств коммуникации, социального и экономического пространства, что породило множество новых исследовательских и управленческих задач. Ответами на эти вызовы стали прочное закрепление в общественной и научной полемике ряда терминов, определяющих возникшие феномены (например, цифровая экономика, цифровизация, информатизация, цифровое неравенство и множество других), инициация и проведение крупных исследований (мониторинг Международного союза электросвязи, совместные обследования НИУ Высшая школа экономики с Росстатом и др.), создание отдельных стратегических программ (программа и нацпроект «Цифровая экономика РФ»). Публикуемые современными отечественными и зарубежными учеными материалы показывают растущий интерес к указанной проблематике. Учитывая, что сфера информационно-коммуникационных технологий является одной из наиболее быстро меняющихся, актуальность изысканий в данном направлении и необ-

ходимость своевременного отслеживания новых тенденций не вызывают сомнений.

Безусловно, отдельный пласт исследований ставит задачу изучить, что именно влияет на успешность цифровизации, развитие цифровой экономики [1–4]. В рамках маркетинговых исследований организации, занимающиеся созданием и/или продажей цифровых и технологий, изучают социально-демографические характеристики потенциальных потребителей¹.

Проникновение новых цифровых веяний изменяет поведенческие паттерны населения. На готовность россиян воспринимать новые цифровые продукты и форматы услуг влияют не только личностные (индивидуальные), но и средовые (региональные) детерминанты [5]. Изучение факторов распространения и потребления цифровых услуг населением представляется важным с нескольких позиций:

- во-первых, потребление таких услуг – важная составляющая качества жизни человека, исключение из цифровой среды может формировать элементы социальной эксклюзии;

- во-вторых, изучение портрета потребителей отражает процессы адаптации населения и позволяет выделить группы людей,

¹ Цифровизация в малых и средних городах России / НИУ ВШЭ. URL: <https://files.data-economy.ru/cipr/ytaxihse.pdf> (дата обращения 15.05.2020).

которые являются носителями ценностей цифровизации, а также спрогнозировать влияние существующего в обществе разрыва среди людей разных поколений, разного пола, отличающихся уровнем образования, местом проживания, на ее развитие;

– в-третьих, результаты подобных исследований становятся информационной базой для принятия эффективных управленческих решений, в частности по нивелированию существующей неравномерности в развитии российских территорий.

Неравномерность развития российских регионов обусловлена, в том числе, фактором периферийности – удаленности от «точек роста», территориально ассоциированных с городами. Этот фактор играет роль и внутри регионов, что позволяет говорить о различиях в развитии городской и сельской местности. Цифровизация – реальная возможность выравнивания информационного пространства, обеспечения коммуникации, доступа к различным услугам и иным возможностям для сельских жителей.

В связи с этим целью нашей работы послужило изучение влияния места проживания на некоторые аспекты цифрового неравенства в России.

Работа включает исследование современных воззрений на влияние фактора места проживания на пользование цифровыми услугами, проверку гипотезы о распространении цифрового неравенства в России по оси «урбанизированные – аграрные», сравнительный анализ использования цифровых технологий городскими и сельскими жителями России.

В заключительной части сформулированы перспективы изучения аспектов цифрового развития на региональном уровне.

Методы

В исследовании для реализации цели и задач использован комплекс научных методов, в частности сравнительный анализ, статистический анализ, социологические методы. Теоретической базой являются на-

учные работы, в которых рассматриваются вопросы становления, развития и методов оценки цифровой экономики и цифрового неравенства.

В статье для анализа использованы сборники статистических показателей, издаваемые совместно Росстатом и НИУ «Высшая школа экономики», «Индикаторы цифровой экономики», «Информационное общество в Российской Федерации» и «Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации». На современном этапе это единственный источник сопоставимой информации по регионам России, касающейся этой проблематики. Кроме того, привлекались данные официальной статистики. Результаты представлены за 2015–2018 гг., период ограничивается доступными данными мониторинга НИУ ВШЭ и Росстата.

Результаты

Рассмотрим, как современные исследователи оценивают влияние фактора места проживания на различные аспекты цифрового развития. В целом стоит отметить, что разницу в цифровом развитии между городскими и сельскими территориями и их жителями замечают многие исследователи. Сотрудники Научно-исследовательского института образования и науки [6] изучали связь между уровнем цифровизации и уровнем креативности региона, выраженную в интегральных индексах. Они выяснили, что неравномерность в креативности² российских регионов прослеживается по оси «урбанизированные – аграрные»: регионы с высокой долей городского населения имеют сильные позиции по индексу креативности, сельскохозяйственная специализация, напротив, снижает креативный потенциал. Так как схожие выводы наблюдались и в других работах, для проверки была выбрана гипотеза о влиянии фактора места проживания.

Зарубежные исследователи также в число ведущих факторов цифровизации включают тип места проживания населения. Например,

² Креативность региональной среды рассматривается авторами как детерминант цифрового неравенства и оценивается через три субиндекса: таланта, технологий и толерантности.

доказана зависимость между местом проживания и использованием интернета в Индии [6; 7]. В других работах в состав детерминант включается доля сельского хозяйства в ВРП [8], одним из факторов цифрового неравенства называется доля урбанизированного населения [9]. На примере Польши показано, что меньшими возможностями подключения к сети Интернет обладает население сельских территорий [10].

Кроме того, на основе изучения данных по 35 странам из мониторинга МСЭ выявлено, что использование интернета вне крупных городов и агломераций значительно ниже. В качестве причин называется не столько само место проживания, сколько совокупность более высоких долей людей пожилого возраста, имеющих объективные и субъективные причины отказа от пользования цифровыми благами, и жителей с низким уровнем образования и доходов в сельских территориях³. При этом проблема низкой степени покрытия интернетом обнаруживает себя и в развитых странах Европы (например в Великобритании) [11].

В отечественном научном поле выявляются схожие тенденции. Исследователи объясняют их плохим развитием информационной инфраструктуры, отсутствием технической возможности подключения к сети [12] либо вовсе более слабым развитием сферы услуг в сельских территориях [13].

Кроме того, доказано, что формы использования интернета различаются: для сельских жителей более доступны беспроводные подключения. Отмечено, что доля городского населения положительно связана с показателями доступности проводной сети (это обусловлено развитием инфраструктуры и более высокой плотностью населения), также данный показатель зависит от уровня доходов: для низкодоходных групп населения, чья доля более высока в селах, доступность снижается, так как ежемесячная оплата интернета не входит в список жизненно важных приоритетов [14]. В итоге сельские жители намного реже имеют фиксированный

широкополосный доступ к сети Интернет, чаще являются пользователями мобильного интернета. Это накладывает ряд ограничений на спектр доступных услуг и их качество, в некоторых случаях отсутствует возможность подключиться к сети даже посредством мобильной связи. Причинами выступают как технические ограничения (для части поселков в России до сих пор остаются недоступны такие социально значимые объекты, как круглогодично используемая дорога, не везде обеспечена собственно мобильная связь), так и высокая стоимость услуг.

Вместе с тем именно в цифровом развитии исследователи видят существенные перспективы для сельских территорий. Ученые полагают, что для сельских территорий назрела необходимость продвижения по пути эндогенного развития или саморазвития [15]. Причиной тому служит комплекс проблем, отдаленность как географическая, так и институциональная (получение меньшей финансовой, управленческой и прочих видов помощи от государства и сторонних организаций в решении жизненно важных вопросов управления социально-экономическим развитием сельской территории). Поднимается и вопрос о значимости развития соответствующих навыков у населения. Удаленность сельских территорий и муниципальных образований от центра должна компенсироваться интеграцией в цифровую экономику, многие сервисы ИКТ могут решить сложившиеся проблемы, в частности недоступность ряда услуг и элементов инфраструктуры.

Для проверки гипотезы мы провели группировку регионов страны по ряду показателей, характеризующих цифровое развитие, а именно доле домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, доле активных пользователей интернета, доле населения, которое отказывается от использования интернета по причине отсутствия навыков, доле населения, обладающего цифровыми навыками. Набор показателей производился исходя из возможности включения в цифровую среду,

³ Цифровизация в малых и средних городах России / НИУ ВШЭ. URL: <https://files.data-economy.ru/cipr/YtaxiHSE.pdf> (дата обращения 15.05.2020).

собственно включенности (активного использования) и наличия или отсутствия необходимых для этого навыков.

Использованы данные по всем 85 субъектам РФ, определен размах вариации значений исследуемых показателей и проведена группировка статистических данных на три группы с закрытыми интервалами, соответственно, субъекты поделены на три уровня развития по каждому показателю: выше среднего, средний и ниже среднего. Количество регионов, попавших в группы, неодинаково, так как распределение строилось с учетом разброса значений в совокупности.

Нас интересовали регионы, показывающие отставание в цифровом развитии. Эта группа представлена в *табл. 1*. При анализе регионов-аутсайдеров по показателям цифрового развития выявлено, что большую часть из них составляют регионы с высокой долей сельского населения либо с высокой долей сельскохозяйственного производства.

Выделяются также субъекты, в которых отставание в цифровом развитии обусловлено иными причинами, требующими дополнительного изучения.

В статье не приведена информация о регионах-лидерах по аналогичным показателям, однако при анализе выяснено, что среди них чаще всего представлены столичные регионы (Москва и МО, Санкт-Петербург), регионы с высоким уровнем нефтедобычи и, соответственно, высоким уровнем жизни населения (Тюменская область, включая Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Республика Татарстан; стоит отметить, что в мире по использованию интернета на первые строки рейтингов стали выходить именно нефтедобывающие страны Персидского залива: Бахрейн, Кувейт, Катар, тогда как ранее лидерство было за странами Европы), а также крупные исследовательские и научно-образовательные центры (Томская, Новосибирская, Омская области). Эти данные соотносятся с положением регионов в рейтинге креативности [5].

В составе групп со средним уровнем цифрового развития вошло значитель-

но меньшее число субъектов, имеющих в структуре экономики развитый аграрный сектор. В этих регионах наравне с сельским хозяйством присутствуют другие сильные отрасли: Краснодарский край (пищевая промышленность, туризм); Ростовская область (легкая, угольная промышленность, тяжелое и сельскохозяйственное машиностроение); Республика Башкортостан (нефтяная и химическая промышленность); Воронежская область (пищевая промышленность; машиностроение и металлообработка).

Таким образом, гипотеза о наличии среди регионов России цифрового неравенства по оси «урбанизированные – аграрные» находит подтверждение. Фактор места проживания именно в разрезе «город – село» оказывает влияние на процессы цифрового развития. Это позволяет предположить, что существуют различия в аспектах включенности в цифровую среду среди сельских и городских жителей. В нашей статье принята попытка изучить их, используя результаты доступных обследований населения.

Вначале стоит обратиться к вопросу технической возможности для организации доступа в интернет. Как было отмечено ранее, в сельской местности существует проблема доступности проводных соединений. Персональные компьютеры для выхода в сеть используют только 55% домохозяйств, что на 18 п. п. меньше, чем для населения, проживающего в городе (*рис. 1*). Следовательно, для 45% сельских жителей даже сама организация проводного интернета невозможна либо будет сопровождаться дополнительными затратами на покупку компьютера. Кроме того, статический обзор не позволяет учесть материальный износ компьютеров. На фоне этого все чаще используются мобильные устройства из-за большей доступности.

Ранее мы выяснили, что у 40–50% жителей регионов с преобладанием сельского населения нет доступа в интернет (см. *табл. 1*). Причины отказа от использования интернета среди городского и сельского населения имеют схожую иерархию, это в большей сте-

Таблица 1. Регионы Российской Федерации, отстающие в цифровом развитии (по итогам 2018 года)

Регионы с уровнем ниже среднего по доле домохозяйств, имеющих доступ в интернет		Регионы с уровнем ниже среднего по доле активных пользователей интернета	
регион	значение, %	регион	значение, %
Чувашская Республика	62,3	Брянская область	75,1
Республика Саха (Якутия)	62,3	Республика Адыгея	75,0
Республика Калмыкия	62,1	Костромская область	74,7
Чукотский автономный округ	59,1	Липецкая область	74,7
Республика Дагестан	58,8	Ленинградская область	74,7
Республика Тыва	54,5	Ярославская область	74,6
Чеченская Республика	50,2	Псковская область	73,9
		Алтайский край	73,9
		Владимирская область	73,8
		Иркутская область	73,6
		Вологодская область	73,5
		Ульяновская область	73,4
		Калужская область	73,3
		Пензенская область	73,2
		Белгородская область	73,1
		Кировская область	73,0
		Курганская область	72,9
		Новгородская область	72,8
		Курская область	72,4
		Тверская область	72,3
		Пермский край	72,0
		Чувашская Республика	71,3
		Удмуртская Республика	71,1
		Ненецкий автономный округ	70,9
		Республика Хакасия	70,8
		Тамбовская область	70,7
		Орловская область	69,4
		Еврейская автономная область	69,4
		Забайкальский край	68,7
		Республика Марий Эл	66,6
		Республика Мордовия	64,6
Регионы с уровнем выше среднего по доле отказа от пользования интернетом по причине отсутствия необходимых навыков		Регионы с уровнем ниже среднего по доле населения, обладающего цифровыми навыками	
регион	значение, % от числа домашних хозяйств, не имеющих доступа к сети Интернет	регион	значение, %
Курганская область	59,2	Хабаровский край	29,8
Ямало-Ненецкий АО	48,4	Кабардино-Балкарская Республика	29,0
Брянская область	46,6	Тверская область	27,2
Курская область	46,6	Республика Крым	27,2
Саратовская область	45,5	Республика Дагестан	24,5
Пензенская область	44,8	Чеченская Республика	20,1
Тюменская область	44,8	Республика Ингушетия	18,4
Белгородская область	42,1	Республика Северная Осетия – Алания	16,4
Омская область	41,0		
Ставропольский край	40,8		
Кабардино-Балкарская Республика	40,5		
Хабаровский край	40,5		
Республика Мордовия	40,2		
Примечание. Желтым цветом выделены регионы с высокими долями сельского населения; зеленым – лидеры сельскохозяйственного производства, характеризующиеся наибольшей долей произведенной продукции сельского хозяйства). Составлено по (здесь и далее, если не указано иное): Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сб. / Росстат, НИУ ВШЭ; Регионы России: социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. 2019.			

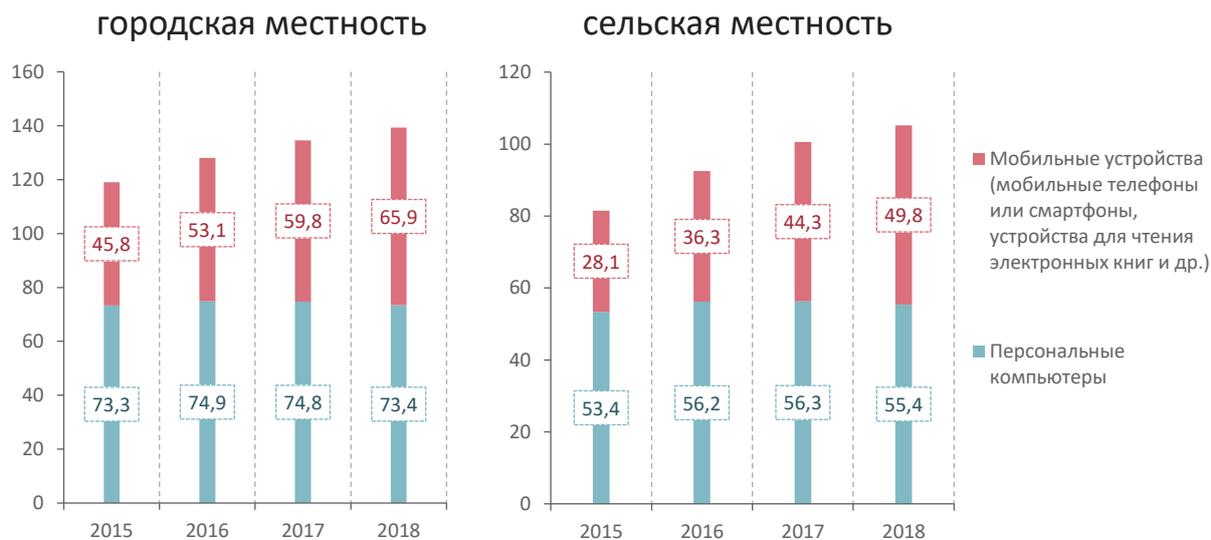

Рис. 1. Распределение домашних хозяйств по видам устройств, используемых для выхода в сеть Интернет, % от общего числа домашних хозяйств

* Персональные компьютеры – это стационарные компьютеры, ноутбуки, нетбуки, планшеты.

пени отсутствие необходимости и желания, затем недостаток навыков для работы в сети, высокие затраты на подключение и ежемесячное обслуживание (табл. 2). Среди сельского населения значительно выражена причина отказа от включения в цифровую среду, связанная с отсутствием технической возможности.

Присутствуют различия и в целях, с которыми люди используют Всемирную паутину. Сельские жители, несмотря на рост интереса, все же меньше обращаются за поиском информации о товарах и услугах, нежели городские (табл. 3). Менее востребованы и услуги электронной почты, справочная информация из онлайн-энциклопедий, о здоровье и услугах здравоохранения, о культурных объектах, чтение книг и периодической литературы онлайн, использование мессенджеров и чатов, загрузки личных данных в публичный доступ. Сельские жители реже городских осуществляют через интернет финансовые операции (разница составила 16 п. п.), что связано и с инфраструктурными особенностями, и с недоверием удаленным покупкам (так покупает товары в интерне-

те почти треть горожан, тогда как на селе – только 10%).

Безусловно, в основе рассматриваемых различий лежат и особенности жизни на селе. Физический труд и необходимость приложения больших усилий по ведению домашнего хозяйства вносят свои коррективы в досуг селян. Многие из них свободное время проводят за домашними делами и телевизором [16].

По всему миру сельские районы, как правило, отстают по уровню цифровых навыков⁴. Из данных табл. 2 видно, что в России примерно одинаковы доли горожан и селян, отказывающихся от использования интернета ввиду отсутствия необходимых знаний и умений, однако для сельских жителей эта проблема все же более актуальна (учитывая долю не пользующихся интернетом). Наблюдаются и различия в конкретных навыках (табл. 4). Так, у жителей сельских территорий менее развиты навыки, привычные для городского жителя, активно использующего ПК и интернет для учебы и работы в условиях офиса, электронный документооборот и другие ИКТ в бизнес-процессах.

⁴ Цифровые технологии на службе сельского хозяйства и сельских районов: справ. документ / Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций. Рим, 2019. URL: file:///C:/Users/PC/Downloads/ca4887ru.pdf (дата обращения 19.05.2020).

Таблица 2. Причины неиспользования сети Интернет в домашних хозяйствах в городской и сельской местности, % от числа домашних хозяйств, не имеющих доступа к сети Интернет

	Городское население				Темп прироста, п. п.	Сельское население				Темп прироста, п. п.
	2015	2016	2017	2018		2015	2016	2017	2018	
Нет необходимости (нежелание пользоваться, нет интереса)	68,8	72,2	72,8	72,8	4,0	61,7	65,1	65,5	64,1	2,4
Недостаток навыков для работы в сети Интернет	16,8	19,8	27,2	30,2	13,4	16,7	21,1	26,6	31,2	14,5
Высокие затраты на подключение к сети Интернет	18,6	16,4	18,4	19,7	1,1	18,6	18,3	17,5	20,3	1,7
Отсутствие технической возможности подключения к сети Интернет	9,4	3,2	3,0	3,5	-5,9	13,4	12,9	12,1	14,1	0,7
Доступ к сети Интернет есть в другом месте (на работе, у знакомых, в точках общественного доступа или в любом другом месте)	4,5	9,0	8,2	6,9	2,4	5,9	5,6	5,4	4,8	-1,1
По соображениям безопасности и конфиденциальности	0,7	0,6	0,9	0,9	0,2	0,5	0,5	0,5	0,4	-0,1

Это (в порядке убывания различий) отправка электронной почты (на 18%), работа с текстовым редактором (14%), операции с электронными документами (перемещение информации внутри файла, перемещение файла между устройствами; 13 и 13% соответственно), работа с электронными таблицами (11%). Различия в других навыках менее значительны, однако в условиях стремительной цифровизации, в том числе сфер образования, здравоохранения, культуры, государственных и муниципальных услуг, вовлечения населения общественными организациями и представителями власти (группы поселений и социальных учреждений в социальных сетях, обсуждение проектов Народного бюджета, различные онлайн-голосования) предполагается, что и цифровые навыки должны иметь поступательное развитие, а различия между городом и селом должны постепенно сокращаться. Так, например, происходит с навыками обработки фото и видеофайлов. И это выглядит логичным: во время высокой популярности социальных сетей, где люди обмениваются фото и видео и ждут общественной оценки, сами программы становятся все более доступными и понятными, а для их использования достаточно мобильного телефона.

Однако выяснено, что по ряду навыков разрыв, напротив, либо нарастает, либо остается неизменным. Это касается более специализированных навыков, таких как подключение и установка новых устройств, создание презентаций, различные конфигурации с программным обеспечением и собственно программированием.

В заключение стоит отметить:

– гипотеза о наличии цифрового неравенства в России по оси «урбанизированные – аграрные» доказана путем изучения вторичных данных и группировки регионов России по четырем индикаторам цифрового развития. Среди регионов-аутсайдеров большую долю занимают аграрные и агропромышленные регионы. Регионы-лидеры же объединяют территории с высокоразвитой инфраструктурой, высоким уровнем жизни, а также обладающие существенным образовательным и научно-техническим потенциалом (это территории, где расположены крупные вузы и научные центры страны);

– выяснено, что существуют различия между городским и сельским населением российских регионов по включенности в цифровую среду. Это находит отражение в используемых устройствах для выхода в интернет: в сельских территориях более до-

Таблица 3. Цели использования сети Интернет населением в городской и сельской местности, % от общей численности населения, использующего сеть Интернет

Цель	Городское население				Темп прироста, п. п.	Сельское население				Темп прироста, п. п.
	2015	2016	2017	2018		2015	2016	2017	2018	
Участие в социальных сетях	74,6	75,8	77,9	78,0	3,4	74,7	76,8	78,6	77,3	2,6
Скачивание фильмов, изображений, музыки; просмотр видео; прослушивание музыки или радио	51,3	52,6	55,2	45,3	-6,0	43,0	46,8	46,2	41,4	-1,6
Поиск информации о товарах и услугах	42,5	46,6	55,2	57,2	14,7	28,2	33,4	38,9	43,5	15,3
Телефонные звонки или видеоразговоры через интернет (используя, например, Скайп)	43,4	45,8	50,9	54,7	11,3	32,9	35,2	41,3	45,3	12,4
Получение знаний и справок на любую тему с использованием Википедии, онлайн-энциклопедий и т. д.	39,6	43,1	47,9	43,5	3,9	26,3	31,2	32,7	26,5	0,2
Отправка или получение электронной почты	45,5	45,5	47,9	46,6	1,1	27,0	26,4	30,2	26,1	-0,9
Поиск информации, связанной со здоровьем или услугами в области здравоохранения	25,1	28,5	36,1	37,9	12,8	18,1	22,6	25,9	27,2	9,1
Загрузка личных файлов (книг/статей/журналов, фотографий, музыки, видео, программ и др.) на сайты, в социальные сети, облачные хранилища для публичного доступа	31,1	31,8	34,6	38,0	6,9	23,8	24,5	23,9	26,4	2,6
Осуществление финансовых операций	18,6	24,4	33,5	42,6	24,0	10,4	15,1	21,5	26,6	16,2
Игра в видео- или компьютерные игры / игры для мобильных телефонов или их скачивание	31,3	31,8	31,8	31,3	0,0	29,3	28,4	25,9	24,8	-4,5
Чтение или скачивание онлайн-газет или журналов, электронных книг	23,3	24,2	28,0	25,9	2,6	12,5	13,9	14,1	12,5	0,0
Общение с помощью систем мгновенного обмена сообщениями (чаты, ICQ, QIP и др.)	13,8	15,8	21,9	22,7	8,9	8,2	9,9	14,3	13,4	5,2
Продажа/покупка товаров и услуг (в том числе с помощью сайтов-аукционов)	17,1	19,5	21,1	27,8	10,7	8,5	9,9	10,9	14,7	6,2
Поиск информации об объектах культурного наследия и культурных мероприятиях, посещение виртуальных туров по музеям и галереям и др.	12,6	14,0	16,7	16,1	3,5	5,4	5,9	6,4	5,9	0,5
Поиск информации об образовании, курсах обучения, тренингах и т. п.	9,3	9,6	12,7	9,8	0,5	7,1	6,8	8,4	5,3	-1,8
Поиск вакансий	9,3	8,9	10,5	7,7	-1,6	7,6	8,1	10,3	8,2	0,6
Скачивание программного обеспечения (кроме компьютерных игр)	10,0	9,4	10,3	7,7	-2,3	7,3	5,7	5,9	4	-3,3
Дистанционное обучение	3,1	3,0	3,9	3,5	0,4	2,1	1,8	2,2	1,9	-0,2
Участие в онлайн-голосованиях или консультациях по общественным и политическим проблемам	3,8	3,1	3,7	3,5	-0,3	1,3	1,5	1,9	2,1	0,8
Публикация мнений по общественным и политическим проблемам через веб-сайты, участие в форумах	2,5	2,3	3,3	2,2	-0,3	1,2	1,2	1,5	1	-0,2
Участие в профессиональных сетях (например, LinkedIn, Xing, E-xecutive.ru и т. д.)	3,1	3,3	2,8	2,3	-0,8	1,8	1,3	1,5	1,4	-0,4

Таблица 4. Навыки работы населения на персональном компьютере в городской и сельской местности, % от общей численности населения, использующего персональный компьютер

Навык*	Городское население				Темп прироста, п. п.	Сельское население				Темп прироста, п. п.
	2015	2016	2017	2018		2015	2016	2017	2018	
Работа с текстовым редактором	55,4	58,6	62,4	59,9	4,5	45,7	45,5	48,9	46,3	0,6
Передача файлов между компьютером и периферийными устройствами (цифровой камерой, плеером, мобильным телефоном)	40,2	40,8	41,2	46,0	5,8	29,2	32,5	31,9	33,1	3,9
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	40,2	29,6	30,1	30,5	-9,7	26,5	26,2	26,9	25,5	-1,0
Работа с электронными таблицами	32,2	33,3	35,2	31,3	-0,9	21,1	21,4	22,2	20,2	-0,9
Подключение и установка новых устройств	12,5	13,0	15,1	15,2	2,7	7,5	8,2	9,5	8,0	0,5
Создание электронных презентаций с использованием специальных программ	11,1	12,1	13,8	11,8	0,7	8,3	8,9	10,2	9,7	1,4
Изменение параметров или настроек конфигурации программного обеспечения	5,0	4,3	5,4	4,3	-0,7	3,0	2,0	2,8	1,9	-1,1
Установка новой или переустановка операционной системы	4,2	4,0	4,7	4,1	-0,1	2,6	2,4	3,0	2,2	-0,4
Самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования	1,5	1,6	1,9	1,7	0,2	0,7	0,6	0,8	0,8	0,1

* Часть навыков исключена из таблицы, т. к. данные по ним опубликованы только за один год наблюдения. В тексте приведен анализ.

ступны мобильные телефоны и мобильная связь по сравнению с проводными способами подключения. При этом горожане успешно совмещают как использование высокоскоростного интернета дома и на работе и мобильной связи высокого качества в других необходимых случаях;

– важной причиной более низкой доступности интернета в селах остается отсутствие технической возможности для подключения, актуальна и финансовая проблема: ежемесячная оплата услуг связи не всегда вписывается в домашний бюджет селян и является первой на секвестирование в случае необходимости экономии в силу вторичности, не обязательности;

– по большинству жизненных ситуаций и вопросов селяне несколько реже обращаются к интернету как источнику информации или за совершением каких-либо операций,

покупок и т. д. Возможными причинами этого могут служить особенности образа жизни, ведения домашнего хозяйства либо недоверие ряду возможностей, предоставляемых онлайн (данный тезис требует дополнительной проверки);

– в цифровых навыках сельское население несколько (в пределах 11–18%) уступает городскому, что тоже может быть объяснено характеристиками труда и образа жизни. В целом различия присутствуют по типичным навыкам, которые горожанин, работающий так или иначе с компьютером/телефоном, использует ежедневно, т. е. цифровые навыки в меньшей степени используются селянами в трудовой деятельности ввиду структуры экономики. В первую очередь это характерно для аграрных территорий, что несколько снижает значимость цифровизации для них.

Безусловно, открытым остается вопрос, актуальны ли выявленные различия в пределах одного региона. В дальнейшем предполагается провести более углубленное изучение факторов включения населения в цифровую среду на примере Вологодской области с учетом ее внутрирегиональных особенностей. Представляется возможным проверить, каким сценариям подчиняется цифровое развитие различных территорий (города, муниципальные районы), а также более подробно изучить социально-демографические, социально-культурные особенности использования людьми цифровых услуг, в сравнении с местом их проживания и работы, оценить неравенство в наличии и эффективном использовании цифровых навыков. Данная работа воз-

можна при использовании социологических методов исследования.

Полученные результаты исследования основаны на систематизации, анализе аспектов цифрового развития российских регионов, анализ отечественных и зарубежных публикаций по данной проблематике, а также рассмотрении субъективных характеристик включенности в цифровую среду населения в зависимости от места его проживания, следовательно, обладают научной новизной и могут найти практическое применение. Выводы работы могут быть полезны исследователям и дать основания для совершенствования политики управления цифровым развитием территорий, в том числе в рамках реализации национального проекта «Цифровая экономика РФ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко Н.А., Кузнецова С.А., Иванова А.И. Факторы, результаты и перспективы развития цифровой экономики на региональном уровне // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 168–178.
2. Бабанов В.Н. Факторы и проблемы развития цифровой экономики в России // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2017. № 2. С. 255–261.
3. Силин Я., Анимица Е.Г. Контуры формирования цифровой экономики в России. *Journal of new economy*. 2018. № 3. URL: <http://jne.usue.ru/images/download/77/3.pdf> (дата обращения 10.05.2020).
4. Дубинина М.Г. Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах Российской Федерации // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 3. С. 25–36. DOI: 10.33873/2686-6706.2019.14-3.368-399
5. Грошев И.В., Краснослободцев А.А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социол. исслед. 2020. № 5. С. 66–88.
6. Banerjee A., Duflo E., Imbert C., Mathew S., Pande R. E-governance, Accountability, and Leakage in Public Programs. In: *Experimental Evidence from a Financial Management Reform in India*. NBER Working Paper No. 22803. Available at: <https://www.nber.org/papers/w22803.pdf> (accessed 11.05.2020).
7. Bannerjee A., Banerji R., Berry J., Duflo E., Kannan H., Mukherji S., Shotland M., Walton M. From Proof of Concept to Scalable Policies: Challenges and Solutions, with an Application. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, vol. 31, no. 4, pp. 73–102. DOI: 10.1257/jep.31.4.73
8. Pohjola M. *The Adoption and Diffusion of ICT across Countries: Patterns and Determinants*. The New Economy Handbook. San Diego: Academic Press, 2003. Pp. 77–100.
9. Billon M., Marco R., Lera-Lopez F. Disparities in ICT Adoption: a Multidimensional Approach to Study the Cross-country Digital Divide. *Telecommunications Policy*, 2009, vol. 33, pp. 596–610. DOI: 10.1016/j.telpol.2009.08.006
10. Dudek H. Determinants of Access to the Internet in Households – Probit Model Analysis. *Polish Association for Knowledge Management. Series: Studies & Proceedings*, 2007, no. 11, pp. 51–56.

11. Townsend L., Wallace C., Fairhurst G. Stuck Out Here: The Critical Role of Broadband for Remote Rural Places. *Remote Rural Places*, 2015, vol. 131. Available at: <https://doi.org/10.1080/14702541.2014.978807> (accessed 20.05.2020).
12. Александров И.Н., Федорова М.Ю. Инструменты цифровой экономики в стратегическом планировании развития сельского туризма как инструменты развития региональной экономики // Цифровая экономика в социально-экономическом развитии России: сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых С.-Петербур. гос. экон. ун-та. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 17–22.
13. Медведев В.А. Перед вызовами постиндустриализма: взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 156–157. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-156-157> (дата обращения 29.05.2020).
14. Архипова М.Ю., Сиротин В.П. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 670–683.
15. Александров И.Н., Федорова М.Ю. Влияние цифровой экономики на саморазвитие сельских территорий (на примере регионов Северо-Западного федерального округа России) // Проблемы современной экономики. 2019. № 3 (71). С. 246–250.
16. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социокультурные характеристики сельского населения // Социальное пространство. 2016. № 4 (6). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2013> (дата обращения 07.05.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александра Анатольевна Шабунова – директор, доктор экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru

Мария Андреевна Груздева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru

Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N.

SETTLEMENT ASPECT OF DIGITAL INEQUALITY IN MODERN RUSSIA

Digitalization is considered to be one of the promising drivers of rural territories' development and the reduction of territorial inequality in general. The article examines the residence factor of Russian regions' digitalization. On the basis of an analysis of individual indicators that characterize the Internet access, its active usage, availability of digital skills among population, and the refusal to use digital services due to the lack of skills, Russian regions were grouped according to levels of digital development. It is shown that regions-leaders include entities with a highly developed

infrastructure, high living standards, and a significant educational, scientific and technical potential. Regions-outsiders, in terms of digital development level, have a relatively high share of rural population or an agrarian-orientated economy. The involvement of urban and rural population in a digital environment is analyzed, and it is revealed that urban residents use ICT in all spheres of life more actively. The determination of digital development in rural areas is defined not only by infrastructure difficulties but also by lower demand caused by the way of life and the organization of production. In this regard, and due to lower living standards, rural residents see Internet costs as an additional, non-mandatory contribution to the budget. In comparison with urban residents, they are less likely to use the Internet for the solution of vital issues like the search for information, the performance of financial transactions, and the purchase of goods and services. There is also a gap in development of digital skills, and, even though a proportion of rural population that is included in the digital environment grows, the gap between them and urban residents does not bridge according to a number of specialized skills. The results obtained are of practical significance for development of research areas of Russian regions' socio-economic inequality and management decisions – within the national project “Digital economy of the Russian Federation” too.

Digitalization, territorial digital inequality, digital skills, settlement aspect, urban and rural residents.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra A. Shabunova – Director, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru

Marya A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Laboratory Head, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director for Scientific Work, Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.2

УДК 334.025 | ББК 65.050

© Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ И МЕХАНИЗМЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ ШУЛЕПОВ

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
Российская Федерация, 103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

E-mail: shulepov@duma.gov.ru

ORCID: 0000-0001-6731-1653

КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАДУМКИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: zk00@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5313-0835

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ЩЕРБАКОВА

Вологодский государственный университет
Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

E-mail: annascherbakova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3733-1909

В статье представлены различные теоретические подходы к пониманию сущности «социально-го партнерства» и «корпоративизма». Эволюционирование понятия «корпоративизм» позволило определить подход к современному «социальному партнерству», в основу которого закладывается идея трипартизма, то есть система трехстороннего межсекторного взаимодействия. Авторы выдвигают и доказывают гипотезу о том, что обеспечить ускоренное устойчивое развитие городов и других муниципальных образований и реализацию их стратегий можно на

Для цитирования: Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. Роль социального партнерства в развитии городов и механизмы его формирования // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 20–36. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.2

For citation: Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. Role of social partnership in urban development and mechanisms of its formation. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 20–36. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.2

основе социального партнерства власти, бизнеса и жителей. Наиболее эффективной формой организации социального партнерства в городе являются социально значимые проекты. Они положительно влияют на динамику социально-экономических показателей города, психологический климат, социальное самочувствие жителей и предпринимательского сообщества. Сущность социального партнерства заключается в создании в обществе таких устойчивых взаимоотношений, при которых органы власти, бизнес и жители на основе совместно принятой стратегии развития и организованного диалога объединяют усилия и ресурсы, в ходе разработки и реализации совместных проектов сообща решают имеющиеся в городе проблемы. Растет уровень доверия между городскими стейкхолдерами, в результате чего значительно снижаются все риски институционального взаимодействия и повышается его эффективность. При реализации социально значимых проектов, разрабатываемых в развитие городской стратегии, четко определяющей векторы желаемого будущего, в качестве главной объединяющей цели должно выступать формирование у людей чувства ответственности за свой город, уверенности в том, что они сами могут многое сделать, что они нужны и от них зависит будущее конкретной территории, а также будущих поколений, проживающих на ней.

Социальное партнерство, развитие города, стратегическое планирование, проектный подход, системное управление, социально-психологический климат в городе.

Актуальность и цель исследования

В настоящее время актуальным направлением для исследований становится изменение характера взаимоотношений власти, бизнеса и общества. Интерес к данному вопросу обусловлен осознанием ценности человеческого капитала, важностью регулирования социальной стабильности в государстве, усложняющимися общественными взаимоотношениями, накапливающимися противоречиями различного характера, ростом количества информации, повышением доступности и скорости коммуникаций, изменением роли органов власти в целом.

Характер современных процессов, происходящих в обществе, проявляющийся в быстром развитии сферы информационных технологий, вызывает необходимость поиска и выстраивания оптимальных социально-экономических отношений [1]. Объединяющим звеном этих концепций может стать осознание важности системных партнерских взаимодействий власти и общества для поддержания социально-экономического развития как на общегосударственном и региональном, так и на муниципальном уровне.

В связи с возрастанием роли демократических процедур и институтов в управлении городом (публичные слушания, территори-

альное общественное самоуправление, общественные советы и приемные, интернет-приемные, объединения некоммерческих организаций, партии, профессиональные союзы, общественные палаты и движения, молодежные парламенты, советы ветеранов, деловые клубы, «народные бюджеты» и т. п.) органы власти и управления получают в свое распоряжение дополнительные возможности для получения стабильной обратной связи от жителей. Следовательно, они могут разрабатывать качественные стратегии развития городов и грамотно проводить их в жизнь с максимальным учетом мнений всех участников.

В наиболее продвинутых городах политика компромиссов, использовавшаяся ранее и предполагавшая борьбу различных групп за ресурсы, уступает политике партнерства между властью, социальными группами и бизнес-структурами. Именно она определяет качественное повышение эффективности муниципального управления. По нашему мнению, сегодня важно переходить к разработке механизмов построения партнерства, при использовании которых все участники достигают своих целей (стратегия «выиграл – выиграл») и обеспечивается достижение синергетических эффектов.

Для этого необходимо на постоянной основе привлекать к разработке управлен-

ческих решений представителей и лидеров различных социальных групп, ученых и профессиональных предпринимателей, обладающих высоким интеллектом и уникальными организационными компетенциями. Это тем более оправдано в ситуации, когда невозможно добиться значительного и системного повышения комфортности проживания в городе, опираясь только на средства бюджета.

Цель исследования – определить роль социального партнерства в качестве важнейшей формы развития городов и других муниципалитетов, а также разработать механизмы его формирования. Для этого, в частности, требуется решить следующие задачи:

а) обосновать целесообразность применения концепции социального партнерства для обеспечения устойчивого социально-экономического развития городов и других муниципальных образований на основе разработки и последовательной реализации стратегий;

б) доказать, что на положительную динамику основных показателей города существенное влияние оказывают комфортный психологический климат, социальное самочувствие жителей и предпринимательского сообщества, а их формирование, в свою очередь, является стратегической задачей органов власти и управления. Она решается с помощью грамотной работы СМИ и использования современных управленческих инструментов, таких как стратегическое планирование и проектное управление.

Теоретические подходы к исследованию социального партнерства

Понятие «социальное партнерство» изначально было тесно связано с понятием «корпоративизм». В одних странах ту же систему научных взглядов называют корпоративизмом, в других – социальным партнерством [2]. В мировой политической практике и науке, юриспруденции, социологии трудовых отношений распространено понятие «корпоративизм», который подразумевает более широкую представленность ин-

ституциональных участников социального диалога. Социальное партнерство чаще используется для обозначения принятых подходов к согласованному решению социальных проблем.

Многогранность сущности корпоративизма проявляется в том, что различными авторами он рассматривается и как особая экономическая система (наряду с феодализмом, капитализмом, социализмом), и как форма государственного устройства (вместе с парламентаризмом, фашизмом), и как система регулирования общественных интересов (плюрализм, синдикализм, монизм).

Первый подход представляют ученые английской школы Д. Уинклер, Г. Лембрух, К. Кроуч, Н. Харрис, С. Файнер [3–6]. Они рассматривают корпоративизм как экономическую систему, противоположную рыночному либерализму, указывая на необходимость государственного вмешательства и планирования. К ее характерным чертам относят: а) замену свободы деятельности частного капитала деятельностью государства; б) значительную независимость государства от частного сектора, а в связи с этим возможность диктовать условия производителям.

Однако представители этой научной школы понимают корпоративизм более широко, чем государственное вмешательство, регулирование спроса, индикативное планирование, технократическое управление, социальная демократия, социально ответственный капитализм или новое индустриальное общество.

Представители второго подхода (Е. Талос, Б. Джессоп, Б. Теввор) – основоположники австрийской школы [3; 7] – рассматривают корпоративизм как форму государственного устройства в рамках капиталистической системы, где он появляется параллельно парламентской системе, чтобы впоследствии превзойти ее. Если при парламентском строе процессы представительства и вмешательства государства в экономику разделены, то при корпоративном происходит их слияние: корпорации выражают интересы своих членов и действуют как своеобразные посредники

при проведении в жизнь политики правительства. Лидеры функционально организованных интересов ведут переговоры с государственными чиновниками, в том числе для того чтобы достигнуть договоренности о воплощении в жизнь принятых решений.

Экономический эффект развития системы корпоративизма, как отмечает Е. Талос [7], состоит в стабилизации уровня занятости и распределения доходов, а также в положительном влиянии на экономический рост и стабильность в сфере денежного обращения. Наконец, корпоративизм воздействует и на социальную стабильность, ограничивая рост конфликтов.

Представители третьего подхода к исследованию корпоративизма (Ф. Шмиттер, Г. Лембрух) рассматривают его как способ организации интересов и взаимодействия с государством [3; 8; 9].

Корпоративизм в данном случае определяется как система представления интересов общества, когда небольшое число отдельных неконкурирующих, иерархически организованных и функционально дифференцированных структур, созданных или признанных государством, наделаются различного рода монополиями в области представительства конкретных категорий жителей взамен на осуществление определенного контроля отбора лидеров, выражения требований и поддержки. В результате корпоративизм противопоставляется плюрализму, который может быть определен как система представительства интересов, где составные части организованы в неограниченное число разнородных, добровольных, конкурирующих между собой без иерархической упорядоченности структур. Эти структуры сами определяют форму и область своей деятельности, признаются и поддерживаются финансово на конкурсной основе, сами осуществляют отбор лидеров, не обладают монополией на представительство интересов жителей.

Определенный вклад в развитие теоретических аспектов корпоративизма внесли

ученые скандинавской школы (Г. Хекшер, Н. Элвандер, Э. Дамгор, Й. Буксти) [3; 10]. Они рассматривали ситуацию, в которой организации, представляющие интересы различных групп общества, включены в направляемый чиновниками процесс разработки и принятия решений. Для этого используются специально созданные институты (консультативные советы, совместные рабочие группы и т. п.).

На современном этапе развития науки понятие «корпоративизм» позволило сформировать подход к понятию «социальное партнерство»: в основу социального партнерства положена идея трипартизма, то есть система трехстороннего взаимодействия (государства, работников и работодателей) в процессе регулирования социально-трудовых отношений. По нашему мнению, это узкое понятие социального партнерства.

В широком понимании социальное партнерство трактуется как «налаживание конструктивного взаимодействия между тремя силами, действующими на общественной арене страны, области, города или иной территории, – государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями» и называется межсекторным [11].

Мы разделяем точку зрения признанного отечественного разработчика этого научного направления В.Н. Якимца [12]. В то же время отмечаем, что на уровне городов и других муниципальных образований пока недостаточно исследован вопрос, касающийся внедрения теоретических подходов межсекторного партнерства в практику муниципального управления. Однако это направление видится перспективным, так как именно муниципальные органы власти находятся в тесном диалоге с бизнесом и жителями города и могут существенно влиять на динамику социально-экономического развития и психологический климат. При этом инструменты построения социального партнерства на уровне города требуют гибкости и мобиль-

ности, в связи с чем наиболее целесообразно использовать принципы проектного управления.

Результаты обобщения накопленного научным сообществом опыта позволяют сделать ряд выводов относительно теоретических подходов к сущности социального партнерства.

1. Социальное партнерство занимает важное место между моделью тоталитарного государства с полным государственным регулированием экономической и социальной жизни общества, государственным капитализмом, идеальной моделью свободного рынка и прямой демократии.

2. Традиционное социальное партнерство представляет собой форму организации, при которой ключевые экономические, политические и социальные решения принимаются оформленными корпоративными группами или совместно этими группами и государством. Индивиды могут влиять на решения, принимаемые на государственном уровне, посредством членства в корпоративных и общественных объединениях.

3. Социальное партнерство способно снять ключевые противоречия в городском сообществе, снизить уровень напряжения и негатива, повысить уровень взаимного доверия, так как в его основе лежит принцип учета интересов партнеров (власти, бизнеса, жителей) и поиска прорывных решений, обеспечивающих выигрыш всем сторонам, в противовес политике взаимных уступок и компромиссов.

Результаты

Обобщение теоретических подходов к сущности социального партнерства и использованию его принципов в практике муниципального управления России позволяет утверждать, что в условиях ограниченности ресурсов организация системного взаимовыгодного взаимодействия между властью, бизнесом и обществом на основе разработки и достижения общих целей является одним из наиболее эффективных способов решения городских про-

блем. Концентрация ресурсов (финансовых, материальных, интеллектуальных, организационных, трудовых, информационных), находящихся как на территории города, так и за его пределами, и усилий для решения конкретных задач дает значимые результаты для всего города, а каждому из участников партнерства позволяет достичь своих целей.

Парадокс заключается в том, что многие теоретики и практики, понимая значимость партнерства [13; 14], не владеют технологиями его построения. В Администрации города Вологды в период с 2009 по 2016 год накоплен значительный опыт практического применения идеологии социального партнерства в муниципальном стратегическом управлении. При участии авторов статьи были разработаны и успешно апробированы технологии взаимодействия власти, бизнеса и населения, позволяющие решать различные проблемы социально-экономического развития при минимальных затратах бюджета.

Безусловно, все начинается с разработки стратегии развития города. Именно разговор о будущем создает базу для выстраивания диалога между самыми разными группами городского сообщества. После того как стратегия разработана (а часто еще на этапе ее разработки), формируются идеи, которые можно довести до уровня проекта, и перечень лиц, готовых взяться за их реализацию. Совокупность отдельных проектов можно свести в систему. Так, например, в Вологде в период 2009–2016 гг. Департаментом стратегического планирования и инвестиционной политики Администрации города, подчиняющимся напрямую Главе города Вологды, была выстроена система стратегического планирования. На базе сформулированных в стратегии целей и принципов городского развития благодаря активной деятельности Управления информации и общественных связей города (УИОС), которое в данном случае выступило субъектом управления, удалось создать уникальную систему по разработке, реализации и продвижению социально значимых проектов

под общим брендом «Вологда – город добрых дел»¹. Основная задача системы заключалась в повышении активности горожан, переводе негативных настроений в позитивную повестку, чтобы сами жители стали инициаторами позитивных преобразований, научились совместно формулировать и решать имеющиеся проблемы. Именно УИОС выступало штабом по выработке идей, координировало деятельность участников социального партнерства и осуществляло информационное сопровождение проектов, объединяющих жителей и бизнес. Эффективность использованного подхода подтверждается достигнутыми результатами, описанными в опубликованных ранее работах авторов [15; 16 и др.].

В авторской трактовке социальное партнерство на муниципальном уровне – система институтов и механизмов согласования интересов и действий участников партнерства (органов власти, жителей и предпринимательского сообщества²), основанная на равном и взаимовыгодном сотрудничестве с целью разработки и реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования³.

Еще раз подчеркнем, что главным инструментом при построении социального партнерства выступает организованный диалог участников. Именно в ходе диалога выявляются городские проблемы, обсуждаются варианты их решения. Таким образом, постепенно формируется круг основных идеологов – людей, способных находить и формулировать нестандартные прорывные решения.

Политика корпоратизма на начальном этапе помогла перейти от антагонизма к нахождению компромиссов между стейк-

холдерами в городах [17]. Однако, по нашему мнению, сегодня важно переходить от поиска компромисса к разработке новых механизмов социального партнерства, при использовании которых все участники достигают своих целей и выигрывают [15]. Применение инструментов соучаствующего проектирования [18] в городе позволяет реализовать стратегию «выиграл – выиграл», при которой все группы, заинтересованные в развитии города, остаются в выигрыше (рис. 1). Согласно современным научным течениям многие городские проекты, создающиеся на основе трипартизма и затрагивающие интересы различных социальных групп, по своей сути являются социальными инновациями [19].

Классификация форм социального партнерства на уровне муниципального образования, предложенная авторами, представлена в табл. 1.

Все эти формы социального партнерства достаточно широко применяются за рубежом⁴.

Считаем, что субъектом управления в вопросах организации социального партнерства на муниципальном уровне должны выступать органы местного самоуправления, так как именно они задают целевые ориентиры для развития территории. При этом на всех этапах формирования социального партнерства важную роль играют СМИ. Они через информационные потоки создают и расширяют социальные связи между всеми стейкхолдерами, а также берут на себя коммуникационную функцию. Установление тесных взаимосвязей между участниками социального партнерства влечет повышение доверия, усиливает их активность, способствует росту количества и качества инициатив.

¹ Было разработано и реализовано более 50 уникальных крупных общегородских проектов, в которых ежегодно принимали участие более 100 тысяч жителей и 1000 предприятий. Проводились сотни акций, праздников, событий и добрых дел. Наиболее значимые проекты: «Забота», «Молодежные трудовые бригады», «Яркий двор», «Город детства», «Город молодых талантов», «Поколения в контакте», «100 добрых дел», Международный форум «Социальные инновации. Лига молодых», «Цветущий город», «Снежная крепость», «Дружные соседи», «Дыхание улиц» [16].

² На сельских муниципальных территориях дополнительно к этим группам добавляется сообщество дачников.

³ При этом важно отметить, что в авторской трактовке к формам социального партнерства не относятся законодательно установленные обязательства в рамках налоговой политики и трудовых отношений.

⁴ Atlas of Social Innovation – New Practices for a Better Future. Dortmund: TU Dortmund University, 2018. 245 с.

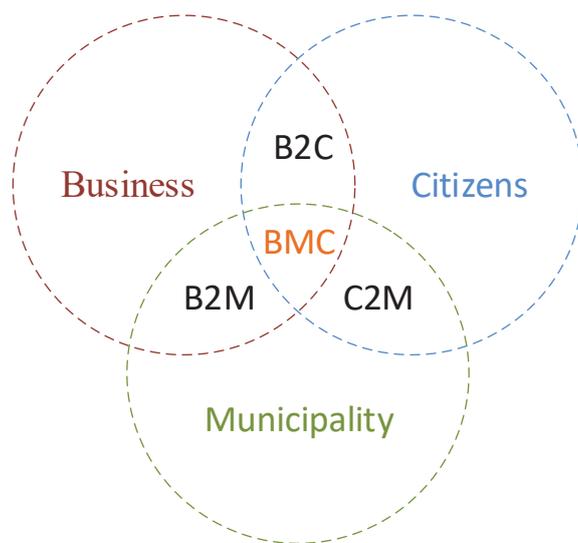

Рис. 1. Взаимодействие стейкхолдеров при социальном партнерстве

Источник: составлено авторами.

Для того чтобы субъект управления понимал текущую ситуацию и отслеживал динамику изменений, необходима оценка уровня развития социального партнерства, которая может осуществляться количественными (статистические показатели, характеризующие развитие отдельных институтов и механизмов) и качественными (опросы, экспертные оценки) методами. Следует отметить, что имеющиеся в теории и практике управления методики ввиду новизны исследуемой темы являются несовершенными и требуют доработки. Так, например, научный коллектив (Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина, А.А. Мехова) [20] провел анализ различных методик оценки социального капитала и предложил свою индикаторную модель, предполагающую оценку когнитивного (доверие, готовность к объединению, ответственность за состояние дел) и структурного (степень участия в общественной жизни, степень участия в политической жизни, возможность влияния на состояние дел) компо-

нентов. В связи с этим, по мнению авторов, в качестве главного качественного показателя, отражающего уровень развития социального партнерства, целесообразно использовать оценку уровня доверия между властью, жителями и бизнесом. Она осуществляется путем организации специальных социологических опросов.

На мировом уровне авторитетным исследованием является ежегодный рейтинг доверия Edelman⁵. В 2019 году в списке стран по общему уровню доверия жителей к общественным институтам и институтам власти Россия заняла последнее место с индексом доверия 29 из 100.

В РФ исследования в этом направлении на регулярной основе проводят ВЦИОМ⁶, Левада-Центр. Их оценки в целом совпадают с мировыми и свидетельствуют, что уровень доверия в российском обществе находится на низком уровне⁷. В Вологодской области оценку уровня межличностного доверия в рамках мониторинга общественного

⁵ Edelman Trust barometer. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf

⁶ Всероссийский центр изучения общественного мнения.

⁷ Индекс доверия ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam

Таблица 1. Основные формы социального партнерства на муниципальном уровне

Взаимодействие	Стейкхолдеры	Основные формы партнерства
Business – Citizens (B2C)	Взаимодействие бизнеса и жителей	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социальные инвестиции 2. Социальное предпринимательство 3. Благотворительность 4. Меценатство 5. Фандрайзинг 6. Краудфандинг 7. Коллективные договоры 8. Оценка регулирующего воздействия
Business – Municipality (B2M)	Взаимодействие бизнеса и муниципальной власти	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поставка товаров и оказание услуг, в том числе с отсрочкой платежей 2. Лизинг и аренда имущества 3. Муниципально-частное партнерство или государственно-частное партнерство (ГЧП) 4. Концессии 5. Аутсорсинг 6. Спонсорство 7. Обеспечение занятости 8. Взаимодействие в рамках общественных объединений предпринимателей (РСПП, ТПП, Опора России, Деловая Россия и др.) 9. Инфраструктурные площадки для развития предпринимательства 10. Территории развития (промышленные парки, ТОСЭР, ОЭЗ)
Citizens – Municipality (C2M)	Взаимодействие жителей города и муниципальной власти	<ol style="list-style-type: none"> 1. Территориально-общественное самоуправление 2. Народные бюджеты 3. Народный контроль 4. Сетевая коммуникация в режиме online 5. Городские конкурсы 6. Взаимодействие с профсоюзами, общественными организациями и НКО, в том числе в форме предоставления грантов, льгот и муниципального имущества 7. Инфраструктурные центры для решения городских задач
Business – Municipality – Citizens (BMC)	Трипартизм: взаимодействие бизнеса, муниципальной власти и жителей	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социально значимые проекты 2. Общегородские события, фестивали 3. Городские праздники и ярмарки 4. Субботники 5. Взаимодействие в рамках трехсторонних комиссий (работодатели – профсоюзы – местные администрации) 6. Поддержка местной экономики и локальных брендов 7. Выпуск муниципальных облигаций 8. Проведение городских лотерей 9. Общественные пространства 10. Дискуссионные площадки 11. Совместные законодательные инициативы 12. Совместное использование имущества (шеринг) 13. Городские дисконтные системы 14. Открытые градостроительные советы
Источник: составлено авторами.		

Рис. 2. Оценка уровня межличностного доверия, % от числа опрошенных

Источник: Озорнина С.В., Бахвалова И.М., Гордиевская А.Н. Динамика гражданской активности населения Вологодской области // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 2. URL: http://sa.vscs.ac.ru/article/28573/full?_lang=ru

мнения⁸ осуществляет Вологодский научный центр РАН (рис. 2).

Согласно ее результатам: «Ситуация в Вологодской области, характеризующаяся невысоким уровнем доверия в целом, ограниченностью радиуса доверия первичными адресатами, соответствует как российским, так и общемировым тенденциям... Низкий уровень доверия свидетельствует и о проблемах в сфере межличностной коммуникации, выстраиваемой между акторами и основанной на недостаточной информационной базе» [21].

Если обратиться к количественной оценке социального партнерства, то можно отметить, что статистических данных для расчета интегральных показателей по городам недостаточно. В этом случае целесообразно использовать динамику показателей, характеризующих уровень развития отдельных институтов и механизмов, указанных

в табл. 1. Приведем основные из них по Российской Федерации (рис. 3).

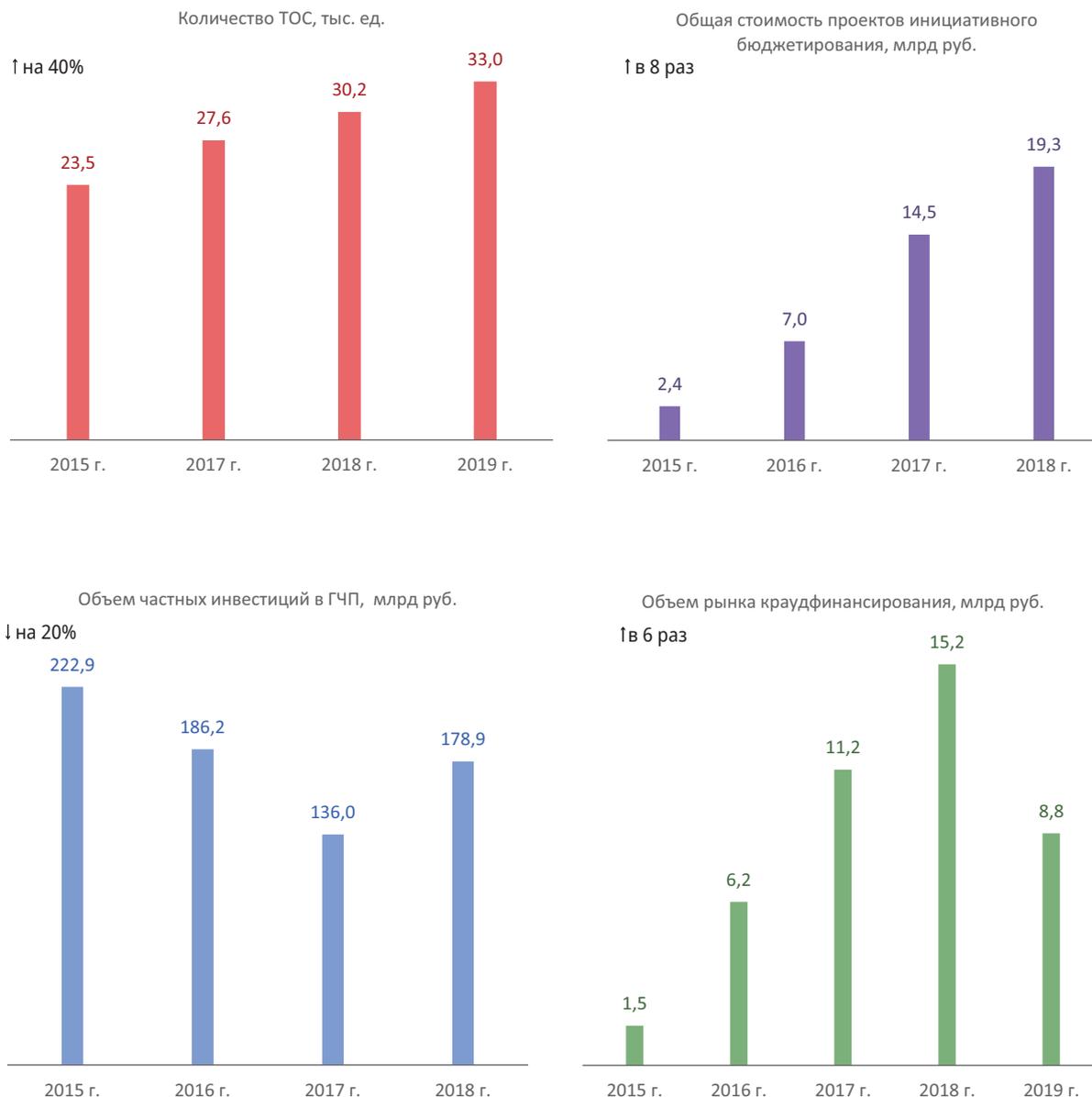
1. Территориальное общественное самоуправление. В 2019 году в России в качестве юридического лица было зарегистрировано 2541 ТОС, без образования юридического лица – 30501 ТОС⁹. С 2015 года количество первых ТОС увеличилось на 20%, вторых – на 43%. В Вологодской области в 2018 году работало 72 ТОСа.

2. Результаты инициативного бюджетирования (ИБ). В Докладе Министерства финансов РФ приводятся следующие данные: «Расчитываемый с 2017 года показатель «внебюджетные средства на 1 рубль из бюджета субъекта Российской Федерации» вырос в 2018 году с 0,15 руб. до 0,19 руб. Общее количество реализованных проектов ИБ в 2018 году выросло почти на 3 тыс. и составило 18725 (в 2016 году – 9260, в 2017 году – 15942)»¹⁰. Практика развития инициативно-

⁸ В городах Вологде и Череповце, а также в 8 районах Вологодской области.

⁹ Развитие ТОС в России. URL: <https://www.dropbox.com/s/oqfd91hdssfw1u1/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5%20%D0%A2%D0%9E%D0%A1%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%2001.03.2019%D0%B3.pdf?dl=0> (дата обращения 21.06.2020).

¹⁰ Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/1070_Doklad.pdf (дата обращения 21.06.2020).

Рис. 3. Показатели количественной оценки развития социального партнерства в России (отклонение указано на представленный период)

Источники: Рынок проектов ЧГП. URL: <https://p3week.ru/images/2019/7.pdf>; Краудфинансирование: индустрия и правила регулирования в России. URL: <https://infralex.ru/media/news/e0146eb202b84e9f29a682a89a0cbfd0.pdf>

го бюджетирования в городе Череповце стала одной из самых первых в России, проект «Народный бюджет» стартовал в 2013 году. В 2016 году выбор был сделан в пользу модели «Народный бюджет – ТОС», позволившей задействовать территориальное общественное самоуправление и включить в ИБ более широкую городскую аудиторию.

3. Результаты работы краудфандинговых платформ и в области фандрайзинга. Так, по данным РБК: «За первые девять месяцев 2019 года объем рынка краудфинансирования составил 5,2 млрд руб., сократившись почти на 42%. За аналогичный период 2017 года – 7,7 млрд руб., в 2018 году за этот период – 8,9 млрд руб.»¹¹.

¹¹ ЦБ зафиксировал резкое падение интереса россиян к краудфандингу. URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/11/2019/5dcd55c19a794751a1a5c3ca> (дата обращения 21.06.2020).

4. Активное развитие форм социального партнерства в России подтверждается данными Единой информационной системы государственно-частного партнерства в Российской Федерации. Исследователи провели их обобщение [22]. В 2017 году было представлено 215 проектов ГЧП, реализуемых в отраслях социальной сферы, в 2018 году их число увеличилось почти в два раза, составив 420 проектов. При этом в 2017 году из них на федеральном уровне реализовывался только один проект, в 2018 году уже четыре.

Относительно географии проектов сложилась следующая ситуация. В 2017 году большинство проектов ГЧП реализовывались в Приволжском (33,5%), Сибирском (16,3%) и Центральном (14,9%) федеральных округах. В 2018 году большая часть проектов представлена в Центральном (27,1%), Приволжском (22,9%), Северо-Западном (13,1%) и Сибирском (12,9%) федеральных округах.

В отраслевом разрезе в 2017 году в число лидеров вошли здравоохранение (35,8%), образование (27,4%) и социальное обслуживание населения (12,6%). В 2018 году передовые позиции заняли культура, досуг, туризм и реставрация объектов культурного наследия – 33,3% от общего количества проектов ГЧП.

Количество концессионных соглашений: в 2017 году лидером стало здравоохранение – 45 проектов; в 2018 году на культуру, досуг, туризм и реставрацию объектов культурного наследия пришлось 62 проекта.

На муниципальном уровне разные города и регионы разработали десятки программ по развитию социального партнерства [19]. Обратимся к отдельным успешным практикам.

Например, в Вологде при участии авторов с 2009 года реализуется социально значимый проект «Забота», направленный на социальную защиту особых категорий граждан: пенсионеров, многодетных семей, ветеранов, инвалидов. К этому зна-

чимому для города проекту присоединилось более 320 предприятий и организаций Вологды. Основные результаты проекта: объем реализованных товаров – почти 3 млрд руб., экономия вологжан составила около 252 млн руб., открыт культурно-досуговый центр для людей старшего поколения (80 клубов по интересам по 13 направлениям). В 2012 году проект «Забота» благодаря своей актуальности и постоянному развитию был признан лучшей муниципальной практикой на международном смотре-конкурсе «Лучший город СНГ и ЕвразЭс» в номинации «Эффективная политика в области поддержки малообеспеченных категорий населения». В 2013 году проект стал победителем VI Всероссийского конкурса муниципальных образований в номинации «Лучший социальный проект» среди городских округов – административных центров субъектов РФ, проводимого Министерством регионального развития Российской Федерации.

Для трудоустройства молодежи в летний период в Вологде реализуется проект «Молодежные трудовые бригады». В рамках проекта формируется перечень вакансий от ведущих предприятий города, параллельно создается база молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, желающих трудоустроиться на летний период. Всего за время реализации проекта с 2010 года трудоустроено около 10 тысяч человек. В общей сложности они заработали более 85 млн руб.

В 2014–2016 гг. ежегодно опыт города Вологды в социальном партнерстве транслировался в рамках Форума «Социальные инновации. Формула активности»¹² и был рекомендован экспертами для тиражирования на федеральном уровне.

Таким образом, достижения Вологды свидетельствуют, что городской социально значимый проект является эффективной формой организации партнерства на муниципальном уровне. Работа в рамках конкретных проектов позволяет одновременно решить несколько задач:

¹² Официальный сайт Международного форума «Социальные инновации. Формула активности». URL: <http://innovation35.ru>

- согласовать интересы разных социальных групп;
- обеспечить вовлечение жителей в решение городских проблем;
- научить участников проекта работать общей командой;
- вызвать чувство сопричастности и гордости за выполненные дела;
- повысить доверие людей друг к другу и органам власти;
- привлечь и сконцентрировать ресурсы (внутри города и за его пределами);
- на постоянной основе обеспечить эффект новизны (после завершения одного проекта команда переключается на другой, сохраняя при этом компетенции и при необходимости обновляясь).

Использование проектного подхода позволяет исключить дублирование функций и мероприятий, когда одна и та же проблема решается независимо и изолированно друг от друга различными органами власти. Соединение и координация усилий всех структур и служб в рамках конкретного проекта помогает распределить и оптимизировать функциональную нагрузку и одновременно повысить эффективность действий и расходования бюджетных средств.

В целях вовлечения максимально возможного количества жителей в городские проекты каждого участника необходимо задействовать на нескольких этапах, начиная с информирования о сути, привлечения к участию в разработке и заканчивая получением результатов и генерацией новых проектов.

Проекты можно рассматривать и как способ создания устойчивых горизонтальных социальных связей. Прекрасно, когда жители, бизнес, НКО и администрация в состоянии работать сообща. Но, для того чтобы научиться эффективно взаимодействовать, необходима площадка и, главное, понятный повод (общая идея) и задача для совместной работы. Нужно вовлекать максимальное число субъектов во все, что происходит в городе: от посадки цветов до разработки концепций развития города; от организации

детского отдыха летом до создания условий для счастливой старости ветеранов. Только когда люди привыкают, что взаимодействие для достижения общего блага является обычной практикой, уровень доверия в городе растет, а за ним увеличиваются и все другие показатели¹⁵. Город начинает гармонично развиваться.

Успешность любого проекта зависит главным образом от того, насколько эффективно осуществляется его замысел, в котором сконцентрированы интересы всех участников. Реализовать замысел проекта в полной мере, в свою очередь, можно только при использовании специальных технологий управления. Для этого необходимо наличие компетентной команды. В ней, по мнению С. Мурунова, руководителя Центра прикладной урбанистики при Московской высшей школе социальных и экономических наук, обязательно должны присутствовать идеологи, коммуникаторы и организаторы. Первые разрабатывают концепцию проекта и увязывают его со стратегией развития города. Вторые обеспечивают сопровождение проектов в средствах массовой информации и сети Интернет. Организаторы являются профессионалами в сфере проведения различных мероприятий и распределения функций. Это люди, которые способны обеспечить эффективное выполнение работ по проекту. Они делегируют полномочия членам группы, обеспечивают контроль за исполнением плана, оценивают состояние работ, координируют и корректируют их выполнение.

Исследование российских ученых [23] показало, что эффективность межсекторного партнерства зависит не только от желания стейкхолдеров совместно решать социально-экономические проблемы общества, но и от того, на каких принципах [24] основывается их сотрудничество.

При разработке проектов, по мнению авторов, необходимо соблюдать ряд принципов:

¹⁵ По сути, речь идет об эффективном способе накопления социального капитала, который определяет качество социальных связей в обществе.

- комплексность (проект позволяет решать сразу несколько задач и проблем, интересен всем участникам);
- масштабируемость (заключается в увеличении числа участников, положительной динамике показателей реализации проекта);
- тиражируемость (обеспечивается возможностью переноса успешного опыта на другие территории);
- вовлеченность максимального количества участников (привлечение к реализации городских проектов активной части жителей и бизнеса, объединенных идеей созидания и любви к своему городу);
- сопряженность (позволяет объединять проект с другими социально значимыми проектами и получать синергетические эффекты);
- эффективность (обеспечивает получение максимального эффекта при минимальных затратах).

Потенциально успешный проект не только должен соответствовать выполнению вышеуказанных условий, до начала реализации важно четко определить его основные параметры. Как правило, они прописываются в специальном документе – Паспорте проекта (табл. 2).

Организованная на принципах проектного управления система социального партнерства доказала свою эффективность. В Вологде разработано более 50 проектов, в реализации которых принимали участие свыше 100 тысяч человек и 1000 предприятий [16]. В результате объединения ресурсов власти, бизнеса и населения вокруг идеи создания комфортного города, а также правильной организации диалога Администрации города удалось не только улучшить комфортность проживания в Вологде, но и значительно изменить психологический климат, получить заметные социальные и бюджетные эффекты.

Выводы

Подводя итоги после рассмотрения вопроса о применении идеологии социального партнерства на муниципальном уровне,

хотелось бы акцентировать внимание на ряде моментов.

1. Социальное партнерство позволяет снять противоречия и негатив, неизбежно возникающие между органами власти, бизнесом и жителями в крупном городе. Социальное партнерство может стать главным инструментом для достижения стратегических целей социально-экономического развития города, при котором в условиях ограниченности бюджетных ресурсов достигается синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов при решении социальных проблем.

2. В нашем понимании сущность социального партнерства заключается в создании устойчивых взаимоотношений в обществе, когда органы власти, бизнес и жители на основе совместно принятой стратегии развития и организованного диалога объединяют усилия и сообща сами решают имеющиеся в городе проблемы в ходе разработки и реализации совместных проектов.

3. Опыт города Вологды по разработке и запуску системы социальных проектов «Вологда – город добрых дел», в рамках которой было реализовано более 50 различных проектов, показывает, что:

- а) проектный подход является эффективной формой организации социального партнерства;
- б) системный подход к социальному проектированию позволяет увязать проекты между собой, расширить их содержание, увеличить число участников и получать синергетические эффекты;
- в) системность работы обеспечивается наличием согласованной стратегии развития города.

4. Поскольку задачи обеспечения функционирования городской инфраструктуры и развития города существенно отличаются, в органах местного самоуправления необходимо создать специальные структуры, работающие на проектных принципах и ответственные за выстраивание диалога, социального партнерства, доверия и комфортного социально-психологического климата в городе. Кроме разработки проектов,

Таблица 2. Основные разделы Паспорта социально значимого проекта на уровне города

№	Параметр проекта	Определение параметра
1	Целевая аудитория, на которую направлен проект	Для успеха каждый проект должен быть нацелен на решение проблем конкретной группы горожан. При определении целевой аудитории учитываются социально-демографические характеристики типичного представителя данной группы жителей (например, пол, возраст, профессия), его образ жизни, выраженные интересы, потребности и т. п.
2	Проблема или проблемы, существующие в городе, которые планируется решить в рамках проекта	Существующая у целевой аудитории проблема является основой для разработки проекта. На поиске ее решения, основанного на социальном партнерстве, и строится проект. Чем острее выявленная проблема, тем с большим желанием жители будут участвовать в разработке и реализации проекта. При качественной проработке проект способен решать не одну, а несколько городских проблем
3	Цели и задачи проекта	Цели и задачи проекта формируются на основе выявленных в ходе анализа проблем. Они описывают желаемое состояние, которого необходимо достичь в результате реализации проекта. Цели проекта должны быть увязаны с достижением стратегических целей города, прописаны с использованием технологии SMART, учитывать специфику конкретного проекта и территории
4	Суть проекта	В кратком виде описывает планируемые преобразования, позволяет четко сформулировать замысел и логику реализации проекта. На этом этапе важно отсеять все лишнее и выразить идею проекта максимально лаконично и ярко. Как правило, на этом этапе рождается название проекта и его слоган
5	Ресурсы, которые планируется задействовать (привлечь) для реализации проекта	Инвентаризация и поиск ресурсов составляют ключевой раздел паспорта проекта с точки зрения применения принципов социального партнерства. Кроме финансовых, материальных, технических ресурсов власти, бизнеса и целевой аудитории проекта в нем следует уделить внимание опыту, знаниям, навыкам, умениям, связям, возможностям, энергии, энтузиазму, вниманию, статусу организаторов и участников. Очень важно верно рассчитать необходимые временные затраты. В идеальном варианте разработчики проекта должны применить незадействованный ресурс и значительно повысить эффективность его использования. В классическом примере таким ресурсом может быть городской пустырь, на котором общими усилиями создается парк
6	Медиаплан проекта	Системное, спланированное по времени и основным событиям информационное сопровождение является ключевым фактором успешности социального проекта. При этом рассматривается использование как традиционных СМИ, так и характерных для социального партнерства технологий социальных сетей, чатов и других средств прямых публичных коммуникаций власти с жителями, социально ответственными НКО и предпринимательским сообществом
7	Инструменты реализации проекта	Существующий набор инструментов реализации социальных проектов обширен. Наиболее активно используются: а) конкурсы; б) специальные события и праздники; в) специальные локации и площадки проекта (в том числе электронные); г) формальные объединения; д) публичные обсуждения и дискуссии; е) финансовые и нефинансовые преференции; ж) формальные соглашения и др.
8	План реализации проекта с разбивкой на этапы	Содержит основные этапы проекта и мероприятия, которые необходимо выполнить для решения задач проекта и достижения его целей. Содержит информацию о сроках проведения каждого мероприятия в рамках проекта с указанием ответственного лица. План зависит от состава и ресурсов участников проекта, а также от его масштаба. Он может существенно меняться в ходе реализации проекта
9	Результаты проекта	Дается характеристика последствий реализации проекта. Оцениваются бюджетные и социальные эффекты, степень решения задач, на выполнение которых был направлен проект. Важным результатом любого проекта является база участников-единомышленников, обладающих полезными навыками и компетенциями, полученными в рамках его реализации
10	Перспективы развития проекта	Описываются возможности масштабирования и тиражируемости проекта с учетом роста интереса к нему со стороны бизнеса и жителей, а также за счет его объединения с другими проектами и территориями
11	Организаторы проекта	Данный раздел очень важен для организации разработки и управления реализацией проекта. Возможны различные технологии запуска городских проектов. Наиболее распространены два подхода: а) «сверху – вниз» при котором инициатива идет от органов власти, а затем ее подхватывают жители; б) «снизу – вверх», когда инициаторами становятся жители или бизнес, а власть поддерживает, масштабирует и тиражирует локальный успешный проект на весь город
12	Смета проекта	Составляется исходя из задач и масштабов проекта, может включать в себя, в том числе, и затраты на разработку проекта, его дизайна и символики, оплату текущих расходов, подготовку раздаточных материалов, вознаграждение волонтеров и др.

Источник: составлено авторами.

координации деятельности его участников и осуществления информационного сопровождения в их функции обязательно должны входить поиск и обучение лидеров, формирование команд, демонстрация историй успеха, а в конечном итоге – повышение общей активности и компетенций жителей, с тем чтобы они сами стали главными инициаторами позитивных преобразований.

5. Проект, по нашему мнению, является наиболее эффективной формой социального партнерства в городе. При реализации социально значимых проектов в качестве главной объединяющей цели необходимо ставить формирование у людей чувства ответственности за свой город, уверенности в том, что они сами могут многое сделать, что они нужны и от них зависит будущее конкретной территории, а также детей и внуков, проживающих на ней.

Таким образом, вклад авторов в развитие теоретической и прикладной науки

заключается в следующих положениях научной новизны.

1. Обосновано, что эффективной формой организации социального партнерства на муниципальном уровне выступает социально значимый проект.

2. Предложена классификация форм социального партнерства на уровне муниципального образования, позволяющих выстроить системные взаимодействия власти, бизнеса и жителей.

3. Разработана канва паспорта социально значимого проекта на уровне муниципального образования.

Представленные выводы и результаты исследования будут полезны руководителям и специалистам органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, интересующимся вопросом использования проектного подхода в стратегическом управлении крупным городом и другими муниципальными образованиями, а также исследователям проблематики муниципального управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулакова Т.А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2011. 381 с.
2. Кривошеев В.Т. Социальное государство и его роль в установлении социального партнерства // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 112–124.
3. Салмин А.М. Неокорпоративизм в странах Запада // Полития. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada> (дата обращения 14.05.2020).
4. Lehmbbruch G. *Interest intermediation in capitalist and socialist systems: Some structural a functional perspectives in comparative research*. Available at: <https://ru.scribd.com/document/78266230/IPSR-Lehmbbruch-Interest-Inter-Mediation-in-Capitalist-and-Socialist-Systems> (accessed 14.05.2020).
5. Lehmbbruch G., Schmitter P.C. *Liberal corporatism and party government*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/254084124_Liberal_Corporatism_and_Party_Government (accessed 14.05.2020).
6. Crouch C. Pluralism and the new corporatism: a rejoinder. *Political Studies*, 1983, vol. 31 (3), pp. 452–460.
7. Talos E. Sozialpartnerschaft und Neokorporativismustheorien. *Oesterreichische Zeitschrift für Politikwissenschaften*, 1982, no. 3, pp. 263–285.
8. Schmitter Ph., Pike F., Stritch T. Still the Century of Corporatism? In: *The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World*. London, 1974. Pp. 85–131.
9. Schmitter P.C., Lehmbbruch G. Reflections of where the theory of neo-corporatism has gone and where the praxis of neo-corporatism may be going. *Patterns of Corporatist Policy-Making*, 1982, vol. 7, pp. 259–279.
10. Buksti J., Johansen L.N. Variations in organizational participations in government: the case of Denmark. *Scand. Polit. Studies*, 1979, vol. 2, no. 2, pp. 197–220.

11. Якимец В.Н., Никовская Л.И., Коновалова Л.Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России. М.: Изд. центр ГОУВПО ГУУ, 2004. 208 с.
12. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: Едиториал УРСС, 2004. 384 с.
13. Осьмук Л.А. Межсекторное социальное партнерство. Развитие региональных моделей. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2014. 168 с.
14. Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти. М.: ИНФРА-М, 2006. 194 с.
15. Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. К вопросу использования проектного подхода в стратегическом управлении крупным городом // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 19–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.2
16. Шулепов Е.Б. Современные методы управления крупным городом / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 196 с.
17. Черныш М.Ф. Противоречия становления социального партнерства // Социальные исследования. 2005. № 6. С. 16–25.
18. Санюф Г. Соучаствующее проектирование: практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / пер. с англ. А. Коннов. Вологда: Проектная группа 8, 2015. 169 с.
19. Социальные инновации: новая инновационная парадигма развития общества. Интервью А. Шредера, М. Менапаче, А.А. Шабуновой // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 216–222. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.15
20. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 110–125. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.6
21. Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. Межличностное доверие в структуре социального капитала // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2603/full> DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.5
22. Медянцева С.Г., Кавкаева Н.В., Кавкаева О.Н. Проекты государственно-частного партнерства в социальной сфере Российской Федерации // Вопросы регулирования экономики. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekty-gosudarstvenno-chastnogo-partnyorstva-v-sotsialnoy-sfere-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 11.06.2020).
23. Взаимодействие предпринимательских структур, власти и населения в системе социального партнерства / Г.И. Грекова [и др.]. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. 242 с.
24. Черняк В.З. Принципы управления проектами. М.: Русайнс, 2017. 212 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Борисович Шулепов – Глава города Вологды (2008–2016 гг.), депутат, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Российская Федерация, 103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1; e-mail: shulepov@duma.gov.ru

Константин Алексеевич Задумкин – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: zk00@mail.ru

Анна Александровна Щербакова – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: annascherbakova@mail.ru

Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Sherbakova A.A.

ROLE OF SOCIAL PARTNERSHIP IN URBAN DEVELOPMENT AND MECHANISMS OF ITS FORMATION

The article presents various theoretical approaches to understanding the essence of “social partnership” and “corporatism”. The evolution of the concept of “corporatism” allowed us to define an approach to modern “social partnership”, which is based on the idea of tripartism – a system of a three-way inter-sectoral interaction. The authors put forward and support a hypothesis that it is possible to ensure accelerated sustainable development of towns and other municipalities and the implementation of its strategies on the basis of social partnership between government, business, and residents. Socially significant projects are the most efficient forms of the organization of social partnership in a town. Such projects have a positive impact on the dynamics of a town’s socio-economic indicators, psychological climate, social well-being of residents, and business community. The essence of social partnership is the creation of a stable social relationship, when authorities, businesses, and residents, on the basis of a jointly adopted development strategy and organized dialogue, combine efforts and resources and, in the course of developing and implementing joint projects, solve town’s existing problems together. The level of trust between urban stakeholders increases. It significantly reduces all risks of institutional interaction and increases the efficiency. During the implementation of socially significant projects, developed for the urban development strategy that clearly defines vectors of the desired future, a main unifying goal should include the formation of people’s sense of responsibility for their town, their confidence that they can do what they need, a feeling that they are needed, and understanding that the future of a particular territory and future generations, who will live there, depends on them.

Social partnership, urban development, strategic planning, project approach, system management, socio-psychological climate in a town.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy B. Shulepov – Head of Vologda (2008–2016), Deputy, The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. 1, Okhotny Ryad Street, Moscow, 103265, Russian Federation; e-mail: shulepov@duma.gov.ru

Konstantin A. Zadumkin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: zk00@mail.ru

Anna A. Sherbakova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Vologda State University”. 15, Lenina Street, 160000, Vologda, Russian Federation; e-mail: annascherbakova@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.3

УДК 332.14(470.12) | ББК 65.050.23

© Ворошилов Н.В.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ОЖИДАНИЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН ИЛИ ТОЧЕЧНАЯ НАСТРОЙКА?¹

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОРОШИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: niks789@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Цель статьи – научное осмысление тенденций и проблем функционирования института местного самоуправления в России, а также определение научных задач по совершенствованию его концептуальных основ. Особую актуальность и значимость эти вопросы приобрели в начале 2020 года в связи с принятием Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ (изменения в Конституцию вступили в силу с 4 июля 2020 года по результатам их одобрения на общероссийском голосовании, которое состоялось 1 июля 2020 года) и поставленной Президентом России задачей по разработке в 2020–2021 гг. новых Основ государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 года. Для достижения цели использованы экономический, статистический и компаративный анализ, методы анализа, синтеза, обобщения, монографический метод. В ходе проведенного анализа выяснилось, что муниципальные образования России характеризуются низкой финансово-экономической самостоятельностью (доля налоговых и неналоговых доходов в общем объеме доходов всех местных бюджетов страны составила по итогам 2019 года всего 34,1%); во многих субъектах РФ отмечается тенденция к преобразованию муниципальных районов в городские и муниципальные округа с ликвидацией поселенческого уровня управления; в органах местного самоуправления наблюдается недостаток квалифицированных кадров в силу невысокого уровня

Для цитирования: Ворошилов Н.В. Местное самоуправление в России: ожидание больших перемен или точечная настройка? // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 37–54. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.3

For citation: Voroshilov N.V. Local government in Russia: expectations for major changes or selective adjustments? *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 37–54. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.3

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

оплаты труда при большой личной ответственности за решение вопросов местного значения. Обосновано, что изменения, вносимые в главу 8 «Местное самоуправление» Конституции РФ, напрямую не приведут к значительным преобразованиям в функционировании данного института публичной власти. Результаты проведенной работы могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов власти, а также служить базой для дальнейших исследований по указанной теме.

Местное самоуправление, муниципальные образования, местные бюджеты, муниципально-территориальное устройство, Конституция Российской Федерации.

В настоящее время в России органы государственной власти и ученые значительное внимание уделяют вопросам и проблемам пространственного развития страны и ее регионов, необходимости формирования и реализации системной и эффективной федеральной региональной и внутрирегиональной политики. Так, Указом Президента РФ от 16 января 2017 года № 13 были утверждены Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года; в 2019 году – Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р) и план ее реализации (Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2019 года № 3227-р). Локальные территории (муниципальные образования) в большинстве стран мира в настоящее время рассматриваются в качестве базиса для формирования условий и факторов устойчивого развития более крупных социально-экономических систем (региона и страны в целом). В свою очередь местное самоуправление является наиболее приближенным к конкретным потребностям и интересам населения уровнем публичной власти, а с другой стороны – формой прямого народовластия, то есть дает жителям населенных пунктов возможность самостоятельно решать вопросы и проблемы местного значения.

Первые месяцы 2020 года ознаменовались началом заметных преобразований, связанных с активным обсуждением и принятием Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных

вопросов организации и функционирования публичной власти», предусматривающего совершенствование отдельных общественно-политических, экономических основ развития страны и изменение порядка функционирования органов власти, в том числе и в части института местного самоуправления. Изменения, вносимые данным законом в Конституцию Российской Федерации, в соответствии с Указом Президента РФ от 3 июля 2020 года № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» вступили в силу с 4 июля 2020 года по результатам их одобрения на общероссийском голосовании, состоявшемся 1 июля 2020 года.

Сущность изменений, внесенных в главу 8 «Местное самоуправление» Конституции Российской Федерации, заключается в следующем.

1. В статью 132 введен новый пункт: «3. Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». В статью 131 введен новый подпункт: «1.1. Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом».

2. Из пункта 1 статьи 132 исключено положение о том, что органы местного самоуправления «осуществляют охрану обще-

ственного порядка»; в свою очередь в данный пункт добавлено положение «в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи»; формулировка «устанавливают местные налоги и сборы» заменена на «вводят местные налоги и сборы»; в пункте 2 статьи 132 уточнена формулировка относительно передачи органам местного самоуправления государственных полномочий: «Органы местного самоуправления могут наделяться федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации отдельными государственными полномочиями при условии передачи им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств».

3. В статье 133 уточнено положение относительно гарантий местному самоуправлению права на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций.

4. В главе 8 впервые сделана отсылка на общие принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленные федеральным законом (вероятно, речь идет о Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Во время обсуждения в январе – марте 2020 года и после принятия данных изменений в Конституцию РФ российские ученые, эксперты, политические деятели высказывали совершенно разные мнения² относительно

но влияния поправок на перспективы развития местного самоуправления в России: от нейтральных (поправки принципиально ничего не меняют и только уточняют и регулируют отдельные положения) и крайне положительных (поправки усилят гарантии местному самоуправлению) до крайне отрицательных (поправки завершат процесс фактической ликвидации реального местного самоуправления в стране и полностью подчинят его органам государственной власти, позволят не допустить представителей оппозиционных сил к управлению муниципалитетами).

С позиции автора статьи, к оценкам указанных изменений нужно относиться взвешенно, четко понимать реальные проблемы развития института местного самоуправления в России и искать пути их решения, а также анализировать и оценивать дальнейшие шаги, которые будут предприниматься органами власти в этой сфере. Кроме того, немаловажным является тот факт, что 30 января 2020 года Президент России В.В. Путин в г. Красногорске Московской области провел очередное заседание Совета по развитию местного самоуправления, посвященное роли местного самоуправления в реализации национальных проектов.

По его итогам президент страны 1 марта 2020 года утвердил перечень поручений³, в число которых входит, в частности, разработка Правительством РФ в срок до 1 октября 2021 года проекта Основ государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 года, в срок до 1 сентября 2020 года – разработка методических рекомендаций

² См., например: Петухов Р. Что поправки в Конституцию меняют в судьбе местного самоуправления // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/24/821369-popravki-v-konstitutsiyu>; Появились поправки в Конституцию о местном самоуправлении. Проект внесен в Комитет Госдумы // МК.ru. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/02/25/poyavilis-popravki-v-konstituciyu-o-mestnom-samoupravlenii.html>; Местное деньгоуправление. У муниципалитетов станет меньше независимости, но больше финансовых возможностей // Коммерсантъ. 2020. № 9. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4226048>; МСУ 2.0 – поправки в Конституцию перезагрузят местное самоуправление. URL: <https://life.ru/p/1304214>; Поправки в Конституцию меняют смысл местного самоуправления. URL: <https://versia.ru/popravki-v-konstituciyu-menyayut-smysl-mestnogo-samoupravleniya>; Местное самоуправление: яма на дороге. В Конституции закрепляют принцип «начальнику видней». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/21/83556-mestnoe-samoupravlenie-yama-na-doroge>

³ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления / Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62919>

по организации участия органов местного самоуправления в реализации региональных проектов для обеспечения достижения целевых показателей соответствующих национальных проектов. Решение этих сложных задач, на наш взгляд, требует научного осмысления реальных тенденций и проблем функционирования института местного самоуправления в стране, находящегося в фактически постоянном и порой непредсказуемом процессе его реформирования, а также определения научных задач по совершенствованию концептуальных основ его функционирования. Это и явилось целью представленной статьи.

Следует отметить, что вопросы реформирования института местного самоуправления находятся в фокусе внимания многих зарубежных (см., например, [1–8]) и российских (среди наиболее известных из них можно назвать Р.В. Бабуна [9], Е.М. Бухвальда [10], В.Н. Лексина [11], Э. Маркварта [12], А.В. Одинцову [13], А.С. Пузанова [14], А.Н. Швецова [15; 16], В.А. Щепачева [17; 18], А.Н. Широкова [19], Е.С. Шугрину [20]) ученых. Вопросы развития муниципальных образований обстоятельно рассматриваются Вологодским научным центром Российской академии наук в течение всей 30-летней истории его функционирования (см. например, [21–24]). Научная новизна исследования, основные результаты которого отражены в статье, заключается в системном анализе и научной оценке итогов реформирования института местного самоуправления в России в последние годы, обосновании задач по дальнейшему совершенствованию и повышению эффективности функционирования этого института публичной власти, исходя из выявленных тенденций и проблем, а также политических решений, принятых руководством страны в начале 2020 года. Оригинальность проведенного анализа заключается в использовании различных источников информации: данных Росстата, Федерального казначейства и Министерства финансов РФ, а также результатов анкетного проса глав муниципальных образований Вологодской области.

Далее более подробно остановимся на наиболее значимых за последние 5–6 лет (2014–2019 гг.) решениях (изменениях, внесенных различными федеральными законами в 131-ФЗ), принятых на федеральном уровне и повлиявших на функционирование института местного самоуправления, попытаемся дать их оценку.

1. Федеральным законом от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ сокращено количество вопросов местного значения сельских поселений до 13. При этом законом субъекта Российской Федерации за сельскими поселениями могут быть закреплены отдельные вопросы городских поселений.

Органы государственной власти субъектов Федерации получили право самостоятельно определять порядок формирования (избрания) органов местного самоуправления на всей территории региона, приняв соответствующий закон. До вступления в силу 136-ФЗ такой порядок определялся на местном уровне (уставами муниципальных образований). Принятие этого закона привело к тому, что в значительном числе субъектов Федерации (в том числе и Вологодской области) прямые выборы населением глав муниципальных образований на муниципальных выборах были заменены на избрание главы представительным органом муниципального образования из своего состава. Главы местных администраций («сити-менеджеры») в данном случае назначаются представительным органом муниципального образования по результатам конкурса, проводимого конкурсной комиссией, половина состава которой формируется высшим должностным лицом субъекта Федерации. В связи с этим в реальности речь идет не о повышении эффективности функционирования местного самоуправления, как было заявлено, а об ослаблении института и дальнейшем усилении вертикали власти.

2. В соответствии с Федеральным законом от 3 февраля 2015 года № 8-ФЗ глава муниципального образования может избираться представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, выдвинутых конкурсной комиссией по результатам

конкурса, и возглавлять местную администрацию. В этом случае жители муниципалитета вообще никак не участвуют в формировании исполнительной власти на местах.

3. Федеральным законом от 3 апреля 2017 года № 62-ФЗ установлена возможность фактического преобразования муниципальных районов в городские округа посредством объединения с городским округом всех поселений, входящих в состав муниципального района.

4. Федеральным законом от 1 мая 2019 года № 87-ФЗ введен новый вид муниципального образования – муниципальный округ (несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, где местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и/или через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации); установлена возможность объединить все поселения муниципального района (с согласия населения, выраженного представительными органами соответствующих поселений и муниципального района) и преобразовать его в муниципальный округ. В таком случае фактически речь идет о возможности ликвидации поселенческого уровня управления.

5. В соответствии с Федеральными законами от 2 августа 2019 года № 307-ФЗ и от 2 августа 2019 года № 313-ФЗ муниципальные образования получили право предоставлять «горизонтальные» межбюджетные трансферты – субсидии другим муниципальным образованиям. Указанный механизм открывает возможности, в том числе, и для развития межмуниципального «хозяйственного» сотрудничества.

Для понимания общей ситуации, сложившейся в системе местного самоуправления в России в настоящее время, проанализируем основные параметры организационных и финансово-экономических основ его функционирования.

В России локальный уровень управления подвергся существенным преобразованиям после принятия Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которым с 1 января 2009 года (в некоторых субъектах РФ – с 1 января 2006 года) на всей территории страны были созданы муниципальные образования пяти видов: городские округа, муниципальные районы и входящие в их состав городские и сельские поселения, внутригородские территории городов федерального значения. Федеральным законом от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ в 131-ФЗ установлена возможность формирования двух новых видов муниципальных образований – городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов, а Федеральным законом от 1 мая 2019 года № 87-ФЗ – муниципальных округов.

На 1 января 2019 года на территории России функционировало 21501 муниципальное образование, что на 2706 единиц меньше, чем в 2006 году и на 2406 – чем в 2009 году. Наибольшее число муниципальных образований сформировано в Приволжском федеральном округе, наименьшее – в Северо-Кавказском (табл. 1). Наименьшая численность муниципальных образований отмечена в Магаданской области (9), городе Севастополе (10), Сахалинской области (18), наибольшая – в Республике Татарстан (956), Республике Башкортостан (895) и Республике Дагестан (761). Наибольшая численность муниципальных районов – в Алтайском крае (59), городских поселений – в Ленинградской области (80), сельских поселений – в Республике Татарстан (872), городских округов – в Свердловской области (68), внутригородских муниципальных образований – в Москве (146). Подавляющее число муниципалитетов (80,8%) составляют сельские поселения.

Самое значительное сокращение численности муниципальных образований (на 21–22%) за 2006–2018 гг. произошло в

Таблица 1. Число муниципальных образований в России по федеральным округам на конец года, ед.

Федеральный округ	2006 год	2009 год	2018 год								2018 год к 2006 году, %	2018 год к 2009 году, %
	всего	всего	всего	МР	ГО	ГО с ВГД	ВГР	ВТГ ФЗ	ГП	СП	всего	всего
Центральный	5444	5353	4204	375	137	0	0	146	394	3152	77,2	78,5
Северо-Западный	1836	1807	1406	143	56	0	0	111	201	895	76,6	77,8
Южный	1736	1745	1981	157	41	0	0	10	96	1677	114,1	113,5
Северо-Кавказский	1430	1702	1588	104	39	1	3	–	30	1411	111,0	93,3
Приволжский	6805	6359	5673	430	91	1	9	–	325	4817	83,4	89,2
Уральский	1351	1351	1326	92	110	1	7	–	77	1039	98,1	98,1
Сибирский	4190	4186	3351	266	71	0	0	–	182	2832	80,0	80,1
Дальневосточный	1415	1404	1972	164	66	0	0	–	185	1557	139,4	140,5
В целом по РФ	24207	23907	21501	1731	611	3	19	267	1490	17380	88,8	89,9

Составлено по: Формирование местного самоуправления в Российской Федерации: стат. бюл. / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13263>
Условные обозначения видов муниципальных образований здесь и далее в таблицах: МР – муниципальные районы; ГО – городские округа, ГО с ВГД – городские округа с внутригородским делением, ВГР – внутригородские районы, ВТГФЗ (или ВГМОФЗ) – внутригородские территории городов федерального значения, ГП – городские поселения, СП – сельские поселения. На начало 2019 года функционировали 3 городских округа с внутригородским делением (города Махачкала, Самара, Челябинск), в них – 19 внутригородских районов.

Центральном (прежде всего за счет преобразования муниципальных районов в городские округа в Московской области с упразднением поселений этих районов) и Северо-Западном (в связи с активными процессами объединения сельских поселений во многих регионах округа и преобразований районов в городские округа в Калининградской области) федеральных округах.

Говоря об изменении числа муниципальных образований России, нельзя не отметить активно проводившиеся в 2011–2019 гг. преобразования муниципальных районов в городские округа (с 2019 года – также и в муниципальные округа) с упразднением городских и сельских поселений районов и фактически полной ликвидацией поселенческого уровня управления в ряде субъектов РФ. Наиболее активно эти процессы происходили в 2015 (29 преобразований; табл. 2), 2017 (24 преобразования) и 2018 гг. (28 преобразований); среди субъектов наибольшее количество преобразований за весь период наблюдалось в Московской (35),

Калининградской (11) и Нижегородской (9) областях. При этом следует отметить, что в Федеральном законе № 131-ФЗ не предусмотрена возможность прямого преобразования муниципальных районов в городские округа, поэтому органы власти использовали «обходные пути» для законного проведения таких преобразований [23].

Далее рассмотрим ситуацию с местными бюджетами. Следует отметить, что местными налогами являются всего лишь два налога (налог на имущество физических лиц и земельный налог). Кроме того, в местные бюджеты зачисляется часть поступления от федеральных налогов и сборов (налог на доходы физических лиц; единый сельскохозяйственный налог; единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности; налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения; отдельные виды государственной пошлины).

По итогам 2019 года 52,4% общего объема доходов местных бюджетов России аккумулировалось в городских округах, 36,8% –

Таблица 2. Преобразования муниципальных районов России в городские и муниципальные округа в 2011–2019 гг.

Год	Субъект РФ и наименование муниципальных районов (МР), преобразованных в городские округа (ГО), муниципальные округа (МО)	Общее кол-во преобразований
2011	1. Нижегородская область (2): Выксунский МР – ГО «город Выкса»; Шахунский МР – ГО «город Шахунья». 2. Алтайский край (1): Славгородский МР – Славгородский ГО	3
2012	1. Пермский край (2): Лысьвенский МР – Лысьвенский ГО; Губахинский МР – ГО «город Губаха». 2. Нижегородская область (1): Первомайский МР – ГО «город Первомайск»	3
2013	Не было преобразований	0
2014	1. Тульская область (3): Алексинский МР – ГО город Алексин; Ефремовский МР – ГО город Ефремов; поселения Ленинского МР присоединены к ГО город Тула. 2. Калининградская область (4): Гвардейский МР – Гвардейский ГО; Озерский МР – Озерский ГО; Гурьевский МР – Гурьевский ГО; Гусевский МР – Гусевский ГО. 3. Нижегородская область (1): Сокольский МР – Сокольский ГО. 4. Иркутская область (1): Ангарский МР – ГО Ангарское городское муниципальное образование. 5. Магаданская область (2): Омсукчанский МР – Омсукчанский ГО; Среднеканский МР – Среднеканский ГО	11
2015	1. Московская область (7): Егорьевский МР – ГО Егорьевск; Каширский МР – ГО Кашира; Мытищинский МР – ГО Мытищи; Озерский МР – ГО Озеры; Подольский МР объединен с ГО Подольск и ГО Климовск в единый ГО Подольск; Серебряно-Прудский МР – ГО Серебряные Пруды; Шаховской МР – ГО Шаховская. 2. Калининградская область (4): Зеленоградский МР – ГО город Зеленоградск; Краснознаменский МР – ГО город Краснознаменск; Правдинский МР – ГО город Правдинск; Славский МР – ГО город Славск. 3. Ставропольский край (1): Минераловодский МР – Минераловодский ГО. 4. Нижегородская область (3): Кулебакский МР – ГО «город Кулебаки»; Навашинский МР – ГО Навашинский; Чкаловский МР – ГО «город Чкаловск». 5. Оренбургская область (5): Абдулинский МР – Абдулинский ГО; Гайский МР объединен с ГО город Гай в Гайский ГО; Кувандыкский МР – Кувандыкский ГО; Сорочинский МР объединен с ГО город Сорочинск в Сорочинский ГО; Ясенский МР – Ясенский ГО. 6. Магаданская область (6): Ольский МР – Ольский ГО; Северо-Эвенкийский МР – Северо-Эвенкийский ГО; Сусуманский МР – Сусуманский ГО; Тенькинский МР – Тенькинский ГО; Хасынский МР – Хасынский ГО; Ягодинский МР – Ягодинский ГО. 7. Чукотский автономный округ (3): Иультинский МР – ГО «Эгвекино»; Провиденский МР – ГО «Провидения»; Чаунский МР – ГО «Певек»	29
2016	1. Тверская область (1): Удомельский МР – Удомельский ГО. 2. Республика Коми (1): МР Вуктыл – ГО Вуктыл. 3. Калининградская область (4): Багратионовский МР – Багратионовский ГО; Немановский МР – Немановский ГО; Полесский МР – Полесский ГО; Черняховский МР – Черняховский ГО	6
2017	1. Московская область (12): Зарайский МР – ГО город Зарайск; Истринский МР – ГО город Истра; Коломенский МР объединен с ГО город Коломна в Коломенский ГО; Красногорский МР – ГО Красногорск; Луховицкий МР – ГО Луховицы; Люберецкий МР – ГО Люберцы; Наро-Фоминский МР – Наро-Фоминский ГО; Павлово-Посадский МР – ГО Павловский Посад; Рузский МР – Рузский ГО; Ступинский МР – ГО Ступино; Чеховский МР – ГО Чехов; Шатурский МР – ГО Шатура. 2. Тверская область (1): Осташковский МР – Осташковский ГО. 3. Ставропольский край (9): Благодарненский МР – Благодарненский ГО; Георгиевский МР объединен с ГО Город Георгиевск в Георгиевский ГО; Изобильненский МР – Изобильненский ГО; Ипатовский МР – Ипатовский ГО; Кировский МР – Кировский ГО; Нефтекумский МР – Нефтекумский ГО; Новоалександровский МР – Новоалександровский ГО; Петровский МР – Петровский ГО; Советский МР – Советский ГО. 4. Нижегородская область (1): Перевозский МР – ГО Перевозский. 5. Сахалинская область (1): Углегорский МР – Углегорский ГО	24

2018	<p>1. Белгородская область (6): МР «Алексеевский район и город Алексеевка» – Алексеевский ГО; МР «Город Валуйки и Валуйский район» – Валуйский ГО; Грайворонский МР – Грайворонский ГО; Новооскольский МР – Новооскольский ГО; МР «Шебекинский район и город Шебекино» – Шебекинский ГО; Яковлевский МР – Яковлевский ГО.</p> <p>2. Костромская область (1): Мантуровской МР объединен с ГО город Мантурово в ГО город Мантурово.</p> <p>3. Московская область (6): Орехово-Зуевский МР – ГО Ликино-Дулево; Клинский МР – ГО Клин; Дмитровский МР – Дмитровский ГО; Талдомский МР – Талдомский ГО; Можайский МР – Можайский ГО; Ногинский МР – Богородский ГО.</p> <p>4. Тверская область (2): Каширский МР – Каширский ГО; Нелидовский МР – Нелидовский ГО.</p> <p>5. Ярославская область (1): Переславский МР объединен с ГО город Переславль-Залесский в ГО город Переславль-Залесский.</p> <p>6. Калининградская область (3): Балтийский МР – Балтийский ГО; Нестеровский МР – Нестеровский ГО; Светлогорский МР – Светлогорский ГО.</p> <p>7. Пермский край (8): Кизеловский МР – ГО «Город Кизел»; Краснокамский МР – Краснокамский ГО; Гремячинский МР – Гремячинский ГО; Оханский МР – Оханский ГО; Горнозаводской МР – Горнозаводской ГО; Соликамский МР объединен с Соликамским ГО в Соликамский ГО; Чайковский МР – Чайковский ГО; Усольский МР объединен с Березниковским ГО в Березниковский ГО.</p> <p>8. Тюменская область (1): Голышмановский МР – Голышмановский ГО</p>	28
2019	<p>Преобразования муниципальных районов в городские округа:</p> <p>1. Московская область (10): Волоколамский МР – Волоколамский ГО; Воскресенский МР – ГО Воскресенск; Ленинский МР – Ленинский ГО; Лотошинский МР – ГО Лотошино; Одинцовский МР объединен с ГО Звенигород в Одинцовский ГО; Пушкинский МР – Пушкинский ГО; Раменский МР – Раменский ГО; Сергиево-Посадский МР – Сергиево-Посадский ГО; Солнечногорский МР – ГО Солнечногорск; Щелковский МР – ГО Щелково.</p> <p>2. Кировская область (2): Богородский МР – Богородский ГО; Санчурский МР – Санчурский ГО.</p> <p>3. Пермский край (1): Оханский МР – Оханский ГО.</p> <p>4. Нижегородская область (1): Воротынский МР – ГО Воротынский.</p> <p>5. Тверская область (1): Вышневолоцкий МР объединен с ГО Вышний Волочек в Вышневолоцкий ГО.</p> <p>6. Брянская область (1): Новозыбковский МР объединен с ГО Новозыбков в Новозыбковский ГО.</p> <p>Преобразования муниципальных районов в муниципальные округа (МО):</p> <p>1. Тверская область (4): Андреапольский, Весьегонский, Лесной, Оленинский.</p> <p>2. Кемеровская область (13): Гурьевский, Ижморский, Кемеровский, Крапивинский, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевский, Промышленновский, Топкинский, Тяжинский, Чебулинский, Юргинский, Яйский, Яшкинский.</p> <p>3. Красноярский край (1): Пировский</p>	16 МР – ГО; 18 МР – МО
Составлено по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям / Росстат. URL: https://www.gks.ru/folder/11110/document/13282		

в муниципальных районах (табл. 3). На сельские поселения приходилось 4,8% доходов, хотя больше всего образовано именно сельских поселений (около 17,4 тыс. ед.).

За 2006–2019 гг. наибольшую динамику показали доходы местных бюджетов внутригородских муниципальных образований городов федерального значения (рост составил 6,1 раза), а также поселений (4,4 раза), за 2009–2017 гг. – бюджеты внутригородских муниципальных образований (3,0 раза) и городских округов (2,2 раза; см. табл. 3). Однако в сопоставимых ценах (с учетом индекса потребительских цен) по сравнению с 2009 годом отмечается снижение доходов всех местных

бюджетов (за исключением внутригородских территорий городов федерального значения и городских округов, за счет которых в среднем по России прирост составил 4%). При этом следует отметить, что число вопросов местного значения муниципальных образований (за исключением сельских поселений) увеличилось за 13 лет в полтора раза, выросло и количество переданных на местный уровень государственных полномочий. Эти факты свидетельствуют о том, что у органов местного самоуправления стало меньше возможностей, финансовых ресурсов для полного и качественного решения всех вопросов и проблем местного значения.

Таблица 3. Динамика доходов бюджетов муниципальных образований России за 2006–2019 гг., млн руб.

Вид муниципального образования	2006 год	2009 год	2017 год	2018 год	2019 год	2019 год к 2006 году, раз	2019 год к 2009 году, раз
Городские и сельские поселения	88988,5	242427,5	367284,8	362922,1	392745,7	4,41 (1,68*)	1,62 (0,85*)
Муниципальные районы	611703,7	981675,6	1532911,1	1646154,6	1738576,5	2,84 (1,08)	1,77 (0,93)
Городские округа	715434,0	1153651,3	1851835,8	2135197,0	2478899,2	3,46 (1,32)	2,15 (1,12)
Внутригородские МО городов федерального значения	5047,6	10218,5	27611,9	29612,6	30942,3	6,13 (2,33)	3,03 (1,58)
Местные бюджеты (2006 год**)	102486,6	–	–	–	–	–	–
Внутригородские районы	–	–	2242,6	2866,3	3435,1	–	–
Городские округа с внутригородским делением			67318,5	72573,5	82596,4	–	–
Все МО	1523660,4	2387972,9	3849204,7	4249326,1	4727195,1	3,10 (1,18)	1,98 (1,04)

* Здесь и далее в таблицах в скобках представлен темп роста значений показателя в сопоставимых ценах (с учетом индекса потребительских цен).

** Бюджеты муниципальных образований, не относившихся в 2006 году к поселениям, районам или городским округам.

Примечание. В полную силу Федеральный закон № 131-ФЗ вступил во всех субъектах Российской Федерации с 1 января 2009 года. Ряд субъектов приступил к реализации закона с 1 января 2006 года. В остальных же субъектах с 2006 по 2008 год продолжали функционировать прежние муниципалитеты (районные, городские администрации). Поэтому здесь и в дальнейшем при анализе информация по ним представлена отдельно (строка «местные бюджеты»).

Составлено по: Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов / Официальный сайт Федерального казначейства Российской Федерации. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov>

В общем объеме доходов местных бюджетов налоговые доходы в 2019 году составляли 28,4%; неналоговые – всего 5,7%; их доли незначительно сократились по сравнению с 2006 или 2009 годом (на 2–3 п. п.). Наибольшая доля налоговых доходов в среднем по России отмечается в доходах городских поселений (44,0%) и внутригородских территорий городов федерального значения (58,1%).

Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов за весь анализируемый период не превышала 60% (за исключением внутригородских территорий) от общего объема доходов местных бюджетов (табл. 4). В нашем исследовании под собственными доходами понимались суммарно все налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов (вместе с тем в Бюджетном кодексе Российской Федерации к собственным доходам относятся все доходы местных бюджетов за исключением субвенций). Минимальное

значение данного показателя в 2019 году отмечалось в муниципальных районах (24,5%). Кроме того, настораживает тот факт, что к 2019 году по сравнению с 2009 годом показатель заметно снизился в городских округах в целом по стране (на 12,8 п. п.).

Большую часть собственных доходов местных бюджетов составляют не местные налоги, а отчисления от НДС: в 2019 году в целом по всем муниципалитетам России он формировал 52,9% собственных доходов. В районах доля данного налога еще выше – 64,9%, а самая низкая его доля в сельских поселениях – 22,9% и внутригородских районах (0%). Этот налог объективно является одним из определяющих для развития всех муниципалитетов России. На его объем (размер налогооблагаемой базы) и собираемость могут непосредственно влиять и местные органы власти.

В то же время местные налоги (налог на имущество физических лиц и земельный

Таблица 4. Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов бюджетов муниципальных образований России за 2006–2019 гг. в общем объеме доходов, %

Вид муниципального образования	2006 год	2009 год	2017 год	2018 год	2019 год	2019 год к 2006 году, п. п.	2019 год к 2009 году, п. п.
Сельские поселения	–	–	41,4	38,6	35,7	–	–
Городские поселения	–	–	57,4	58,4	52,7	–	–
Городские и сельские поселения	33,3	40,6	48,6	47,0	42,9	+9,6	+2,2
Муниципальные районы	27,6	24,9	25,9	25,0	24,5	-3,1	-0,5
Городские округа	49,6	51,6	41,6	40,7	38,8	-10,8	-12,8
Внутригородские МО городов федерального значения (ВМОГФЗ)	77,0	55,0	73,2	68,0	66,6	-10,4	11,6
Местные бюджеты (2006 год)	46,4	–	–			–	–
Внутригородские районы	–	–	47,4	35,7	34,9	–	–
Городские округа с внутригородским делением	–	–	41,7	42,4	39,0	–	–
Все МО	39,7	39,6	36,2	35,4	34,1	-5,6	-5,5

Составлено по: Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов / Официальный сайт Федерального казначейства Российской Федерации. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov>

налог) не стали значимым фактором в формировании бюджетов муниципалитетов, т. к. в 2019 году доля первого в объеме собственных доходов всех местных бюджетов страны составляла всего 3,0%, доля второго – 10,2%. Вместе с тем земельный налог является основой для формирования бюджетов сельских поселений: его доля в собственных доходах составила в 2019 году 44,5%. За 2006–2019 гг. в среднем по городским и сельским поселениям страны она увеличилась на 15,5 п. п.

В структуре безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов в местные наибольшую долю в 2019 году составляли субвенции (49,6%); на дотации и субсидии приходилось 14,1 и 27,4% соответственно. Высокая доля субвенций обусловлена тем, что на уровень муниципальных районов и городских округов передан большой объем государственных полномочий, а соответственно и объем субвенций из федерального и регионального бюджетов на их исполнение. За 2006–2019 гг. в структуре безвозмездных поступлений снизилась доля дотаций (на 14,9 п. п.), но выросла доля субсидий (на 13,3 п. п.). В бюджетах сельских поселений и внутригородских районов преобладают дотации (43,6 и 61,2% соответственно), в бюджетах городских поселений – субсидии (44,5%). Это обусловлено тем, что у городских поселений больше возможностей и острее потребность участия в различных федеральных и региональных государственных программах на софинансирование тех или иных расходов, мероприятий (в том числе по переселению из ветхого и аварийного жилья, что особо актуально для последних лет).

В структуре расходов местных бюджетов России преобладают расходы на образование (48,3% всех расходов), национальную экономику (12,0%), жилищно-коммунальное хозяйство (11,8%), управление – общегосударственные вопросы (8,8%). В бюджетах поселений высока доля расходов на управление, ЖКХ и культуру (22,2, 33,3 и 15,3% соответственно). За 2006–2019 гг. в целом по муниципалитетам России снизилась доля расходов на здравоохранение (эти полномочия были фактически переданы на уровень субъекта Федерации) и межбюджетные трансферты. В то же время увеличились расходы на национальную экономику (с 4,8 до 12,0%), ЖКХ (с 4,1 до 11,8%) и образование (с 35,6 до 48,3%). Рост доли расходов

дов на «Национальную экономику» в основном обусловлен тем, что по данному разделу проходят расходы муниципалитетов на дорожное хозяйство и транспорт.

По итогам 2019 года бюджеты городских и сельских поселений, городских округов исполнены с дефицитом, общий объем которого по всем видам муниципалитетов России составил 0,7% от объема собственных доходов бюджетов (табл. 5). Наиболее неблагоприятная ситуация складывается с бюджетами городских округов: суммарный дефицит их бюджетов составил 16,3 млрд руб.

Долговые обязательства муниципальных образований за 10 лет выросли почти в 3,6 раза (с 105,2 млрд руб. в 2006 году до 380,1 млрд руб. в 2019 году; табл. 6). На 1 января 2019 года объем долговых обязательств муниципальных образований составил 23,6% по отношению к объему собственных (налоговых и неналоговых) доходов местного бюджета. Тенденцией последних лет являются заметное увеличение в структуре муниципального долга доли кредитов, полученных муниципалитетами в кредитных организациях, и сокращение доли муниципальных гарантий и бюджетных кредитов.

Ситуация с ростом муниципальных заимствований еще раз подчеркивает факт недостаточности собственной финансово-экономической базы муниципальных образований для самостоятельного и эффективного решения всех вопросов местного значения. Таким образом, в России сложилась неэффективная налогово-бюджетная система, которая предопределяет слабую собственную доходную базу местных бюджетов и низкий уровень их поддержки со стороны вышестоящих бюджетов.

Следует также отметить, что в соответствии с финансово-экономическим обоснованием к Федеральному закону № 131-ФЗ, сделанным в 2003 году, оценка расходов местных бюджетов составляла 8,1% от объема валового внутреннего продукта (ВВП). Поскольку после принятия указанного Федерального закона перечень полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения расширился, то имеются все основания использовать данный показатель как базовый ориентир фактической стоимости расходных обязательств местных бюджетов по решению вопросов местного значения. Вместе с тем консолидированный объем доходов местных бюджетов

Таблица 5. Профицит (+), дефицит (-) бюджетов муниципальных образований России за 2006–2019 гг.

Вид муниципального образования	Профицит (+), дефицит (-) бюджета, млн руб.				Профицит (+), дефицит (-) бюджета, % к собственным доходам бюджета			
	2006 год	2009 год	2018 год	2019 год	2006 год	2009 год	2018 год	2019 год
Сельские поселения	-	-	2672,0	-631,2	-	-	3,3	-0,8
Городские поселения	-	-	796,2	-232,4	-	-	0,9	-0,3
Городские и сельские поселения	2184,9	6222,2	3468,2	-863,7	7,4	6,3	2,0	-0,5
Муниципальные районы	9826,0	-18859,6	15956,7	6654,1	5,8	-7,7	3,9	1,6
Городские округа	-94,6	-39669,3	-806,3	-16312,1	0,0	-6,7	-0,1	-1,7
Внутригородские МО городов федерального значения	360,2	-65,1	-373,6	465,4	9,3	-1,2	-1,9	2,3
Местные бюджеты	-2169,0	-	-	-	-4,6	-	-	-
Внутригородские районы	-	-	34,1	92,3	-	-	3,3	7,7
Городские округа с внутригородским делением	-	-	461,8	-829,7	-	-	1,5	-2,6
Все МО	10107,5	-52371,8	18741,0	-10793,7	1,7	-5,5	1,2	-0,7

Составлено по: Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов / Официальный сайт Федерального казначейства Российской Федерации. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov>

Таблица 6. Динамика и структура долга муниципальных образований Российской Федерации в 2006–2019 гг.

Наименование показателя	2006 год	2009 год	2017 год	2018 год	2019 год	2019 год к 2006 году, п. п.
Общий объем муниципального долга, млрд руб.	105,16	134,87	367,98	371,87	380,11	361,46%
Структура муниципального долга, %	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	–
– муниципальные ценные бумаги	10,90	5,28	5,73	4,87	5,60	-5,30
– кредиты от кредитных организаций	32,92	45,15	65,55	68,99	68,26	35,34
– бюджетные кредиты от других бюджетов бюджетной системы России	33,04	32,00	24,57	23,25	24,23	-8,81
– муниципальные гарантии	21,68	17,10	4,15	2,89	1,91	-19,77
– иные долговые обязательства	1,45	0,46	0,002	0,001	0,001	-1,45

Составлено по: Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований / Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt

в процентах к ВВП страны постоянно сокращается. Так, в 1997 году он составлял 10,9% к ВВП, в 2019 году – всего 4,3%.

Ключевым фактором эффективного управления развитием территорий является обеспеченность органов публичной власти квалифицированными кадрами. В 1990-е годы в России проходило становление и формирование системы государственного и муниципального управления в новых рыночных условиях, формирование принципов, механизмов, подходов к обеспечению органов власти кадрами (квалифицированными работниками). В соответствии со 131-ФЗ структуру органов местного самоуправления (МСУ) составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган), контрольно-счетный орган, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Вместе с тем в органах местного самоуправления, особенно поселенческого уровня, наиболее остро ощущается недостаток профессиональных кадров. Это обусловлено следующими основными причинами.

Во-первых, это низкий уровень оплаты труда муниципальных служащих (осо-

бенно в поселениях) по сравнению с государственными служащими и в среднем по экономике. В среднем по России размер оплаты труда в органах местного самоуправления в 2018 году составлял всего 74% от средней зарплаты по экономике (без учета субъектов малого предпринимательства), а в Центральном, Северо-Западном и Сибирском округах – еще меньше (57, 75 и 77% соответственно; табл. 7).

Во-вторых, недостаточная привлекательность работы в органах местного самоуправления, особенно в сельской местности, для молодых специалистов и высококвалифицированных кадров из-за ограниченных перспектив профессионального и карьерного роста, а также неурегулированности некоторых вопросов, касающихся прохождения муниципальной службы.

Тенденцией последних лет является сокращение численности работников органов местного самоуправления и избирательных комиссий муниципальных образований – в среднем на 7,4% в 2018 году по сравнению с 2010 годом (см. табл. 7). Однако в Южном (где это во многом обусловлено вхождением в состав России в 2014 году Республики Крым и города федерального значения Севастополь), Северо-Кавказском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах значения показателя выросли. Наибольшая численность ра-

Таблица 7. Численность и среднемесячная начисленная заработная плата работников органов местного самоуправления и избирательных комиссий муниципальных образований в 2010 и 2018 гг.

Территория	Численность работников (на конец года), чел.				Среднемесячная заработная плата, руб.			Среднемесяч- ная заработная плата по эконо- мике региона в целом, руб.**	Соотношение, %***
	2010 год	2018 год	2018 год к 2010 году, %	2018 год*	2010 год	2018 год	2018 год к 2010 году, %		
В целом по РФ	506961	469236	92,6	32,0	21258	36946	173,8	49895	74,0
Федеральные округа:									
Центральный	113932	90154	79,1	22,9	20642	36549	177,1	63909	57,2
Северо- Западный	40336	33393	82,8	23,9	25216	42525	168,6	56984	74,6
в т. ч. Вологодская область	6671	4297	64,4	36,8	18706	32354	173,0	40589	79,7
Южный	51100	53775	105,2	32,7	18965	31300	165,0	35388	88,4
Северо- Кавказский	29293	29505	100,7	29,9	14880	25620	172,2	29048	88,2
Приволжский	108583	100948	93,0	34,3	16691	30385	182,0	36350	83,6
Уральский	46484	47516	102,2	38,5	32886	56671	172,3	54021	104,9
Сибирский	88553	74789	84,5	43,5	19425	32711	168,4	42753	76,5
Дальне- восточный	28680	39156	136,5	47,8	32440	50313	155,1	58397	86,2

* В расчете на 10000 чел. населения, чел.
** Без субъектов малого предпринимательства.
*** Соотношение среднемесячной заработной платы работников органов МСУ и зарплаты в целом по экономике региона.
Составлено по: Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2019 года / Росстат. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/mes_upr2019.rar; Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2011 года / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/mest_upr2011.rar

ботников органов МСУ зафиксирована в Сибирском и Дальневосточном округах: 44–48 человек в расчете на 10000 чел. населения. Вместе с тем низкие значения могут быть обусловлены выводом ряда работников за штат органов местного самоуправления в муниципальные (автономные, казенные, бюджетные) учреждения (например, централизованные бухгалтерии, социально-культурные объединения и т. д.), которые будут реализовывать функции по решению соответствующих вопросов местного значения.

В 2018 году максимальный размер среднемесячной заработной платы ра-

ботников органов МСУ зафиксирован в Дальневосточном и Уральском округах (53–57 тыс. руб.), наименьший – в Северо-Кавказском округе (25,6 тыс. руб.), что связано с объективными различиями в стоимости жизни в этих регионах.

С переходом к двухуровневой системе организации муниципального управления (муниципальный район и входящие в его состав поселения) и необходимостью формирования каждым муниципальным образованием команды профессионалов для управления развитием и ключевыми сферами жизнеобеспечения особую остроту приобрел вопрос, связанный с качественными

Таблица 8. Дополнительное профессиональное образование (ДПО) кадров в органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований, чел.

Показатель	2006 год	2009 год	2016 год	2017 год	2018 год	2018 год к 2006 году, %
Профессиональная переподготовка	3790	3080	4983	5384	6908	182,3
Повышение квалификации	42683	38833	56150	57094	71931	168,5
Стажировка, всего	227	100	–	–	–	–
ДПО (стажировка) за границей	109	27	19	14	56	51,4
Итого получили дополнительное профессиональное образование	46700	42040	61152	62492	78895	168,9
% от общей численности работников, замещавших муниципальные должности и должности муниципальной службы	13,6	11,6	18,6	19,4	20,0	+6,4 п. п.
Составлено по: Обучение кадров муниципальной службы по видам дополнительного профессионального образования, группировкам органов местного самоуправления / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/tab11-mun.xls						

характеристиками кадрового обеспечения органов местного самоуправления.

В период 2006–2018 гг. дополнительное образование ежегодно получали в целом по России от 42 до 79 тыс. работников, замещавших муниципальные должности и должности муниципальной службы (табл. 8). В основном это работники местных администраций. Наиболее распространенной формой получения дополнительного образования являются курсы повышения квалификации. Например, в 2018 году ее избрали почти 72 тыс. чел., или 91,2% от общего числа получавших дополнительное образование. В то же время такие формы дообразования, как стажировки, в последние годы практически не используются. До минимума сократилось число зарубежных стажировок (в 2018 году за рубежом стажировалось всего 56 человек).

Кроме того, данные табл. 8 свидетельствуют о том, что все годы в какой-либо форме проходили обучение не более 20% всех работников органов МСУ в России. Однако этого явно недостаточно, так как

повысить квалификацию всех сотрудников в таком случае удастся не ранее чем через пять лет.

По мнению глав муниципалитетов Вологодской области⁴, наиболее значимыми проблемами, которые снижают возможности для эффективного решения вопросов и проблем социально-экономического развития муниципальных образований, являются следующие (перечень и значимость этих проблем остаются постоянными все годы проведения опроса глав – 2006–2019 гг.):

- недостаточность финансовых ресурсов (дефицит собственных доходных источников, недостаточность финансовой поддержки со стороны государства);
- несовершенство законодательства, касающегося вопросов функционирования и развития муниципальной власти в целом;
- ограниченность полномочий в сфере экономического развития муниципалитета и наличие полномочий, не имеющих непосредственного отношения к институту местного самоуправления;

⁴ Вологодский научный центр Российской академии наук (ранее – ИСЭРТ РАН) с 2007 года проводит ежегодный анкетный опрос глав муниципальных образований. На вопросы анкеты (30–40 вопросов) ежегодно отвечают 150–210 глав муниципальных образований из 218–372 (в 2008–2017 гг. в Вологодской области проходил процесс объединения сельских поселений, в результате общее количество муниципальных образований сократилось на 152), что позволяет обеспечить ошибку выборки не более 4–5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2019 года по итогам 2018 года.

– отсутствие механизмов учета балансов бизнеса, власти и населения в процессе развития территории;

– недостаточно эффективное взаимодействие с органами государственной власти (зависимость от региональных органов управления, бюрократические препятствия);

– отсутствие информации, необходимой для мобилизации собственных доходов (о налогоплательщиках и т. д.);

– неуплотненность органов местного самоуправления квалифицированными кадрами;

– пассивность местного населения.

Главы муниципалитетов Вологодской области отмечают, что меньше всего они могут повлиять на решение проблем безработицы и трудоустройства населения, обеспечения населения жильем, формирования и развития экономической базы в муниципальном образовании, развития малого бизнеса, в жилищно-коммунальном хозяйстве, привлечения туристов.

Проанализировав тенденции и выявив проблемы функционирования института местного самоуправления в России, можно сделать вывод о том, что пока в общем виде внесенные в Конституцию РФ изменения вряд ли напрямую позволят решить и что-то кардинально поменять в указанной сфере. Важно понимать, как будет дальше развиваться система местного самоуправления (в том числе в рамках разработанных и утвержденных новых Основ государственной политики в области развития местного самоуправления): будут ли эти изменения заметные и принципиальные (в том числе требующие принятия нового федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») или это будет точечная «настройка» отдельных положений, регламентирующих финансово-экономические, организационные и иные основы функционирования муниципального уровня управления.

Важную роль в этих процессах должна сыграть российская наука, дав объективный ответ о роли муниципальных образова-

ний в пространственном развитии страны, в системе ее стратегического планирования, о статусе и месте института местного самоуправления в системе публичной власти в России в современных, быстроменяющихся условиях. Для этого необходимо решить следующие задачи.

1. Разработать и обосновать концептуальные основы совершенствования государственной политики в области развития местного самоуправления в России (в части нормативно-правовых, финансово-экономических, организационных его основ), в том числе с учетом положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, реализации государственных программ и национальных проектов.

2. Обосновать методический инструментарий для проведения типологизации муниципальных образований для целей реализации региональной политики по развитию муниципальных образований и местной социально-экономической политики, учитывающий особенности демографической ситуации, системы расселения, уровня и динамики развития экономики и специфических природных условий муниципального образования.

3. Оценить действия, предпринимаемые органами государственной власти субъектов РФ по развитию муниципальных образований, института местного самоуправления; сформировать базу (создать открытый информационный ресурс) таких эффективных практик, а также базу эффективных практик решения всех вопросов местного значения муниципалитетов. Разработать практические рекомендации по включению территориальных разделов и аспектов в документы стратегического планирования субъектов РФ.

4. Выявить закономерности между достигнутым уровнем социально-экономического развития муниципального района, городского округа (в том числе типа муниципалитета по уровню развития) и моделью

организации системы местного самоуправления (порядка избрания/назначения главы муниципального образования, главы местной администрации, формирования/избрания представительного органа муниципального образования), функционирующей в субъектах РФ; обосновать наиболее эффективную модель. Разработать алгоритм формирования оптимального муниципально-территориального устройства в регионе (в т. ч. для оценки эффективности преобразования муниципальных образований и возможного преобразования в ряде случаев муниципальных районов в городские или муниципальные округа) в целях создания сети самодостаточных, саморазвивающихся городских и сельских поселений.

5. Разработать методические рекомендации органам государственной власти субъектов РФ по реализации государственной политики в области развития местного са-

моуправления (с учетом внедрения проектного подхода к управлению на федеральном, региональном и местном уровнях), включающие разделы по мерам и инструментам регулирующего воздействия для территорий с разным уровнем развития, поддержке института местного самоуправления.

Таким образом, вклад проведенного исследования, основные результаты которого представлены в статье, в развитие теоретической науки заключается в обосновании научных направлений и задач в сфере анализа и разработки направлений по совершенствованию функционирования местного самоуправления; в развитие прикладной науки – в анализе основных тенденций и проблем развития данного института публичной власти в России и оценке вносимых в главу про местное самоуправление Конституции РФ изменений в 2020 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Di Liddo G., Giuranno M.G. The political economy of municipal consortia and municipal mergers. *Economia Politica*, 2020, vol. 37, iss. 1, pp. 105–135.
2. Ezeozue C. Local Government Reforms as Instrument for National Development in Nigeria. *International Journal of Trend in Scientific Research and Development*, 2020, vol. 4, iss. 3, pp. 129–135.
3. Tan E. Quo vadis? The local government in Turkey after public management reforms. *International Review of Administrative Sciences*, 2020, vol. 86, iss. 1, pp. 115–133.
4. Onyshchuk S.V., Onyshchuk I.I., Siryk Z.O., Turenko V.E. Practice of administrative and territorial reform in the EU and Ukraine: Regulatory and management. *International Journal of Management*, 2020, vol. 11, iss. 4, pp. 487–499.
5. Meng T., Cheng D. Research on local government governance structure reform and function change based on artificial intelligence technology. *International Journal of Wireless and Mobile Computing*, 2020, vol. 18, iss. 3, pp. 303–310.
6. Lockner A. *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*. USA, Bloomington: iUniverse, 2013. 621 p.
7. Özden K. Local Governments and Democracy: Impossible or Indispensable Pairs? *European Journal of Economic and Political Studies*, 2012, vol. 5, iss. 2, pp. 131–141.
8. *Grundwissen Kommunalpolitik* / hrsg. von der Friedrich-Ebert-Stiftung, Abteilung Politische Akademie, KommunalAkademie. Bonn: FES, 2011. 482 s. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/akademie/kommunal/08975>
9. Бабун Р.В. Местное самоуправление России на новом этапе муниципального строительства // ЭКО. 2017. № 3 (513). С. 60–77.
10. Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одинцова А.В. Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. 2020. № 1. С. 51–76. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10003

11. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Местное самоуправление и муниципальное развитие как объекты системного анализа и регулирования. Исследования и проекты Института системного анализа РАН // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 2. С. 28–32.
12. Местное самоуправление в Российской Федерации перед лицом современных вызовов: монография / под общ. ред. В.Ю. Картухина, Э. Маркварта. Владимир: Владимир. фил. РАНХиГС, 2019. 286 с.
13. Одинцова А.В., Валентик О.Н. Становление системы стратегического планирования в муниципальном звене управления: докл. М.: Институт экономики РАН, 2018. 40 с.
14. Попов Р.А., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. Контуры новой государственной политики по отношению к городам и городским агломерациям России // ЭКО. 2018. № 8 (530). С. 7–22.
15. Швецов А.Н. Структурные преобразования муниципального пространства: обоснование целесообразности и оценка эффективности // Регион: экономика и социология. 2018. № 4 (100). С. 228–249.
16. Швецов А.Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства // Рос. экон. журн. 2018. № 1. С. 45–65.
17. Щепачев В.А. Муниципальные реформы и конституционная концепция местного самоуправления в России // Местное право. 2019. № 2. С. 31–38.
18. Щепачев В.А. Развитое местное самоуправление – основа укрепления российского федерализма // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 8. С. 40–46.
19. Широков А.Н., Юркова С.Н. Государственная политика в области местного самоуправления на современном этапе его реформирования и развития // Муниципальная академия. 2018. № 4. С. 68–75.
20. Нарутто С.В., Шугрина Е.С. Муниципальная демократия: от теории к практике. М.: Юрлитинформ, 2020. 272 с.
21. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
22. Ускова Т.В., Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Местное самоуправление в России: итоги и перспективы реформ // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 159–175.
23. Ворошилов Н.В. Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разнообразию // Вопросы территориального развития. 2017. № 2 (37). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2202>
24. Ворошилов Н.В. Проблемы финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 77–90. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Владимирович Ворошилов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru

Voroshilov N.V.

LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA: EXPECTATIONS FOR MAJOR CHANGES OR SELECTIVE ADJUSTMENTS?

The purpose of the article is to provide a scientific understanding of trends and problems of the functioning of the institute of local government in Russia and to define scientific tasks for improving its conceptual foundations. These issues became particularly relevant and important at the beginning of 2020 in relation to the adoption of the Law of the Russian Federation no. 1-FKZ on amendments to the Constitution of the Russian Federation, dated March 14, 2020 (changes to the Constitution will come into force if a positive decision is taken during the all-Russian vote, which will take place in 2020), and the President's task to develop new Foundations of state policy of the Russian Federation in the area of local government development until 2030 in 2020–2021. To achieve this goal, we used economic, statistical, and comparative analysis, methods of analysis, synthesis, generalization, and monographic method. The analysis revealed that Russian municipalities are characterized by low financial and economic independence (the share of tax and non-tax revenues in total revenues of the country's all local budgets amounted to only 34.1% in 2019); in many entities of the Russian Federation, there is a trend toward the transformation of municipal areas into urban and municipal districts with the elimination of the settlement management level; there is the lack of qualified personnel in local government bodies due to the low level of remuneration and high personal responsibility in solving local issues. It is justified that changes, introduced to Chapter 8 of the Constitution of the Russian Federation titled "Local Government", will not directly lead to significant changes in the functioning of this public institution. The results of this work may be used in federal and regional authorities' activities and serve as a basis for further studies on this topic.

Local government, municipalities, local budgets, municipal-territorial structure, Constitution of the Russian Federation.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.4

УДК 368.5 | ББК 65.05

© Кадомцева М.Е., Коростелев В.Г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАЗВИТИЯ СУБСИДИРУЕМОГО СТРАХОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РИСКОВ В ПОДОТРАСЛИ РАСТЕНИЕВОДСТВА

МАРИНА ЕВГЕНЬЕВНА КАДОМЦЕВА

Институт аграрных проблем Российской академии наук
Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94
E-mail: kozyreva_marina_@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9547-5564

ВЯЧЕСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ КОРОСТЕЛЕВ

Институт аграрных проблем Российской академии наук
Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94
E-mail: vkor2006@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8082-7643

Страхование сельскохозяйственных рисков, осуществляемое на основе государственной поддержки, является важнейшей составляющей организационно-экономического механизма управления развитием национального агропродовольственного комплекса, способствующей стабилизации и повышению финансовой устойчивости сельхозпроизводителей. Одной из основных проблем развития агрострахования в последние годы стало значительное усиление региональной дифференциации. Вследствие этого во многих субъектах Российской Федерации бюджетные средства, выделяемые на развитие сельского хозяйства, используются недостаточно эффективно, что не позволяет достичь требуемых целевых индикаторов в растениеводстве и животноводстве. Цель нашего исследования – проанализировать региональные особенности развития агрострахования и определить факторы межрегиональных различий в реализации программ страхования сельскохозяйственных рисков на основе государственной поддержки в подотрасли растениеводства. В результате исследования с использованием методов математико-статистического анализа получены и описаны шесть классификационных групп регио-

Для цитирования: Кадомцева М.Е., Коростелев В.Г. Региональная дифференциация развития субсидируемого страхования сельскохозяйственных рисков в подотрасли растениеводства // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 55–67. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.4

For citation: Kadomtseva M.E., Korostelev V.G. Regional differentiation of development of subsidized insurance of agricultural risks in the crop production sub-industry. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 55–67. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.4

нов РФ. Осуществлена оценка эффективности агрострахования в растениеводстве. Выявлены факторы, в наибольшей степени влияющие на существующую региональную дифференциацию развития страхования сельскохозяйственных рисков с господдержкой. Проведен анализ влияния данных факторов на изменение места агрострахования в структуре приоритетов развития сельского хозяйства российских регионов. Сформулированы предложения, направленные на сокращение региональной дифференциации в развитии агрострахования.

Страхование, региональная дифференциация, сельское хозяйство, риски, растениеводство, субсидия.

Введение

Страхование сельскохозяйственных рисков как составная часть организационно-экономического механизма управления развитием национального агропродовольственного комплекса (АПК) способствует формированию финансовой устойчивости сельхозпроизводителей и повышению доходности в условиях проявления различных рисков. В связи с этим агрострахование является одним из стратегических инструментов управления развитием сельского хозяйства, отвечающих целям Доктрины продовольственной безопасности РФ.

В современной системе страхования сельскохозяйственных рисков основную долю занимает агрострахование с государственной поддержкой. Начиная с 2012 года страхование сельскохозяйственных рисков с господдержкой осуществлялось в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2011 года № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» и демонстрировало положительную динамику вплоть до 2014 года. С 2015 года в агростраховании стали проявляться негативные тенденции, во многом обусловленные фрагментарностью институциональной среды и преобразованиями, связанными с совершенствованием нормативно-правового и методического поля. Наибольшее отражение это нашло в реализации программ субсидируемого страхования сельскохозяйственных рисков в растениеводстве. Основной целевой индикатор – удельный вес посевных (посадочных) площадей застрахованных культур – в 2018 году составил всего 1,7%. Количество реги-

онов, участвующих в реализации сельскохозяйственного страхования на основе государственной поддержки, с каждым годом снижается: в 2016 году в субсидируемом агростраховании растениеводства приняли участие 40 субъектов РФ, в 2017 году – 32, в 2018 – 31 (табл. 1).

Снижение эффективности агрострахования проявилось в усилении региональной дифференциации. Наблюдающиеся диспропорции в системе финансовых институтов, общая недооценка значимости агрострахования в структуре приоритетных направлений развития сельского хозяйства субъектов РФ привели к тому, что предлагаемые меры по развитию агрострахования оказались недостаточно действенными, а средства на его поддержку в регионах стали распределяться по остаточному принципу. В то же время задача обеспечения продовольственной безопасности и роста конкурентоспособности российского агропродовольственного комплекса требует повышать эффективность распределения средств государственной поддержки сельского хозяйства в региональном пространстве, что трудно выполнимо без эффективно функционирующей системы страхования сельскохозяйственных рисков.

Методология исследования

Анализ работ отечественных и зарубежных ученых показывает, что оценка эффективности агрострахования является многофакторной задачей и включает в себя исследование взаимосвязи экономических, политических, экологических и природно-климатических условий [1–3]. Теоретико-методологическое обоснование влияния экономических, социокультурных

Таблица 1. Сводная информация по страхованию урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений с государственной поддержкой в 2013–2018 гг.

Наименование показателя	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество сельскохозяйственных товаропроизводителей, до которых доведены субсидии, ед. всего	4663	5827	2751	913	321	310
в том числе: сельскохозяйственные организации, ед.	2701	3442	1854	774	280	264
крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, ед.	1962	2385	897	139	41	46
Доля застрахованной посевной (посадочной) площади, %	15,7	17,1	10,9	5,0	2,3	1,7
Количество субъектов Российской Федерации, принявших участие в страховании, ед.	60	62	56	40	32	31
Количество страховых организаций, осуществлявших страхование урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений с государственной поддержкой, ед.	42	44	43	21	17	12
Страховая сумма, млн руб.	183152	212584	155707	114782	37664	26581
Сумма уплаченной страховой премии, млн руб.	10653,0	12265,2	8709,7	5657,7	1523,2	1049,1
Сумма страхового возмещения, млн руб.	1454,5	1561,1	1072,9	629,6	168,2	106,2
Источник: Статистические данные по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, урожая и посадок многолетних насаждений и сельскохозяйственных животных с государственной поддержкой в 2013–2018 гг. URL: http://www.fagps.ru/docs2						

и политических факторов на спрос и эффективность сельскохозяйственного страхования представлено у Р. Hazell, С. Pomareda, А. Valdes [4], R. Ray [5], В. Barnett, J. Skees [6]. Институциональные аспекты развития агрострахования рассматриваются в работах А.А. Назаровой и Н.Т. Хожаинова [7; 8]. Современные исследователи отмечают характерную особенность большинства действующих моделей агрострахования является рост дифференциации уровня развития страхования сельскохозяйственных рисков [9; 10]. Это явление также описывают О.С. Балаш и В.А. Балаш [11], анализируя тенденции к возрастанию пространственной неравномерности в развитии региональных страховых рынков. Существенный вклад в изучение пространственной неравномерности страхования сельскохозяйственных рисков внесли Н. Wang, J. Tack, K. Coble [12]. А.В. Боговиз, С.П. Воробьев, В.В. Воробьева [13], А.И. Богачев [14] исследовали противоречия российского рынка субсидируемого агрострахования, вызванные региональными особенностями.

Цель нашей работы – реализация комплексного подхода к оценке эффективности действующей системы агрострахования в подотрасли растениеводства на основе выявления региональных различий в государственной поддержке, производственном потенциале, показателях результативности сельскохозяйственного производства, индикаторах страховой деятельности. Среди всех подотраслей сельского хозяйства именно растениеводство наибольшим образом подвержено рискам климатических изменений [15–18].

Достижение поставленной цели предполагает два этапа исследования. На первом этапе на основе данных выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам сельскохозяйственного производства с использованием метода кластерного анализа построена типология субъектов РФ по удельному весу растениеводческой продукции региона в общем объеме растениеводческой продукции Российской Федерации. Второй этап включал в себя анализ влияния изменений в нормативно-правовой и методической базе на показате-

ли развития агрострахования в полученных группах регионов. Это позволило сформулировать предложения, направленные на устранение дисбаланса между существующим потенциалом агрострахования и эффективностью его использования в регионах России.

Информационная база исследования включает значения показателей, рассчитанных по материалам Федерального статистического наблюдения по вопросам развития сельскохозяйственного производства в субъектах РФ, отчеты Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, ежегодные отчеты Национального союза агростраховщиков по осуществлению страховой деятельности в регионах, а также оперативную информацию о состоянии субсидируемого сельскохозяйственного страхования, представленную на сайте ФГБУ «ФАГПССАП».

Результаты исследования

Обычно в качестве основного индикатора, характеризующего эффективность страхования сельскохозяйственных рисков в растениеводстве, используется показатель удельного веса посевных (посадочных) площадей застрахованных культур. Однако его применение для оценки эффективности развития агрострахования за 2017–2018 гг. в качестве основы для построения классификации является, на наш взгляд, нецелесообразным, поскольку для регионов с низким уровнем посевных площадей даже небольшой объем застрахованной площади (что может быть вызвано субъективными факторами) способен показать высокий уровень развития сельскохозяйственного страхования. В связи с этим в качестве классификационного показателя был принят удельный вес растениеводческой продукции региона в общем объеме растениеводческой продукции Российской Федерации. Из рассмотрения нами были исключены г. Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, автономные округа, а также ряд субъектов, не оказывающих существенного влияния на обеспечение продовольственной безопасности страны ввиду низких объемов сельскохозяйствен-

ного производства (удельный вес продукции Мурманской и Магаданской областей, Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Чукотского автономных округов, республик Тыва, Алтай, Коми, Ингушетии и Карелии в продукции сельского хозяйства Российской Федерации в 2017 году составил менее 0,1%).

По результатам кластерного анализа получено шесть классификационных групп субъектов РФ (табл. 2).

Выделенные группы субъектов РФ рассмотрены в пространстве экономических признаков, отражающих развитие сельскохозяйственного страхования. Средние значения показателей, характеризующих сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой в классификационных группах субъектов РФ, полученные по результатам кластерного анализа, представлены в табл. 3.

Согласно анализу страхование посевных площадей в 2017 году наиболее активно происходило в регионах первой классификационной группы. Субъекты РФ, входящие в группу, являются регионами – лидерами по посевной площади и показателю результативности подотрасли растениеводства – удельному весу растениеводческой продукции региона в общем объеме растениеводческой продукции РФ: Краснодарский край – 10%, Ростовская область – 6,8%, Ставропольский край – 5%. На регионы данной группы пришелся максимальный объем страховых выплат за 2017 год. Однако они обеспечивались лишь за счет масштаба посевных площадей и максимальных размеров выделяемых средств бюджетного субсидирования. В четырех из пяти территорий, входящих в первую классификационную группу, 90% и более крестьянских (фермерских) хозяйств были заняты производством растениеводческой продукции, поэтому страховая сумма на 1 договор страхования с государственной поддержкой ниже, чем аналогичный показатель второй и третьей групп. В то же время количество заключенных договоров страхования с господдержкой значительно превышает среднее значение по РФ.

Таблица 2. Классификация регионов РФ по удельному весу растениеводческой продукции региона в общем объеме растениеводческой продукции Российской Федерации в 2017 году

Номер группы	Число регионов, ед.	Средние по группе значения показателя, %	Субъект Российской Федерации
	72	1,4	Российская Федерация
1	5	4,4	Краснодарский, Ставропольский края; Воронежская, Ростовская области; Республика Татарстан
2	11	1,9	Саратовская, Волгоградская, Белгородская, Курская, Липецкая, Тамбовская, Оренбургская, Самарская области; республики Башкортостан, Дагестан; Алтайский край
3	8	1,1	Челябинская, Омская, Московская, Орловская, Амурская, Пензенская, Тульская, Новосибирская области
4	19	0,7	Ульяновская, Курганская, Иркутская, Ленинградская, Кемеровская, Калужская, Брянская, Нижегородская, Тюменская, Рязанская, Свердловская, Астраханская области; республики Крым, Кабардино-Балкария, Мордовия, Удмуртия, Чувашия; Приморский, Красноярский края
5	15	0,3	Калининградская, Кировская, Владимирская, Томская, Ярославская, Смоленская, Новгородская области; республики Карачаево-Черкесская, Адыгея, Чеченская, Северная Осетия – Алания, Марий Эл, Саха (Якутия); Пермский, Хабаровский края
6	14	0,1	Костромская, Архангельская, Псковская, Ивановская, Тверская, Вологодская, Сахалинская области; Забайкальский, Камчатский края; республики Калмыкия, Бурятия, Хакасия; Ханты-Мансийский автономный округ; Еврейская автономная область

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3. Средние по группам значения показателей сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой за 2017 год

Параметр	РФ	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Группа 6
Посевная (посадочная) площадь, тыс. га	1070,6	3393,7	2557,7	1578,3	782,2	299,7	148,2
Посевная (посадочная) площадь по договорам страхования с господдержкой, тыс. га	18,4	93,6	35,2	23,3	10,5	3,8	1,6
Удельный вес застрахованной площади, %	1,7	2,75	1,3	1,5	1,3	1,3	1,1
Количество хозяйств, заключивших договоры страхования с господдержкой, ед.	4,0	10,8	5,4	3,0	5,9	1,5	1,6
Количество заключенных договоров страхования с господдержкой, ед.	6,6	30	7,1	4,9	8,1	1,5	2,1
Страховая сумма, тыс. руб.	540297,2	3384370,8	1015293,1	667196,5	232777,9	51283,6	20122,4
Страховая сумма на 1 хозяйство, заключившее договоры страхования с государственной поддержкой, тыс. руб.	135074,3	313367,3	188017,2	222398,6	39444,6	34189,1	12576,5
Страховая сумма на 1 договор страхования с государственной поддержкой, тыс. руб.	81863,2	112812,4	142999,0	136162,4	28738,0	34189,1	9582,1
Сальдированный финансовый результат (растениеводство), млн руб.	937,7	8409,6	1962,8	266,2	37,2	9,1	64,3
Субсидии из бюджета РФ на договор страхования, тыс. руб.	67735,3	322675,8	139180,6	57938,2	45802,7	19149,5	7969,8

Источник: расчеты авторов.

Ко второй классификационной группе отнесены регионы, удельный вес растениеводческой продукции каждого из которых в общем объеме растениеводческой продукции РФ составляет менее 3%. Средний размер их посевных площадей на 25% меньше, чем в первой группе, он составляет 2557,7 тыс. га. В данную группу вошли абсолютный лидер по посевным площадям Алтайский край (5397,9 тыс. га), а также Оренбургская область (4225,2 тыс. га), Волгоградская область и Республика Башкортостан с размером посевных площадей 3119,2 и 3004,1 тыс. га соответственно. Однако средний показатель сальдированного финансового результата отстает от показателя группы регионов-лидеров более чем в четыре раза, что в совокупности говорит о недостаточной эффективности использования ресурсного потенциала. Анализируя страховую активность субъектов, вошедших в данную группу, можно отметить следующее. По показателям результативности субсидируемого агрострахования лидирует Липецкая область. Удельный вес посевных (посадочных) площадей застрахованных культур составил 4,2%. Учитывая структуру производителей в рассматриваемой подотрасли, можно сделать вывод, что программами субсидируемого агрострахования воспользовались крупные сельхозорганизации. Четыре хозяйствующих субъекта заключили 13 договоров страхования на общую сумму 4200506 тыс. руб.

В третью классификационную группу вошли регионы с показателями, наиболее близкими к средним значениям по Российской Федерации как по производственным характеристикам, так и по индикаторам страховой деятельности в сельском хозяйстве. Удельный вес растениеводческой продукции каждого из регионов в общем объеме растениеводческой продукции РФ в среднем составил 1,1%, средний размер посевных площадей – 1578,3 тыс. га.

Анализируя показатели страхования, следует отметить, что четвертая и вторая классификационные группы имеют схожие признаки. Удельный вес застрахованной

площади в 2017 году составил 1,3%. Тем не менее, несмотря на то что количество хозяйств, заключивших договоры страхования, в среднем более пяти единиц, страховая сумма, которая пришлось на 1 договор страхования с государственной поддержкой в субъектах четвертой группы (28738 тыс. руб.), в пять раз меньше, чем аналогичный показатель второй классификационной группы, а размер посевной (посадочной) площади меньше в 3,2 раза. Значительно выделяется среди других Астраханская область. Показатель удельного веса застрахованных посевных площадей региона в 2017 году составил 61,2%. Для Астраханской области страхование сельскохозяйственных рисков в растениеводстве слабо востребовано ввиду специфики региона – преобладания рыбной отрасли. Общая посевная площадь региона всего 81,6 тыс. га, в растениеводстве заняты К(Ф)Х и ЛПХ, застраховавшие в 2017 году 49,9% посевной (посадочной) площади.

Пятая и шестая группы характеризуются наименьшим объемом посевных площадей и количеством хозяйств, заключивших договоры страхования, однако удельный вес посевных площадей застрахованных культур незначительно отличается от среднего.

Несмотря на то, что входящие в список субъектов РФ с крупнейшими посевными площадями Воронежская и Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края, республики Башкортостан и Татарстан включили мероприятия по страхованию сельскохозяйственных рисков в приоритетные направления развития регионального сельского хозяйства, в большинстве из них в 2017 году объем рынка агрострахования снизился более чем на 80%.

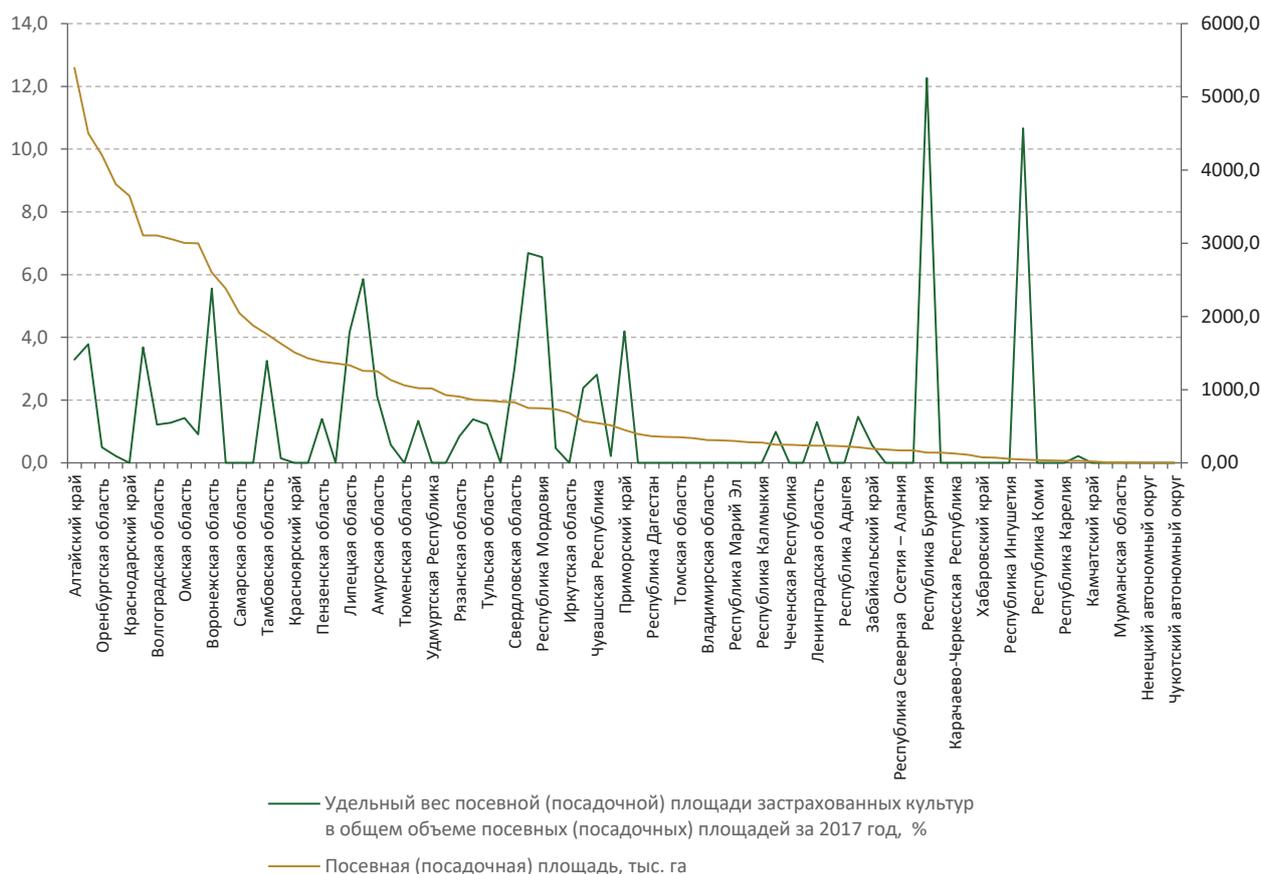
Сложившаяся ситуация во многом обусловлена институциональными преобразованиями, связанными с совершенствованием нормативно-правового и методического поля. Из-за применения рядом страховых компаний «серых схем» освоения бюджетных субсидий без реального страхования страховщики, занимавшие в 2014–2015 годы 62,3% всего рынка агрострахования с господдержкой, в 2016 году

подверглись санкциям Центрального банка России. Обоснованием отзыва лицензий у недобросовестных страховщиков служили испытываемые проблемы с активами и низкий уровень страховых выплат. Покинули рынок 28 страховых организаций, доля которых составляла 57,2% от общего объема застрахованных земель [19, с. 13]. В результате реализации мер Центрального банка место нишевых агростраховщиков заняли более крупные компании, впоследствии вошедшие в состав Национального союза агростраховщиков (НСА). Оздоровление рынка агрострахования не могло не отразиться на его основных показателях и привело к их резкому снижению.

Главным же фактором уменьшения показателей агрострахования с государственной

поддержкой в 2017–2018 гг. оказалось установление нового порядка предоставления и распределения субсидий в сфере АПК из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации. В соответствии с ним средства выделялись общей суммой в виде «единой субсидии», в состав которой вошли, в том числе, и средства на поддержку агрострахования. Предоставление регионам права распределять средства субсидии привело к тому, что расходы на агрострахование выделялись по остаточному принципу [20, с. 142]. В результате произошло существенное снижение удельного веса посевной (посадочной) площади застрахованных культур – до 2,3% в 2017 году (рис. 1).

Неопределенность с получением субсидий, несвоевременное утверждение

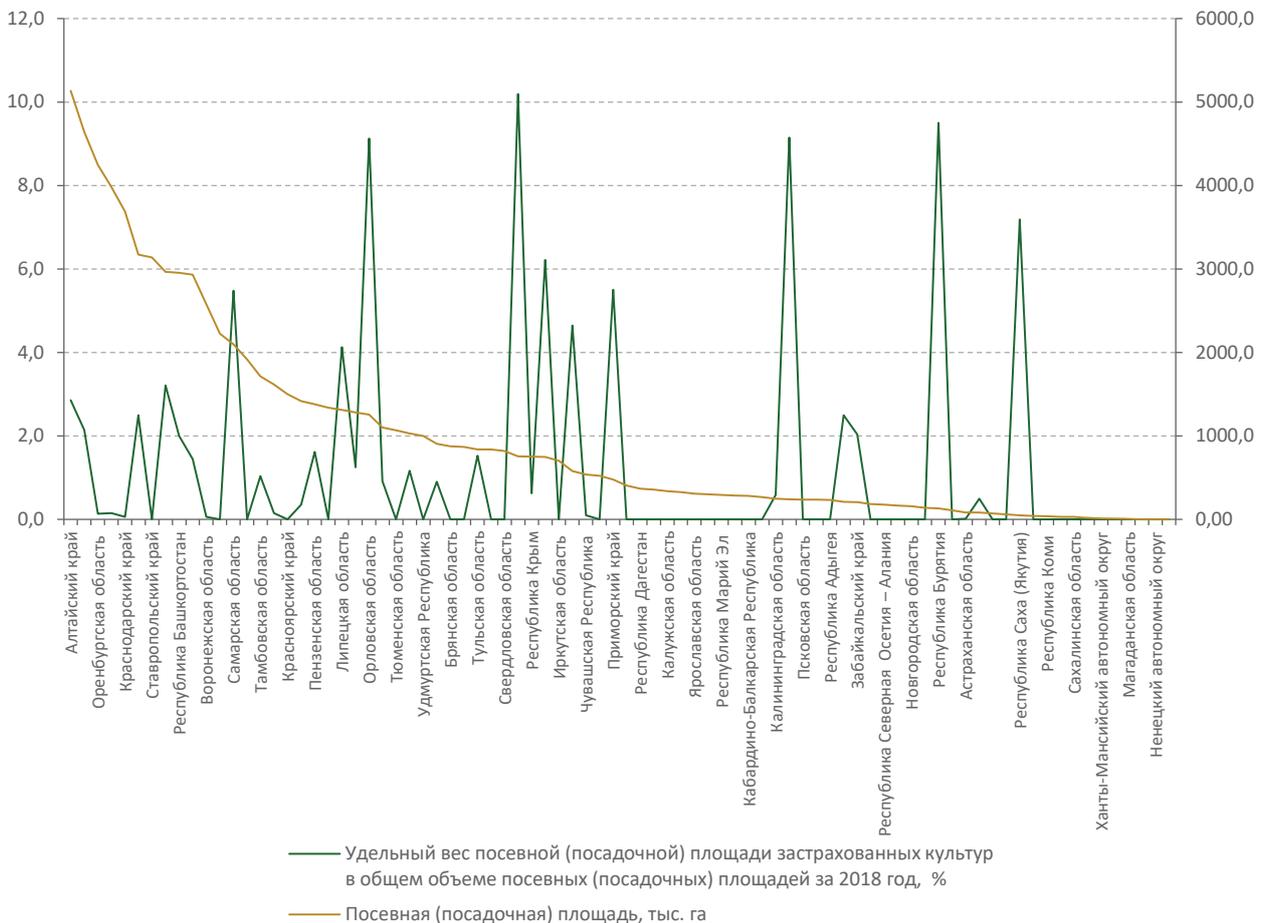
Рис. 1. Удельный вес посевной (посадочной) площади застрахованных культур в общем объеме посевных (посадочных) площадей в 2017 году

Источник: сведения Союза «Единое объединение страховщиков агропромышленного комплекса – Национальный союз агростраховщиков» о ходе заключения и выполнения договоров страхования урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений, осуществляемого с государственной поддержкой, в разрезе субъектов Российской Федерации в 2017 году, по состоянию на 31 декабря 2017 года. URL: <http://www.naai.ru/upload/iblock/7ad/7ad90a4174336557afd77a5732d7020b.pdf>

нормативно-правовых актов, отсутствие масштабных потерь урожая в связи с малым количеством опасных погодных явлений в период 2014–2017 гг. не способствовали желанию сельхозпроизводителей заключать договоры страхования и в 2018 году. В 2018 году было принято на субсидирование 334 договора страхования. Посевная (посадочная) площадь по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур включала всего 1182,1 тыс. га, или 1,7% от всей посевной (посадочной) площади. Доля застрахованной стоимости продукции растениеводства в общем объеме стоимости продукции растениеводства составила 1,5%, при запланированном целевом показателе – 15,5%.

Такое невыполнение связано с тем, что фактический объем производства продукции растениеводства существенно превысил расчетные плановые значения, а объем застрахованной продукции растениеводства уменьшился (рис. 2).

В 2018 году наибольший удельный вес застрахованной посевной площади наблюдался в регионах с небольшими посевными площадями, что было обусловлено предоставлением повышенной погектарной поддержки, выделением региональных бюджетных субсидий на субсидирование договоров страхования. В качестве яркого примера можно привести Республику Саха (Якутия). При общей посевной (посадочной)

Рис. 2. Удельный вес посевной (посадочной) площади застрахованных культур в общем объеме посевных (посадочных) площадей в 2018 году

Источник: сведения Союза «Единое объединение страховщиков агропромышленного комплекса – Национальный союз агростраховщиков» о ходе заключения и выполнения договоров страхования урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений, осуществляемого с государственной поддержкой, в разрезе субъектов Российской Федерации в 2018 году. URL: <http://www.naai.ru/upload/iblock/ac4/ac49b3183f4e59761d282fcef0deeee7.pdf>

площади в 43,2 тыс. га было застраховано сельскохозяйственных культур более чем на 10% посевной (посадочной) площади. Регион с 2017 года увеличил долю субсидирования в оплате страхового взноса, поэтому, начиная с 2018 года, сельхозпроизводители республики получают почти 95% стоимости страхования.

Очевидно, что эффект от принятых мер государственного стимулирования развития системы сельскохозяйственного страхования можно отметить в регионах, входящих в перечень субъектов Российской Федерации, территории которых относятся к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции. В структуре приоритетов развития сельского хозяйства страхование сельскохозяйственных рисков в растениеводстве отмечается в половине регионов с небольшим размером посевных площадей, находящихся в зоне рискованного земледелия, которым предоставляется несвязанная поддержка. В табл. 4 представлено распределение субъектов РФ на группы по удельному весу растениеводческой продукции региона в общем объеме растениеводческой продукции Российской Федерации и по включению в приоритеты развития сельского хозяйства субъекта РФ агrostрахования с государственной поддержкой в 2018 году. В данное распределение внесены также ранее исключенные нами из рассмотрения регионы, удельный вес продукции которых в продукции сельского хозяйства Российской Федерации составляет менее 0,1%.

Несмотря на то что в 2018 году по сравнению с 2017 годом можно отметить позитивные тенденции относительно включения агrostрахования в приоритеты развития сельского хозяйства, особенно в регионах Центрального федерального округа, половина субъектов РФ, доля растениеводческой продукции каждого из которых в общем объеме растениеводческой продукции по Российской Федерации составляет более 3%, не внесли страхование сельскохозяйственных рисков в растениеводстве и животноводстве в число приоритетных направлений развития сельского хозяйства. Отказались

от агrostрахования 75% субъектов третьей и 53% – четвертой группы, а также, соответственно, 67 и 56% регионов 5 и 6 групп.

В 2019 году сектор агrostрахования несколько оживился, чему способствовали вступившие с 1 марта поправки к закону об агrostраховании с господдержкой, в соответствии с которыми был отменен порог гибели урожая, расширен перечень страховых случаев, увеличен размер максимальной франшизы с 30 до 50% от страховой суммы, появилась возможность индивидуального подбора страхового покрытия. В рамках «единой субсидии» по поддержке АПК в 2019 году средства на страхование получили нормативно закрепленный защищенный статус, не расходуясь на другие направления.

По данным Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, в страховании урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений с государственной поддержкой в 2019 году принял участие 41 субъект РФ. Посевная (посадочная) площадь по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений составила 4277,0 тыс. га, или 5,5% от всей посевной (посадочной) площади, что в 3,6 раза выше уровня 2018 года, в котором посевная (посадочная) площадь составила 1182,1 тыс. га, или 1,7% от всей посевной (посадочной) площади. В 2019 году принят на субсидирование 1651 договор страхования, что в 4,9 раза выше уровня 2018 года. Просубсидировано 1646 договоров страхования, тогда как за аналогичный период 2018 года – 333 договора. Регионами – лидерами по объему рынка в 2019 году стали ранее практически отказавшиеся от агrostрахования Воронежская, Самарская области, Краснодарский край, республика Мордовия и Татарстан.

Несмотря на имеющиеся положительные тенденции, этого явно недостаточно, для того чтобы сельскохозяйственное страхование активно работало как механизм компенсации ущерба аграриев от чрезвычайных ситуаций. По предварительным оценкам Национального союза агrostраховщиков переход к обязатель-

Таблица 4. Распределение субъектов РФ по удельному весу растениеводческой продукции региона в общем объеме растениеводческой продукции Российской Федерации и по включению в приоритеты развития сельского хозяйства региона агрострахования с государственной поддержкой в 2018 году

Включение в приоритеты развития с/х региона агрострахования с господдержкой	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Группа 6
Страхование сельскохозяйственных рисков в растениеводстве и животноводстве	Ростовская область, Ставропольский край; Республика Татарстан	Республика Башкортостан, Тамбовская область		Республики Мордовия, Чувашия, Ленинградская, Рязанская, Свердловская области	Калининградская область, Пермский край , Чеченская Республика	Забайкальский край, Республика Бурятия
Страхование сельскохозяйственных рисков в растениеводстве		Самарская область	Амурская область	Приморский край	Республика Саха (Якутия)	Республика Ингушетия, Ивановская область
Страхование сельскохозяйственных рисков в животноводстве	Воронежская область	Курская область	Московская область	Тюменская, Калужская области, Республика Удмуртия	Новгородская область	Костромская, Псковская, Тверская, Вологодская, области, Камчатский край , республики Коми, Тыва
В системе приоритетов развития сельского хозяйства региона агрострахование отсутствует	Краснодарский край	Волгоградская, Саратовская, Белгородская, Оренбургская, Липецкая области, Алтайский край, Республика Дагестан	Челябинская, Омская, Орловская, Пензенская, Тульская, Новосибирская области	Астраханская, Ульяновская, Курганская, Иркутская, Кемеровская, Брянская, Нижегородская области, республики Крым, Кабардино-Балкария, Красноярский край	Кировская, Томская , Ярославская, Смоленская, Владимирская области, республики Карачаево-Черкесская, Марий-Эл, Адыгея, Северная Осетия – Алания, Хабаровский край	Ханты-Мансийский, Чукотский, Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа, Архангельская, Сахалинская, Магаданская, Мурманская области, республики Хакасия, Алтай , Карелия, Калмыкия , Еврейская автономная область
* Жирным шрифтом выделены регионы, входящие в перечень субъектов Российской Федерации, территории которых относятся к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 18–23.						

ному страхованию сельскохозяйственных рисков, когда получение государственной поддержки станет возможным только при наличии страхового полиса, должен увеличить удельный вес застрахованных посе-

ных (посадочных) площадей до 45%. В то же время сельхозпроизводители продолжают приобретать самый дешевый полис в целях получения доступа к другим видам субсидий.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что потенциал действующей системы агрострахования до конца не раскрыт. Между регионами наблюдается значительная дифференциация в уровне реализации субсидируемого страхования сельскохозяйственных рисков. В наибольшей степени она проявляется в подотрасли растениеводства. Регионы с большими посевными площадями и высоким удельным весом растениеводческой продукции в наименьшей степени применяют данный механизм защиты от сельскохозяйственных рисков.

Региональный дисбаланс сельскохозяйственного страхования обусловлен многими причинами, в первую очередь различным производственным и природно-климатическим потенциалом. Проведенный анализ дает основание полагать, что среди факторов, определяющих региональную дифференциацию, наиболее значимыми для всех групп регионов в 2017–2018 гг. стали стратегические приоритеты и агропродовольственная политика субъектов РФ. В разрезе выделенных групп выявлено, что для регионов, входящих в первую и вторую группы, ключевым фактором, повлиявшим на снижение показателей агрострахования, оказалось несовершенство методики выделения бюджетных средств в рамках «единой субсидии». Показатели агрострахования в регионах четвертой, пятой и шестой групп в 2017–2018 гг. остались практически неизменными по сравнению с аналогичными показателями за предыдущие годы.

Основными направлениями сокращения существующей дифференциации являются совершенствование методики оценки рисков и нормативно-правовой базы страховой деятельности; расширение сети организаций, осуществляющих страхование сельскохозяйственных рисков в регионах, с широким набором страховых продуктов, применимых к различным субъектам хозяйствования; формирование многоуровневой структуры видов и форм агрострахования. Последнее особенно значимо для регионов, в структуре производства растениеводческой продукции которых преобладают малые и средние сельхозпроизводители. Для сельхозпроизводителей в субъектах с небольшими посевными площадями и находящихся в зоне рискованного земледелия наиболее актуальным будет развитие агрострахования с государственной поддержкой с преобладанием в оплате страхового взноса доли субсидий за счет средств регионального бюджета. Позитивный опыт Республики Саха (Якутия) и ряда пилотных регионов подтверждает эффективность такого подхода.

Для развития самого механизма агрострахования важно улучшать кадровое обеспечение страховых компаний и подготавливать специалистов, знающих отраслевую специфику, а также предоставлять свободный доступ к информации и активно применять цифровые технологии при организации страховой деятельности. Это будет способствовать формированию новых моделей страхования сельскохозяйственных рисков, отвечающих современным тенденциям развития аграрной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Roberts R. *Insurance of Crops in Developing Countries*. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2005. 78 p.
2. Порфирьев Б.Н., Юлдашев Р.Т. Становление системы агрострахования в России: ключевые проблемы и наметки решений // Рос. экон. журн. 2010. № 6. С. 35–43.
3. Порфирьев Б.Н., Макарова Е.А. Экономическая оценка ущерба от природных бедствий и катастроф // Вестн. РАН. 2014. № 12. С. 1059–1068.
4. Hazell P., Pomareda C., Valdes A. Crop insurance for agricultural development: issues and experience. *American Journal of Agricultural Economics*, 1986, vol. 68, pp. 1040–1041. DOI: 10.2307/1242168

5. Ray R. *Agricultural Insurance: Theory and Practice and Application to Developing Countries*. 2nd Edition. Pergamon, 1981. 372 p.
6. Barnett B., Skees J. Region and crop specific models of the demand for federal crop insurance. *Journal of Insurance Issues*, 1995, vol. 18 (2), pp. 47–65.
7. Назарова А.А., Хожайнов Н.Т. Агрострахование: к концепции назревших преобразований // Рос. экон. журн. 2015. № 4. С. 85–90.
8. Назарова А.А. Совершенствовать государственную поддержку агрострахования // АПК: Экономика, управление. 2015. № 8. С. 87–93.
9. Sumner D., Zulauf K. *Economic & Environmental Effects of Agricultural Insurance Programs*. Ohio, 2012. 20 p.
10. Babcock A. *Crop Insurance. A Lottery that's a Sure Bet*. Washington, 2016. 14 p.
11. Балаш О.С., Балаш В.А. Пространственный анализ темпов роста региональных страховых рынков // Математическое моделирование в экономике и управлении рисками: сб. мат-лов III Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2014. С. 32–36.
12. Wang H., Tack J., Coble K. Frontier studies in agricultural insurance. *The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice*, 2020. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41288-019-00156-4> (accessed 23.12.2019).
13. Боговиз А.В., Воробьев С.П., Воробьева В.В. Противоречия рынка агрострахования с государственной поддержкой // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 9. С. 44–48.
14. Богачев А.И. Развитие российского рынка агрострахования животных в условиях действия единой субсидии // Вестн. сельск. развития и соц. политики. 2018. № 2 (18). С. 34–36.
15. Крылатых Э.Н. Проблема экономических рисков в агропромышленном комплексе // Журн. агр. экономики и маркетинга. 2002. № 1. URL: <http://agriterra.net/section/19.aspx> (дата обращения 27.11.2019).
16. Morgan S.L., Marsden T., Morley A. Agricultural multi-functionality and farmers entrepreneurial skills: A study of Tuscan and Welsh farmers. *Journal of Rural Studies*, vol. 26, pp. 116–129. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2009.09.002
17. Кутенков Р.П. Ресурсное обеспечение интенсификации сельскохозяйственного производства в регионах России: макроэкономические соотношения // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2015. № 2. URL: <http://www.iagpran.ru/datas/users/53598e81c282b98f4d840262c3d26e8a.pdf> (дата обращения 14.12.2019).
18. Коростелев В.Г., Кадомцева М.Е. Агрострахование как элемент климатически оптимизированного сельского хозяйства // Междунар. с.-х. журн. 2018. № 5 (365). С. 39–43.
19. Кадомцева М.Е. Влияние несовершенства нормативно-правового поля на эффективность агрострахования с государственной поддержкой // Факторы успеха. 2019. № 1 (12). С. 10–15.
20. Бурлаков В.Б. Проблемы развития страхования рисков сельскохозяйственного производства на кооперативной основе // Научное обозрение: теория и практика. 2018. № 8. С. 136–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марина Евгеньевна Кадомцева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: kozyreva_marina@mail.ru

Вячеслав Геннадьевич Коростелев – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: vkor2006@yandex.ru

Kadomtseva M.E., Korostelev V.G.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF DEVELOPMENT OF SUBSIDIZED INSURANCE OF AGRICULTURAL RISKS IN THE CROP PRODUCTION SUB-INDUSTRY

The insurance of agricultural risks, based on government support, is a crucial component of an organizational-economic mechanism of national agro-food complex development which promotes stabilization and improvement of agricultural producers' financial sustainability. In recent years, one of the main problems of agricultural insurance development has been a significant increase of regional differentiation. As the result, in many entities of the Russian Federation, budget funds, allocated for agriculture development, are not efficiently used, which hinders the achievement of required target indicators of crop and livestock production. The purpose of our research is to analyze regional features of agricultural insurance development and identify factors of interregional differences in the implementation of agricultural risk insurance programs, based on government support, in the crop production sub-industry. As the result of the research, using methods of mathematical and statistical analysis, six classification groups of regions of the Russian Federation were obtained and described. The efficiency of agricultural insurance in crop production was assessed. The factors, which have the largest impact on the existing regional differentiation of development of agricultural risk insurance with government support, were identified. An analysis of these factors' impact on the change of a place of agricultural insurance in the structure of priorities of Russian regions' agriculture development was carried out. Proposals, aimed at the reduction of regional differentiation in agricultural insurance development, were stated.

Insurance, regional differentiation, agriculture, risks, crop production, subsidy offers.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina E. Kadomtseva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences”. 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: kozyreva_marina_@mail.ru

Vyacheslav G. Korostelev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences”. 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: vkor2006@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.5

УДК 330.322 | ББК 65.2/56

© Якушев Н.О., Мазиллов Е.А.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА¹

НИКОЛАЙ ОЛЕГОВИЧ ЯКУШЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: nilrus@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4255-4493; ResearcherID: I-8530-2016

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЗИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: eamazilov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5792-3883; ResearcherID: J-1686-2016

Инвестиции в социально-экономическом развитии можно назвать основным базисом для российской экономики. Они способствуют развитию предпринимательства, являются источником формирования доходов бюджета регионов, но для понимания инвестиционной привлекательности территории необходима их оценка на локальном уровне. Однако в настоящее время внимание органов власти и управления сосредоточено в основном на анализе текущей инвестиционной деятельности, происходящей в регионе. Все это не позволяет полноценно решать задачи в направлении развития инвестиций в регионе, включающие учет их привлекательности на конкретной территории. В связи с этим цель статьи заключается в разработке методического подхода к оценке инвестиционной привлекательности локальной территории региона. Для достижения поставленной цели была проведена следующая работа. Выделены труды многих зарубежных и отечественных ученых, в которых инвестиционная привлекательность выступа-

Для цитирования: Якушев Н.О., Мазиллов Е.А. Методический подход к оценке инвестиционной привлекательности локальной территории региона // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 68–87. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.5

For citation: Yakushev N.O., Mazilov E.A. Methodological approach to assessing the investment attractiveness of the region's local territory. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 68–87. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.5

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0006 «Управление процессами структурной трансформации экономики регионов на основе развития малого и среднего предпринимательства».

ет предметом исследования современной экономической теории и практики. Анализ научной литературы позволил выделить ключевые подходы к характеристике и оценке инвестиционной привлекательности территории. В результате было выявлено, что локальный аспект оценки инвестиционной привлекательности территории не столь широко распространен в мировой практике. Проведенная сравнительная характеристика методик показала, что оценка инвестиционной привлекательности локальной территории региона заключается в основном в использовании количественных показателей и применении рейтинга. Кроме того, различия в понимании сущности инвестиционной привлекательности порождают большое разнообразие в подходах к ее оценке. В качестве научной новизны в исследовании разработана методика оценки инвестиционной привлекательности локальных территорий региона, основанная на индексном подходе. Ее отличительной чертой является использование показателей, характеризующих безопасность инвестиционных решений, учет которой необходим и для органов власти, и для потенциальных инвесторов. Проведена апробация методики на материалах Вологодской области. Последнее связано с возможностью решения стратегических задач, касающихся вопросов инвестиций, а также обеспечения экспертно-аналитической деятельности органов власти и управления всех уровней.

Инвестиционная привлекательность, инвестиции, оценка, регион, локальная территория, методический подход.

Введение

Повышение уровня экономической самостоятельности регионов и обеспечение их устойчивого поступательного развития являются важнейшими задачами для российской экономики. Степень успешности решения этих задач во многом определяется факторами развития региональной экономики. Для обеспечения регионального развития необходима инвестиционная политика с четко определенными приоритетами, позволяющая привлекать инвестиции именно в те отрасли, которые в них нуждаются больше всего. Тем самым инвестиционная привлекательность территории оказывает влияние на формирование источников доходов бюджета региона, создавая предпосылки для дальнейшего его развития. Однако государственная система управления экономикой в регионах ориентирована в основном на оценку текущей инвестиционной деятельности. Исследование теоретико-методологических подходов к оценке инвестиционной привлекательности позволит определить, что является важным при анализе локальной территории региона. В экономической науке это приобретает все

большее значение в вопросах управления экономикой региона, становясь важнейшим элементом для повышения ее эффективности. Вместе с тем текущая ситуация, связанная с решением стратегических задач в экономике, в том числе в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»², требует комплексного подхода к оценке инвестиций, учитывающего привлекательность локальной территории региона.

В связи с этим цель статьи заключается в разработке методического подхода к оценке инвестиционной привлекательности локальной территории региона. Для этого необходимо решить следующие задачи: провести анализ научных исследований, затрагивающих вопросы инвестиций, а также методик к оценке ее привлекательности, в том числе применяемых в отечественной практике и за рубежом; осуществить сравнительную характеристику проанализированных методических подходов; разработать комплексный подход, включающий систему показателей оценки, учитывающую факторы воздействия на инвестиционную

² Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <http://static.government.ru/media/files/uahTsGOc72APotuEUjhoENhq1qYz4H.pdf>

привлекательность локальной территории региона; провести апробацию методических разработок.

Теоретические аспекты исследования

Одним из ключевых вопросов современной экономической теории и практики является инвестиционная привлекательность. Она остается предметом исследования многих зарубежных и отечественных ученых, среди которых следует выделить W. Sharpe, S. Iamsiraroj, N. Bloom, S. Bond, J. Van Reenen, M. Baddeley, В.В. Литвинову, В.В. Ивантера, О.В. Рудакову, А.В. Полянина, Л.М. Кузнецову, В.Н. Кузьмина, Д.А. Чепик [1–8]. Подробное описание подходов к определению инвестиционной привлекательности приведено в табл. 1.

В целом стоит отметить, что в представленных подходах есть как ряд общих черт, так и специфичных особенностей. Среди общих можно выделить проведение оценки и анализа для определения характеристик инвестиционной привлекательности. Однако в рискоориентированном подходе в большей степени учитывается не

сам эффект от инвестиции, а совокупность критериев внешней и внутренней среды (в т. ч. риски бизнес-проектов, уровень рабочей силы), которые оказывают влияние на инвестиционную привлекательность. В субъектно-рыночном – отражается роль инвестиций для экономических субъектов (фирм) на рынке. Важность учета потенциала и создания мотивационного базиса для активности инвестирования в регионе отражена в интегрально-факторном подходе. В структурно-приоритетном – делается упор на реализации комплекса мер для экономической политики, нацеленных на сглаживание диспропорций отраслевого, технологического и пространственного характера, которые невозможно решить с помощью традиционного рыночного механизма.

Мы склоняемся к двум подходам: рискоориентированному и структурно-приоритетному. Они в большей степени раскрывают суть инвестиционной привлекательности и позволяют учитывать конкретные акценты для решения задач на разных уровнях (включая локальный). При этом под инвестиционной привлекательностью, опираясь на исследования в

Таблица 1. Подходы к определению инвестиционной привлекательности

Исследователи	Примеры определения инвестиционной привлекательности
Рискоориентированный	
W. Sharpe, S. Iamsiraroj	Под инвестиционной привлекательностью стоит понимать не только прямой эффект от привлечения инвестиций, который может повлиять на рост экономики, но также и уровень рабочей силы, бизнес-риски для компании, торговые ограничения и благоприятный инвестиционный климат
Субъектно-рыночный	
N. Bloom, S. Bond, J. Van Reenen, M. Baddeley	Под инвестиционной привлекательностью понимается определение связи между неопределенностью и динамикой инвестиций для фирм на спрос и шоками, возникающими на рынке
Интегрально-факторный	
В.В. Литвинова, В.Н. Кузьмин, Д.А. Чепик	Инвестиционная привлекательность представляет собой систему различных объективных признаков (факторов) и интегральную характеристику инвестирования, формирующуюся с учетом оценки потенциала и угроз для инвестора в целях создания предпосылки мотивации к инвестиционной активности в регионе
Структурно-приоритетный	
В.В. Ивантер, О.В. Рудакова, А.В. Полянин, Л.М. Кузнецова	Инвестиционная привлекательность – это составляющая структурно-инвестиционных приоритетов для задач экономической политики в национальном и региональных масштабах, связанных с ростом экономики
Составлено по: [1–8].	

рамках данных подходов, стоит понимать характеристику преимуществ и недостатков на конкретной территории, которая может быть оценена на основе комплекса показателей объективного и субъективного воздействия внешней и внутренней среды, позволяющих выявить возможности для развития на локальном уровне (например, муниципального образования).

Инвестиции могут оказывать влияние на развитие территорий различного уровня, одним из которых является локальный, что также находит отражение в ряде исследований. В работе С.В. Беликовой под локальной территорией понимается сложная система социально-экономических значений, определенным образом связанная со средой, в которой существует субъект территориальных инвестиционных процессов [9]. Р.Ф. Гатауллин, А.Г. Каримов, Э.Р. Чувашаева при анализе проблем обеспечения экономической жизнестойкости к локальному уровню территорий относят муниципальные образования в виде городских округов и сельских районов, характеризующихся показателями динамики в экономике и социальной сфере [10]. Л.И. Корнева определяет локальные территории как элемент специализации в структуре регионального хозяйства при определении особенностей инвестиционных проектов через специфику действия внутрирегиональных факторов [11]. Коллектив ученых (Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, А.С. Кожевников) рассматривает локальные территории через ракурс решения проблем как социально-экономического развития в целом, так и местного значения, включая вопросы привлечения инвестиций [12]. При этом выделяется важный аспект, связанный с ориентацией на эффективное использование имеющихся ресурсов и потенциала муниципалитетов для активизации развития локальных территорий. Опираясь на подход, раскрытый в исследовании коллектива ученых, мы учитываем и общие, и конкретные вопросы локальных территорий, касающиеся инвестиционной привлекательности.

Вместе с тем необходимо отметить, что инвестиционные решения по процедуре отбора субъектов на локальных территориях чрезвычайно сложны и многоаспектны. Они основаны на многовариантной, многокритериальной оценке ряда факторов и тенденций, которые, как правило, действуют в разных направлениях. Поэтому оценка инвестиционной привлекательности локальных территорий в регионе является важным аспектом при принятии любого инвестиционного решения. Последствия для инвестора и экономики региона и страны в целом зависят от ее правильности. Чем сложнее ситуация, тем больше инвестор должен основываться на результатах оценки инвестиционной привлекательности в странах и регионах, для того чтобы принимать решение и на уровне локальной территории.

Методика исследования

Анализ научной литературы позволил выделить ключевые подходы к характеристике и оценке инвестиционной привлекательности территорий на разных уровнях: страновом, региональном, локальном.

Одним из первых в этой области является исследование Гарвардской школы бизнеса. Для сравнения использовалась экспертная шкала, состоящая из следующих характеристик каждой страны: законодательная база для инвесторов, возможность оттока капитала, стабильность национальной валюты, политическая ситуация, уровень инфляции, возможность использования национального капитала [13].

В работе М. Chisholm рассматривается ряд отдельных проблем, связанных с инвестиционной привлекательностью территории. Делается акцент на факторах, определяющих инвестиционную привлекательность территории. Так, автором выделяются решающие факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность местности, включая ее характеристики. Они делятся на шесть тематических групп: экономические, социокультурные, политические и административные, технологические и инновационные, природные и имиджевые [14].

Акцент на интересе субъектов инвестиционной деятельности, прежде всего инвесторов, отмечают в своем исследовании О.П. Овчинникова, Е.Е. Чурилова, это учитывается в существующих методах оценки инвестиционного климата страны. Разработанный авторами подход позволяет оценить инвестиционную привлекательность территории, уровень экономического развития объекта, установить влияние его привлекательности на приток денежных вливаний от инвесторов и определить меры по улучшению его инвестиционного климата. На сегодняшний день для российских регионов характерна значительная дифференциация социально-экономических условий, поэтому, на наш взгляд, правильнее говорить об оценке инвестиционного климата, а не инвестиционной привлекательности в целом [15].

Оценка инвестиционной привлекательности территории невозможна без определения способности государства к эффективной работе с бизнесом. Так, М. Bradshaw и А. Swain определяют инвестиционную привлекательность как «способность страны привлекать и удерживать бизнес» [16]. Для N. Vajraktari «привлекательность страны представляет ее способность привлекать и удерживать бизнес, предоставляющий высококвалифицированную работу» [17].

Методика Business Environment Risk Intelligence (индекс BERI), разработанная в Германии, предполагает индексную оценку инвестиционного климата 45 стран по 15 отдельным критериям (политическая стабильность, отношение к иностранным инвестициям, степень национализации, вероятность девальвации, состояние платежного баланса, развитие бюрократии, конвертируемость валюты и др.), значения показателей присваиваются согласно оценочной шкале от 0 (неприемлемо) до 4 (очень благоприятно) баллов [18].

Аналогичные подходы экспертной оценки использовались в рамках методики журнала «Euromoney» и рейтингового агентства Moody's. Первая из них включает в себя девять групп показателей, с помощью

которых оцениваются следующие факторы, влияющие на развитие инвестиций: политическая напряженность и риск; эффективность экономики; имеющаяся задолженность и способность к ее обслуживанию; кредитоспособность; доступность кредитов (краткосрочных и долгосрочных займов) [19]. Вторая рассматривает общеэкономические, налоговые, финансовые и другие аналогичные риски на исследуемой территории, которые могут оказать влияние на инвестора [20].

Основным недостатком данного методического подхода является субъективность получаемой оценки – экспертный метод не позволяет достичь доказательного результата ввиду того, что отсутствует анализ тенденций статистических показателей социально-экономического развития территории. Также стоит отметить, что названные методики нацелены преимущественно на оценку рисков, связанных с инвестиционной деятельностью, в то время как вопрос имеющегося потенциала должным образом не раскрывается.

Региональный аспект оценки инвестиционной привлекательности локальной территории не столь широко распространен в мировой практике. Исследования экономического развития отдельных регионов проводятся во многих странах мира, однако акцент на локальные территории не всегда берется за ключевую характеристику. В США регулярно публикуют индексы, которые характеризуют государственные рейтинги на основе определенных критериев и имеют различную направленность: политическую, экономическую и экологическую. Разные консалтинговые компании и экономические издания систематически отслеживают информацию о ситуации в национальных и региональных инвестиционных комплексах на основе открытых источников и рейтингов инвестиционной привлекательности регионов, публикующихся на систематической основе Standard & Poor's, Moody's Investors Services и Fitch IBCA [21].

В свою очередь экономическим департаментом Банка Азии была разработана

методика оценки инвестиционной привлекательности территории, рассматривающая политические, экономические и социальные ситуации в отдельных регионах, включающая в анализ статистические показатели результатов социально-экономического развития [22]. Однако состояние инвестиционного потенциала территории в ней не отражается, а ее проведение осуществляется не на регулярной основе.

В докладе о привлекательности регионов Т. Hunt упомянул важность навыков мужчин и женщин, профессиональной подготовки как основы территориальной привлекательности и качества жизни [23]. I. Golaydo указал, что территориальную привлекательность можно определить как способность территории привлекать новые иностранные инвестиции и удерживать инвестиции [24].

В исследованиях О.В. Лосевой и М.А. Федотовой подчеркивается важность экспертной оценки инвестиционной привлекательности, которая проводилась бы через отдельные виды инвестиционного потенциала, объединенные в группы, не имеющие высокой мультиколлинеарности и характеризующие ресурсные (кроме человеческих) социально-производственные и интеллектуальные факторы [25]. В итоге определяется теснота связи между среднегрупповыми рейтингами указанных видов потенциала и совокупным рейтингом инвестиционной привлекательности регионов. Используются интегральные оценки, которые проводятся на основе среднего арифметического. Инвестиционный потенциал рассматривается во взаимосвязи с интеллектуальным (включая кадровый, технологический и инновационный потенциалы). На втором месте находится социально-производственный потенциал, на третьем – ресурсный. При этом добавим, что в основе подхода лежит метод экспертных оценок.

В работе М.С. Абрашкина, Л.А. Шмелева при оценке инвестиционной привлекательности региона выделяются факторы «снижающего типа». Так, авторы отмечают, что на инвестиционную привлекательность в большей степени оказывают влияние фи-

нансовые факторы: доходная часть бюджета региона; обеспеченность региона средствами внебюджетных фондов; удельный вес долгосрочных кредитов; доля убыточных предприятий в регионе. Однако возникает вопрос о способе учета в рамках комплексной оценки различных критериев, включая региональные методы поддержки инвестиционной деятельности [26].

В исследовании М. Палкиной выявляются сильные стороны инвестиционной привлекательности территории с помощью анализа вариационных рядов с учетом развития инвестиционного потенциала и уровня инвестиционного риска. Автором принимается во внимание как оценка инвестиционного потенциала, так и инвестиционного риска. Они определяются целым набором компонентов, через которые становится возможным показать значимость инвестиций и различия в степени риска в группах путем сравнения дисперсий. Расчеты показывают степень влияния независимых переменных на зависимую, характеризуют положение регионов по уровню инвестиционного потенциала (рейтинг). Это значимые компоненты, в соответствии с которыми регионы были охарактеризованы как имеющие высокий инвестиционный потенциал и высокий инвестиционный риск.

При этом анализ полученных результатов позволяет определить основные направления развития в регионах, где инвестиционный потенциал является одним из наиболее важных условий их «процветания» [27].

Построение рейтингов на систематической основе осуществляется агентством Standard and Poor's с использованием методики анализа кредитной финансовой устойчивости региона [28]. Методика предполагает проведение оценки способности эмитента (региона) своевременно исполнять взятые на себя обязательства как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. Это преимущество данного подхода. Недостатком является расчет инвестиционного климата по одному критерию (следовательно, его нельзя назвать исчерпывающим).

Для осуществления комплексной оценки и получения объективного результата, характеризующего инвестиционную привлекательность отдельной территории, рейтинговым агентством «Эксперт» была разработана соответствующая методика, включающая в себя анализ как инвестиционного потенциала, так и инвестиционного риска [29]. Первая категория включает в себя производственный, ресурсно-сырьевой, инфраструктурный, трудовой, потребительский, инновационный, институциональный и финансовый потенциал территории. Вторая – экономические, политические, финансовые, социальные, экологические и криминальные риски. Итоговый показатель определяется суммой всех значений рейтинговых показателей с учетом их весов, определенных экспертным путем. В конечном итоге определяется тип территории по следующей связке показателей: «инвестиционный потенциал – инвестиционный риск». Главным преимуществом методики является ее гибкость – возможность включения новых показателей, характеризующих исследуемую категорию. Однако проблема субъективности получаемого результата в анализе остается нерешенной.

А.А. Агеенко при оценке инвестиционной привлекательности территории учитывает три группы методов: экономико-математические, факторного анализа, а также методы использования экспертных оценок. К плюсам такого подхода стоит отнести широкий выбор факторов, наиболее полно отражающих инвестиционные процессы в современной экономике, удобную их группировку в соответствии с мировой рейтинговой и мониторинговой оценкой. Однако представленная методика несовершенна, используемые в ней агрегированные показатели инвестиционной привлекательности не обоснованы должным образом для локальных территорий [30].

Ввиду высоких трудовых затрат при реализации оценочной деятельности по данному вопросу научным сообществом были разработаны авторские методики, позволяющие объективно охарактеризовать инве-

стиционную привлекательность территории с наименьшими трудозатратами при их осуществлении. Так, к примеру, д-р экон. наук И.А. Бланк, первым основавший научные школы по финансовому и инвестиционному менеджменту, предложил методический подход, основанный на построении интегрального индекса, характеризующего стабильность общеэкономического, инвестиционно-инфраструктурного, демографического и рыночного уровней развития, а также степень безопасности инвестиционной деятельности на исследуемой территории [31]. В результате анализируемые субъекты распределяются по трем группам инвестиционной привлекательности, в том числе регионы с высоким уровнем инвестиционной привлекательности, регионы с низким уровнем инвестиционной привлекательности.

В свою очередь заслуженный экономист Кабардино-Балкарской Республики канд. экон. наук В.Х. Секреков предложил использовать методику оценки инвестиционной привлекательности территории, схожую с методическим подходом, разработанным Советом по изучению производительных сил Министерства экономического развития РФ и РАН [32]. В ее основу входит семь этапов анализа, в частности оценка инвестиционного потенциала, риска и климата территории, ее инвестиционных возможностей. Отдельно автором представлены анализ объемов инвестиций в основной капитал как важного показателя исследуемого процесса и оценка инвестиционной емкости того или иного региона.

В исследовании В.Е. Литвиновой оценка инвестиционной привлекательности осуществляется посредством расширенного анализа инвестиционного климата региона, включающего определение потенциала и риска инвестиций на локальных территориях, а также их составляющих имиджевого фактора и фактора времени. Тем самым представлен подход, однако конкретный алгоритм, с использованием которого проводится оценка, не обозначен, что затрудняет его использование в качестве инструмента [33].

Д.В. Завьяловым, Н.С. Киреевой для формирования системы оценки инвестиционной привлекательности разработан подход, всесторонне раскрывающий свойства и характеристики объекта инвестиций [34]. Оценка инвестиционной привлекательности охватывает несколько уровней: мегауровень (уровень субъектов РФ), мезоуровень (уровень региона, территории, на которой расположен кластер), микроуровень (уровень оценки субъектов кластерного образования и инвестиционного проекта). В результате авторами сформирована иерархия показателей оценки инвестиционной привлекательности:

- первый уровень – анализ национального рейтинга инвестиционного климата субъектов РФ;
- второй уровень – анализ природно-климатических условий территории, социальных, политических, экономических, организационных факторов;
- третий уровень – анализ трудовых, производственных факторов кластера, анализ технологических факторов территории (кластера); оценка эффективности инвестиционного проекта.

В основном такая структура процесса при оценке инвестиционной привлекательности позволяет учесть воздействие внешних, наиболее значимых для кластера территории факторов.

Также стоит отметить, что инвестиционную привлекательность определяет, в первую очередь, состояние социально-экономических систем его муниципальных образований, так как ресурсы развития и факторы производства реализуются именно на уровне локальной территории (муниципальных образований) [35]. Необходимо учитывать, что изменение инвестиционной привлекательности региона осуществляется в условиях неоднородной территориальной структуры, поэтому важнейшим условием конкурентоспособности региональной экономики становится обеспечение ее роста именно на локальной территории.

Первоначальным этапом управления конкурентоспособностью экономики ре-

гиона является оценка инвестиционной привлекательности локальной территории. Поэтому поиск соответствующего методического подхода к оценке данной категории, удовлетворяющего существующим потребностям стратегического планирования развития территории и отражающего реальную характеристику, формирует актуальную задачу исследования.

В современной практике существует достаточно много различных методических подходов к оценке инвестиционной привлекательности отдельных территорий. При этом в большинстве из них понятия «инвестиционный климат» и «инвестиционная привлекательность» являются тождественными. Однако между собой данные методики отличаются используемыми подходами к проведению анализа, системой анализируемых показателей, качественными характеристиками инвестиции. Эксперты-аналитики IMF R. Dunning и D. Mucchielli утверждают, что необходимо сосредоточить внимание на преимуществах локализации, и подчеркивают, что решение об интернационализации и определении оптимального местоположения зависит не только от сравнительных преимуществ территории, но и от стратегии, принятой фирмой [36].

В работе Ю. Емельяновой и Ю. Леоновой при оценке инвестиционной привлекательности территории обращается внимание на факторы и ограничения инвестирования для зарубежных инвесторов. Фактически оцениваются те объективные факторы социально-экономического развития регионов, которые имеют отношение к инвестированию на локальных территориях. Анализ также дополняется оценками локальных рынков в разрезе городов, которые имеют особое значение для зарубежных инвестиций. Кроме того, он дополнен оценками потребительских рынков. В целом применяемый подход связан с оценкой вложений в отрасли, нацеленные на потребление физических лиц со значительной частью прямых иностранных инвестиций в России [37].

Расширенная методика оценки инвестиционной привлекательности терри-

тории представлена Советом по изучению производственных сил Министерства экономического развития РФ и РАН (авторы – И.И. Райзман, И.В. Гришина, А.Г. Шахназаров и др.). В ней основными структурными элементами выступают инвестиционный потенциал, инвестиционные риски, инвестиционная привлекательность и активность локальных территорий [38].

Преимущество методики составляют определение функции причинно-следственной взаимосвязи инвестиционной привлекательности и активности региона; возможность обоснования достоверности результатов – применение критерия степени тесноты корреляционной связи между категориями; построение анализа на статистических показателях. Однако главным ее недостатком является сложность применения, непрозрачность определения показателей, составляющих инвестиционный потенциал и риски, а также отсутствие возможности применять ее для анализа конкретной локальной территории.

С целью представления и научного обоснования инвестиционных процессов и их зависимости от внешних и внутренних факторов заведующим сектором региональных финансов и бюджетной налоговой политики Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН Н.И. Климовой был разработан методический подход к оценке инвестиционной привлекательности (учитывая локальный уровень), включающий в себя исследование ресурсного, инфраструктурного и институционального потенциала (это учитывается и в работах О. Лосевой). Сведение показателей статистических индикаторов на основе алгоритма вычислений, описывающих данные категории, в единый интегральный показатель позволяет охарактеризовать инвестиционный потенциал как результат их агрегированного воздействия на инвестиционную составляющую ВРП [39].

И.И. Матвиенко, Л.А. Чижова, А.Г. Тутыгин разработали методику определения инвестиционной привлекательности муници-

пальных образований с учетом специфики региона. С одной стороны, методика позволяет определить инвестиционную привлекательность путем оценки инвестиционного потенциала и инвестиционного риска муниципальных образований. С другой стороны, она включает в себя позиционную (матричную) и рейтинговую составляющие, что дает возможность объективно оценить положение каждого конкретного муниципального образования относительно его уровня инвестиционного потенциала и инвестиционного риска, а также выявить стратегические направления. В целом авторы определяют конкретные виды факторов и показателей, но проведение анализа влияния инвестиционной привлекательности для целесообразности реализации конкретного нацпроекта с оценкой эффекта для локальных территорий не представлено, что в итоге не позволяет в полной мере оценить все особенности для муниципальных образований [40].

В исследовании Е.Е. Емельяновой на основе теоретических и практических разработок предложена усовершенствованная модель оценки инвестиционной привлекательности, адаптированная для применения на муниципальном уровне. Предложенный подход включает оценку инвестиционной привлекательности на основе учета инвестиционного потенциала и инвестиционной активности, которая в свою очередь включает активность инвесторов и органов власти по участию и созданию условий для инвестиционной деятельности. В целом разработанная методика позволяет провести оценку инвестиционной привлекательности на локальном уровне. Однако предлагаемый состав учитываемых индикаторов слишком узкий и не позволяет всесторонне оценить условия, необходимые для полноценного анализа инвестиционной привлекательности локальных территорий [41].

В работе «Управление инвестиционной привлекательностью на муниципальном уровне» при определении инвестиционной привлекательности муниципальных образований особый акцент делается на учете коммерческих интересов инвестора (доходность

вложенного капитала и риски). Для оценки инвестиционной привлекательности предлагается использовать модель, включающую две составляющие: экономическую составляющую, которая оценивает доходность инвестируемых средств; рисковую составляющую, которая оценивает совокупный риск, связанный с вложением средств в муниципальное образование. В зависимости от объекта применения разработанный подход может быть использован для оценки инвестиционной активности в муниципальных образованиях. В то же время для проведения комплексного анализа инвестиционной привлекательности локальных территорий этого недостаточно [42].

В исследовании О.Б. Казаковой рассматривается подход к оценке инвестиционной привлекательности на муниципальном уровне. Предлагаемый инструментарий оценки основан на доходно-рисковых параметрах. Они включают в себя определение диагностики состояния инвестиционного процесса, исходя из эффективности использования инвестиций (определяемой на основе мультипликатора инвестиций) и функциональной направленности инвестиционного процесса (определяемой на основе акселератора инвестиций). Кроме того, приведен перечень показателей, обосновывающий возможность оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований, который включает объем инвестиций в основной капитал, используемый в расчетах, с корректировкой на индекс-дефлятор инвестиций; объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами с учетом отраслевой структуры производства [43]. С одной стороны, рассматриваемый подход достаточно полно позволяет показать анализ инвестиционных процессов, происходящих на локальных территориях, но при этом сама суть инвестиционной привлекательности остается слабоотраженной.

Для определения инвестиционной привлекательности муниципальных образований В.С. Панасейкина использует подход, учитывающий общеизвестные экономи-

ческие модели (степень конкретизации и взаимосвязь элементов). Автор обосновывает подход сравнительной выгодностью для анализа различных альтернатив инвестирования при накладываемых ограничениях. В основу подхода ложатся частные уровни инвестиционного потенциала и инвестиционного риска, которые включают интегральный инвестиционный потенциал и риск, инвестиционную активность. Следовательно, методика позволяет дать оценку инвестиционной активности и количественным параметрам риска в инвестиционной деятельности на локальном уровне. Вместе с тем для оценки инвестиционной привлекательности требуется и учет показателей для более детального анализа локальных территорий [44].

В.И. Тиняковой, Н.А. Черкуновой в исследовании разработана методика оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований. Этот подход включает формирование и учет рейтинговых значений. В состав положений данного подхода входят следующие элементы: определение текущего рейтинга (от подготовки данных до присвоения частных рейтинговых оценок муниципальным образованиям в соответствии с построенной моделью и идентификаторами финальной рейтинговой отметки текущей инвестиционной привлекательности); определение риск-предикторной составляющей (от прогнозирования показателей, характеризующих инвестиционную привлекательность, до рейтинговой оценки по максимальной вероятности); анализ ожидаемых переходов (скачков) в финальных рейтинговых оценках. В целом разработанный подход повышает значимость использования и применения рейтингов при оценке инвестиционной привлекательности локальных территорий. При этом он не показывает содержательно основные моменты, которые могут оказывать влияние на инвестиционную привлекательность и иметь особое значение для локальных территорий [45].

Таким образом, можно отметить, что в представленных подходах к оценке инве-

стиционной привлекательности на разных уровнях (страновом, региональном, муниципальном) имеются различные соотношения характеристик инвестиционной проблематики по принципу нарастания от степени оценки активности фирмы до анализа процессов, которые явно затрагивают локальные территории. Во-первых, это является одним из первичных элементов в качестве ресурсов региона в целом. Во-вторых, инвестиционная привлекательность территории имеет конкретное экономическое значение и привязку к локализации на местности для конкретного инвестора. В-третьих, за основу берется учет инвестиций и инфраструктурных особенностей, который строится из анализа самой территории, включая и возможности на локальном уровне.

Проанализировав существующие методики оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона, проведем их сравнительную характеристику (табл. 2). Подходы к оценке различаются по содержанию и применению, но при этом отражают ее основную суть.

Сравнительная характеристика методик показала, что оценка инвестиционной привлекательности локальной территории региона представляет собой сложную задачу. Различия в понимании сущности инвестиционной привлекательности порождают большое разнообразие в подходах к ее оценке. Стремление к ее количественному определению приводит к тому, что подход становится излишне формализованным, из виду упускаются многие важные качественные характеристики (экономической деятельности). Одновременно с этим разные авторы используют различные критерии (количественные) для определения инвестиционной привлекательности, что приводит к значительным расхождениям в оценке одного и того же процесса. В связи с этим вопрос определения и оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона в экономической науке остается открытым.

Результаты исследования

Для оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона целесообразно использовать совокупность комплексных и специфичных показателей, что требует широких научных изысканий по отбору, обоснованию и использованию системы обобщающих показателей. При разработке методики оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона мы основываемся на положениях рискоориентированного и структурно-приоритетного подходов. Из первого мы принимаем во внимание необходимость учета бизнес-рисков для компании, а из второго за основу берется учет приоритетов государственной политики в части инвестирования.

Методика основывается на интегральном подходе к оценке инвестиционной привлекательности локальной территории региона, в рамках которого предполагается использовать интегральный показатель и систему индикаторов, учитывающих факторы воздействия на инвестиционную привлекательность локальных территорий региона, состоящую из четырех блоков: привлекательность рынка, инфраструктурная привлекательность, труд и ресурсные возможности, безопасность инвестиционных решений, учитывающих факторы (табл. 3).

В рамках первого этапа обосновываются индикаторы системы оценки и выделяются их особенности.

1. Привлекательность рынка. Характеризует совокупный результат хозяйственной деятельности предпринимательских структур и населения муниципального образования. Чем выше показатели привлекательности рынка муниципального образования, тем более привлекательна территория для потенциальных инвестиционных проектов.

2. Инфраструктурная привлекательность. Определяет основную совокупность инфраструктурных возможностей, расположенных на территории муниципального образования, которые могут быть вовлечены в инвестиционный процесс. Степень напряженности экологической ситуации в муниципальном образовании.

Таблица 2. Сравнительная характеристика методических подходов к оценке инвестиционной привлекательности территории*

Подход / уровень оценки	Основная задача	Простота методики расчетов	Учет количественных (1) и (или) качественных (2) показателей	Доступность исходных данных для исследования
Комплексный (подход к оценке)				
A. Raszkowski (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности на микроуровне	+/-	+	+/-
Комплексно-балльный				
Индекс BERI (С)	Оценка инвестиционной составляющей через экономические характеристики	-	+/-	+/-
В.И. Тинякова, Н.А. Черкунова (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности			
Экспертно-балльный				
Гарвардская школа бизнеса (С)	Оценка инвестиционных процессов	-	+/-	+/-
Экспертная оценка				
О. Лосева, М. Федотова (Р)	Оценка инвестиционной привлекательности в регионах	-	+/-	+/-
Moody's (Р)	Оценка инвестиции	-	+/-	-
С экономической позиции				
Д.В. Завьялов, Н.С. Киреева (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности на микроуровне	-	+/-	+/-
А.А. Агеенко (Р)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+	+/-
В.Е. Литвинова (Р)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+	+/-
Euromoney (С)	Оценка инвестиционной характеристики территории	-	+/-	-
Банк Азии (Р)	Оценка инвестиционного климата	-	+	+/-
Standard and Poor's (Р)	Оценка инвестиционного процесса	-	+/-	-
И.А. Бланк (Р)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+/-	-
И.И. Матвиенко, Л.А. Чижова, А.Г. Тутыгин (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+/-	-
Е.Е. Емельянова (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности	-	+/-	-
О.Б. Казакова (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+/-	-
С позиции сущностного содержания				
М. Chisholm (С)	Оценка инвестиционной привлекательности территории (местности)			
Ю. Емельянова, Ю. Леонова (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности на мезоуровне	-	+/-	+/-
М. Палкина, П. Кислицина (Р)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+	+/-
О.П. Овчинникова, Е.Е. Чурилова (С)	Оценка развития инвестиционных процессов	-	+/-	+/-
М.С. Абрашкин, Л.А. Шмелева (Р)	Оценка инвестиционного развития	-	+/-	+/-
РА «Эксперт» (Р)	Оценка инвестиционной характеристики территории	-	+/-	+/-
РАН совместно с СОПС (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+/-	+/-
В.Х. Секреков (Р)	Оценка инвестиционной привлекательности	+/-	+/-	+/-
Н.И. Климова (УФИЦ РАН) (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности	-	+/-	+/-
Л.С. Валинурова (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности	-	+/-	-
В.С. Панасейкина (Л)	Оценка инвестиционной привлекательности	-	+/-	+/-
* Критерии оценки: «+» – полностью соответствует; «+/-» – соответствует наполовину; «-» – не соответствует; С – страна; Р – регион; Л – локальная территория. Составлено по: [13–45].				

Таблица 3. Система показателей оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона

№	Уровень оценки	Индикаторы оценки
1	Привлекательность рынка	Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека
		Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)
2	Инфраструктурная привлекательность	Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения
		Количество предприятий по утилизации и переработке бытовых и промышленных отходов
		Количество автозаправочных станций (АЗС), расположенных на автомобильных дорогах общего пользования местного значения
3	Труд и ресурсные возможности	Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей)
		Уровень образования населения на 1000 человек в возрасте 15 лет и более (высшее профессиональное)
		Уровень образования населения на 1000 человек в возрасте 15 лет и более (среднее профессиональное)
4	Безопасность инвестиционных решений	Удельный вес убыточных организаций, %
		Финансовый результат прибыльных организаций, тыс. руб.
		Соотношение суммы прибыли и суммы убытка организации в среднем на одну организацию

Источник: составлено автором.

3. Труд и ресурсные возможности. Определяет потенциальные возможности муниципального образования в использовании человеческих ресурсов. Предопределяет возможности динамичного развития локальной территории региона. Способность трудовых ресурсов квалифицированно обеспечить трудовой процесс.

4. Безопасность инвестиционных решений. Позволяет определить степень развития рыночной экономики, в том числе малого бизнеса, обеспечивающего условия для деловой активности субъектов инвестиционной деятельности муниципального образования. Негативные тенденции в финансово-экономическом развитии муниципального образования.

На втором этапе проводится работа по формированию базы данных для подготовки к проведению анализа инвестиционной привлекательности локальной территории региона, которая состоит из следующих шагов:

- 1) сбор показателей для оценки;
- 2) вычисление неполных и дублирующихся показателей;

3) определение базовых показателей;

4) группировка индикаторов;

5) перевод показателей в соразмерные (по величине), разделяя при необходимости на базовые (главные);

6) перевод показателей в относительные, разделяя на максимальное значение;

7) суммирование показателей внутри индикаторов первого порядка;

8) суммирование значимости и суммирование рисков внутри каждого муниципального образования.

На следующем этапе осуществляется работа с базой данных, позволяющая привести показатели в тот вид, который необходим для применения разработанной методики:

1) определение перечня индикаторов первого порядка с группировкой по значимости;

2) обработка базы данных (исключение показателей с неполными данными);

3) отнесение показателей к индикаторам первого уровня;

4) подготовка списка базовых показателей для расчета соразмерных показателей;

5) разработка соразмерных показателей: выявление показателей, не позволяющих сопоставить показатели разных муниципальных образований.

Для оценки инвестиционной привлекательности необходимо привести значения по каждому показателю внутри группы к сопоставимому виду. Так как увеличение фактора (x_i) влечет за собой рост результирующего показателя, применяется формула 1 (максимальное фактическое значение по показателю является наилучшим):

$$\hat{x}_i = \frac{x_i - x_{\min i}}{x_{\max i} - x_{\min i}}, \quad (1)$$

где:

x_i – значение i -го показателя;

$x_{\max i}$ и $x_{\min i}$ – максимальное и минимальное значение i -го показателя.

На четвертом этапе проводится оценка инвестиционной привлекательности локальных территорий региона, которая позволяет определить уровень их развития в этом процессе с выявлением перспективности и более объективного сравнения муниципальных образований между собой, что в свою очередь влияет на дальнейшее выстраивание правильной инвестиционной политики. Определяем инвестиционную привлекательность локальной территории региона по формуле 2:

$$I_{\text{ин}} = \sqrt{\frac{n_1^2 + n_2^2 + n_3^2 + n_{4\dots}^2 + n_{11}^2}{11}}, \quad (2)$$

где:

$I_{\text{ин}}$ – интегральное значение региона, определяющее степень его использования;

n – комплексные и специфичные показатели оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона.

На пятом этапе определяется значение интегрального показателя по оценочной шкале (табл. 4). Отобранными показателями присваиваются оценочные значения, то есть динамика изучаемого объекта оценивается в соот-

Таблица 4. Оценочная шкала инвестиционной привлекательности локальной территории региона

Границы интегрального значения	Степень инвестиционной привлекательности локальной территории региона
От 0,05 до 0,2	низкая
От 0,2 до 0,4	ниже среднего
От 0,4 до 0,6	средняя
От 0,6 до 0,8	уровень выше среднего
От 0,8 до 1,0	степень максимальна

Составлено по: Montag E.D. Louis Leon Thurstone in Monte Carlo: Creating error bars for the method of paired comparison. Image Quality and System Performance. International Society for Optics and Photonics, 2003, vol. 5294, pp. 222–230.

ветствии с принятой системой оценок, представляющей из себя шкалу, которая содержит перечень индикаторов, учитывающих качественные характеристики. Для определения градации по степени инвестиционной привлекательности локальных территорий в регионе был использован метод равных интервалов, описанный в работах Л. Терстоуна [46]. Установленные граничные интервалы итогового значения рейтинга не зависят от различий применяемых показателей.

Используя группу относительных показателей для оценки инвестиционной привлекательности, в первую очередь можно охарактеризовать динамику и уровень развития с выявлением степени инвестиционной привлекательности локальных территорий, а также сравнивать их между собой. Одним из достоинств разработанной методики является ее комплексность, которая заключается в том, что в ходе оценки учитываются аспекты, связанные как с привлекательностью рынка для потенциальных инвесторов, так и с безопасностью инвестиционных решений для всех субъектов инвестирования.

Разработанный методический инструментарий оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона позволяет определить:

– эффективность механизма реализации инвестиционных решений для целей

социально-экономического развития муниципальных образований, при этом реально произвести оценку инвестиционных возможностей;

- реализацию инвестиционных возможностей, которые возникают, когда в локальной среде происходят изменения;

- прогноз возможных вариантов развития инвестиционной среды, при этом уменьшая уровень влияния негативных факторов;

- четкую взаимосвязь различных видов управления инвестиционной деятельностью на локальной территории: стратегического, тактического (текущего) и оперативного управления, отражая преимущества локальной территории в конкурентном окружении;

- соответствующую политику инвестиционной деятельности в рамках реализации наиболее важных стратегических инвестиционных решений.

Апробация разработанной методики была проведена на локальных территориях Вологодской области. Для того чтобы общая картина по районам оказалась более адекватной, в расчетах и при анализе исключены города Вологда и Череповец как отдельные муниципальные образования, поскольку по объективным причинам по большинству индикаторов, входящих в методику, эти два города имеют значительный отрыв в значениях. Это могло изменить общую карти-

ну. Расчет проводился на данных 2018 года (по индикатору «Количество предприятий по утилизации и переработке бытовых и промышленных отходов» использовались индикаторы за 2016 год, по индикаторам «Уровень образования населения на 1000 человек в возрасте 15 лет и более (высшее профессиональное)», «Уровень образования населения на 1000 человек в возрасте 15 лет и более (среднее профессиональное)» – за 2015 год по причине отсутствия в настоящий момент более актуальных сведений).

Группировка локальных территорий региона по степени инвестиционной привлекательности представлена в *табл. 5*.

Полученные данные свидетельствуют о невысоком уровне инвестиционной привлекательности муниципальных образований Вологодской области. В то же время в целом районы распределились равномерно по уровню, однако ни один из них не вошел в две группы с наивысшим значением инвестиционной привлекательности. Это объясняется тем, что практически вся деловая, экономическая и производственная активность в регионе сконцентрирована в двух самых крупных городах – Вологде и Череповце, которые стягивают к себе все основные ресурсы (в первую очередь кадровые). При этом стоит отметить, что наиболее высокий уровень инвестиционной привле-

Таблица 5. Группировка муниципальных образований Вологодской области по уровню инвестиционной привлекательности (2018 год)

Степень инвестиционной привлекательности локальных территорий региона	Муниципальное образование (значение интегрального индекса)
Низкая	Верховажский (0,15), Харовский (0,17), Никольский (0,18)
Ниже среднего	Сямженский (0,21), Тарногский (0,24), Усть-Кубинский (0,25), Вожегодский (0,25), Бабушкинский (0,38), Вашкинский (0,30), Кадуйский (0,31), Устюженский (0,32), Кирилловский (0,34), Вытегорский (0,36), Междуреченский (0,36), Кичм.-Городецкий (0,39), Нюксенский (0,39)
Средняя	Белозерский (0,41), Тотемский (0,42), Шекснинский (0,44), Великоустюгский (0,45), Бабаевский (0,46), Грязовецкий (0,46), Череповецкий (0,47), Вологодский (0,50), Чагодощенский (0,55), Сокольский (0,60)
Уровень выше среднего	-
Степень максимальна	-
Составлено по: Росстат: офиц. сайт. База данных показателей муниципальных образований. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm ; Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели: стат. сб. Вологда, 2019. 271 с.	

кательности отмечается у тех территорий, по которым проходят основные транспортные коридоры.

Половина муниципалитетов (13 единиц) имеют уровень инвестиционной привлекательности ниже среднего. Максимальное значение индекса наблюдается у Сокольского района, что вполне логично, учитывая, что центр муниципального района, Сокол, является третьим по величине производственным центром области (после Череповца и Вологды). Наименьшие значения привлекательности показали Верховажский, Харовский и Никольский районы, что объясняется их территориальной удаленностью от экономических, производственных и туристских центров области, а также основных транспортных коридоров региона.

Заключение

Следовательно, можно заключить, что при должной заинтересованности органов государственной власти субъектов РФ возможно представление и использование всех отмеченных показателей для целей оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона. По нашему мнению, в таком виде предлагаемый инструментарий оценки инвестиционной привлекательности локальной территории региона может использоваться на практике для более объективного сравнения муниципальных образований между собой и для правильного выстраивания инвестиционной политики.

В исследовании разработана методика оценки инвестиционной привлекательности локальных территорий региона, основанная на индексном подходе, предполагающая использование системы показателей, включающей такие блоки, как «привлекательность рынка», «инфраструктурная привлекательность», «труд и ресурсные возможности», «безопасность инвестиционных решений». Отличительной чертой предлагаемой мето-

дики является использование показателей, характеризующих безопасность инвестиционных решений, учет которой необходим и для органов власти, и для потенциальных инвесторов. При разработке методики учитывались теоретические подходы к определению инвестиционной привлекательности и, в частности, положения рискоориентированного и структурно-приоритетного подходов в части бизнес-рисков для компании и приоритетов государственной политики в направлении инвестирования.

Апробация методики показала, что уровень инвестиционной привлекательности муниципальных образований Вологодской области в целом распределен равномерно, однако не высок. Ни одно из муниципальных образований не обладает уровнем инвестиционной привлекательности выше средних значений. Во многом это связано с географическими, историческими и экономическими особенностями развития Вологодской области, а также тем фактом, что вся деловая активность происходит в двух крупнейших городах региона (Вологде и Череповце).

Результаты представленного исследования вносят вклад в развитие теории и практики региональной экономики в части методических подходов к оценке инвестиционной привлекательности на конкретной территории. Кроме того, они могут быть использованы органами власти и управления на муниципальном и региональном уровне, а также организациями, занимающимися вопросами реализации инвестиционных проектов и привлечения инвестиций, в части решения стратегических задач, касающихся вопросов инвестирования, и для обеспечения их экспертно-аналитической деятельности. В дальнейшей перспективе исследования планируется провести апробацию разработанного методического подхода на примере материалов одного из субъектов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sharpe W.F. *Investors and Markets: Portfolio Choices, Asset Prices, and Investment Advice*. Princeton university press. Princeton, 2011. 232 p.
2. Iamsiraroj S. The foreign direct investment-economic growth nexus. *International Review of Economics & Finance*, 2016, vol. 42, pp. 116–133.
3. Bloom N., Bond S., Van Reenen J. Uncertainty and investment dynamics. *The Review of Economic Studies*, 2007, vol. 74, no. 2, pp. 391–415.
4. Baddeley M. *Investment: Theories and Analyses*. Macmillan international higher education. London, 2017. 258 p.
5. Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке // Финансы: теория и практика. 2014. № 1. С. 139–152.
6. Ивантер В.В. Структурно-инвестиционная составляющая долгосрочной экономической стратегии России // Общество и экономика. 2017. № 8. С. 5–32.
7. Рудакова О.В., Полянин А.В., Кузнецова Л.М. Основные проблемы инвестиционной привлекательности России // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2016. Т. 11. № 2. С. 152–162.
8. Кузьмин В.Н., Чепик Д.А. К вопросу оценки инвестиционной привлекательности региона // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 2. С. 40–43.
9. Беликова С.В. Инвестиционный образ города в концепции градоустройства: методические подходы к анализу // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2013. № 6 (178). С. 46–51.
10. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Чувашаева Э.Р. Методологические основы оценки и обеспечения экономической жизнестойкости локальных территориальных образований // Вестн. Евразийской науки. 2019. Т. 11. № 3. С. 1–9.
11. Корнева Л.И. Особенности территориальной структуры инвестиционных проектов в Ставропольском крае // Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 3. С. 149–160.
12. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
13. Gennaioli N., Ma Y., Shleifer A. Expectations and investment. *NBER Macroeconomics Annual*, 2016, vol. 30, no. 1, pp. 379–431.
14. Chisholm M. *Regions in Recession and Resurgence*. Routledge, 2015. 229 p.
15. Чурилова Е.Е., Овчинникова О.П. Методы оценки инвестиционного климата региона // Междунар. науч.-исслед. журн. 2014. № 9 (28). С. 94–97.
16. Bradshaw M., Swain A. Foreign investment and regional development. In: *East Central Europe and the Former Soviet Union*. Routledge, 2016. Pp. 77–104.
17. Bajraktari N. Investment aspects of regional development. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 551–554.
18. Chakrabarti A. The determinants of foreign direct investments: sensitivity analyses of cross-country regressions. *Kyklos*, 2001, vol. 54, no. 1, pp. 89–114.
19. Oetzel J.M., Bettis R.A., Zenner M. Country risk measures: how risky are they? *Journal of World Business*, 2001, vol. 36, no. 2, pp. 128–145.
20. Gaillard N. The determinants of Moody's sub-sovereign ratings. *International Research Journal of Finance and Economics*, 2009, vol. 31, no. 1, pp. 194–209.
21. White L.J. Markets: the credit rating agencies. *Journal of Economic Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 2, pp. 211–238.

22. Mishra R. Asian infrastructure investment bank: an assessment. *India Quarterly*, 2016, vol. 72, no. 2, pp. 163–176.
23. Hunt T. [et al.]. UK regions and European structural and investment funds. Sheffield political economy research unit. *SPERI British Political Economy Brief*, 2016, no. 24, pp. 1–15.
24. Golaydo I. [et al.]. Evaluation, forecasting and management of the investment potential of the territory. *Journal of Applied Economic Sciences*, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 618–635.
25. Федотова М.А., Лосева О.В. Оценка факторов роста инвестиционной привлекательности регионов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 2 (161). С. 61–70.
26. Шмелева Л.А., Абрашкин М.С. Современные методики оценки инвестиционной привлекательности регионов // Вопросы региональной экономики. 2015. Т. 25. № 4. С. 129–135.
27. Палкина М.В. Особенности реализации инновационной политики на муниципальном уровне // Инновационное развитие экономики. 2016. Т. 2. № 6. С. 57–62.
28. Ambroziak A.A., Hartwell C.A. The impact of investments in special economic zones on regional development: the case of Poland. *Regional Studies*, 2018, vol. 52, no. 10, pp. 1322–1331.
29. Казанцев В.В. Методические подходы к рейтинговой оценке инвестиционной привлекательности регионов // Инновационная наука. 2015. № 12-1. С. 120–122.
30. Агеенко А.А. Методологические подходы к оценке инвестиционной привлекательности отраслей экономики региона и отдельных хозяйствующих субъектов // Вопросы статистики. 2003. № 6. С. 48.
31. Бланк И.А. Основы инвестиционного менеджмента. Эльга: Ника-Центр, 2004. 559 с.
32. Секреков В.Х. Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность регионов Южного федерального округа // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2006. № 3. С. 11–14.
33. Литвинова Е.В. Оценка инвестиционной привлекательности муниципальных образований (на примере Московской области) // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1-1. С. 323–329.
34. Завьялов Д.В., Киреева Н.С. Методы и подходы к оценке инвестиционной привлекательности кластерных структур агропромышленного бизнеса // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7. № 9А. С. 38–49.
35. Губанова Е.С., Москвина О.С. Методические основы оценки инвестиционного потенциала муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 37–51. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.3
36. Alexander L., Eberly J. Investment hollowing out. *IMF Economic Review*, 2018, vol. 66, no. 1, pp. 5–30.
37. Емельянов Ю.С., Леонова Ю.Ю. О показателях оценки инвестиционной привлекательности регионов России // Управленческие науки в современном мире. 2016. Т. 2. № 2. С. 501–506.
38. Гришина И.В., Шахназаров А.Г., Ройзман И.И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Инвестиции в России. 2001. № 4. С. 5–16.
39. Климова Н.И. Инвестиционный потенциал региона. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 276 с.
40. Матвиенко И.И., Чижова Л.А., Тутыгин А.Г. Методика определения инвестиционной привлекательности муниципальных образований региона // Экономика и управление. 2012. № 2 (76). С. 81–87.
41. Емельянова Е.Е. Совершенствование политики привлечения инвестиций на основе модели оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований Севера // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 1–7.

42. Валинурова Л.С. Управление инвестиционной привлекательностью на муниципальном уровне // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник: мат-лы междунар. науч. конф. / под ред. Ю.С. Пивоварова. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 504–507.
43. Казакова О.Б. Методология оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. Екатеринбург, 2016. Т. 2. С. 620–627.
44. Панасейкина В.С. Формирование методики оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Т. 4. № 4. С. 45–54.
45. Тинякова В.И., Черкунова Н.А. Современные подходы к оценке инвестиционной привлекательности муниципальных образований: проблемные аспекты и возможности прикладного развития // Современная экономика: проблемы и решения. 2012. Т. 7. С. 156–165.
46. Montag E.D. Louis Leon Thurstone in Monte Carlo: creating error bars for the method of paired comparison. *Image Quality and System Performance. International Society for Optics and Photonics*, 2003, vol. 5294, pp. 222–230.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николай Олегович Якушев – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nilrus@yandex.ru

Евгений Александрович Мазилев – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eamazilov@mail.ru

Yakushev N.O., Mazilov E.A.

METHODOLOGICAL APPROACH TO ASSESSING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REGION'S LOCAL TERRITORY

Investments in socio-economic development may be called the main basis for the Russian economy. It contributes to business development, and it is a source of regional budget revenues, but it is necessary to assess investments at the local level to understand the territory's investment attractiveness. However, currently, the attention of authorities and management bodies is primarily focused on an analysis of current investment activities in the region. All of this does not allow solving problems in an area of the region's investment development, which takes into account its attractiveness on a specific territory. In this regard, the purpose of the article is to develop a methodological approach to assessing the investment attractiveness of the region's local territory. The following work was carried out to achieve this goal. Works of many foreign and domestic scientists, which examine investment attractiveness as a subject of research of modern economic theory and practice, are highlighted. The analysis of scientific literature allowed us to identify key approaches to the characterization and assessment of the territory's investment attractiveness. As the result, it was revealed that a local aspect of assessing the territory's investment attractiveness is not so common in the global practice. A comparative characteristics of methods showed that the assessment of investment attractiveness of the region's local territory primarily consists of the usage of quantitative indicators and the rating's application. In addition, differences in the understanding

of the investment attractiveness' essence create a wide variety of approaches to its assessment. The scientific novelty of the research is a developed methodology of assessing investment attractiveness of the region's local territories, based on the index approach. Its distinctive feature is the usage of indicators that characterize the security of investment decisions, which is necessary for authorities and potential investors. The method was tested on materials of the Vologda Oblast. The latter is related to a possibility of solving strategic tasks regarding investment issues and the provision of expert and analytical activities of authorities and management bodies at all levels.

Investment attractiveness, investments, assessment, region, local territory, methodological approach.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai O. Yakushev – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: nilrus@yandex.ru

Evgenii A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director for Science, Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eamazilov@mail.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6

УДК 314.4:616.89:614.4:159.9.072 | ББК 60.524+88.5+51.9

© Шматова Ю.Е.

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ (КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА): ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ШМАТОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ueshmatova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1881-0963; ResearcherID: R-1021-2018

Распространение новой коронавирусной инфекции затронуло весь мир. Предпринятые государствами меры принудительной изоляции для предупреждения распространения вируса вызвали многочисленные долгосрочные последствия для физического, психического здоровья населения, качества жизни и человеческого потенциала, а значит и экономики в целом. Зарубежные страны столкнулись с пандемией прежде России, поэтому успели провести исследования различных аспектов воздействия COVID-19 на психическое здоровье и опубликовать их результаты (в основном online). В представленной статье на основе глубокого анализа и обобщения зарубежного опыта автором были определены основные негативные проявления пандемии в сфере психического здоровья (ухудшение настроения, нарушение сна, рост тревожных, депрессивных расстройств, алкоголизма, межличностного насилия, суицидального и избегающего поведения). Изучены и структурированы основные факторы риска неблагоприятных психологических исходов, с их помощью выделены наиболее уязвимые группы (COVID-положительные и члены их семей, душевнобольные, врачи, финансово неблагополучные и безработные, жертвы домашнего насилия, одинокие и пожилые люди). На основании полученных выводов сформулированы основные пути минимизации отрицательного воздействия пандемии: организация единой, интегрированной платформы психологического консультирования; ответственное использование СМИ при освещении вопросов, касающихся пандемии; организация помощи группам риска (в т. ч. удаленно); финансовая поддержка населения в кризисный период; пропаганда здорового образа жизни; смягчение негативного воздействия карантина. Важным направлением для снижения психологического бремени COVID-19 являются научные исследования. Особенно актуальными становятся

Для цитирования: Шматова Ю.Е. Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого потенциала): опыт зарубежных исследований // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 88–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6

For citation: Shmatova Yu.E. Impact of COVID-19 on Mental Health of Population (as an Indicator of Human Potential): Experience of Foreign Studies. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 88–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6

мониторинг показателей тревоги и депрессии, суицидального поведения, факторов и механизмов воздействия пандемии на группы риска, лонгитюдные исследования, в т. ч. групп риска.

COVID-19, психическое здоровье, человеческий потенциал, тревожные и депрессивные расстройства, суицид, психические расстройства, медицинские работники, качество жизни, средства массовой информации, домашнее насилие.

Введение

Главное богатство любой общественной системы – человеческий потенциал, в конечном счете определяющий могущество страны и общества. Эффективное использование и развитие человеческого потенциала и капитала становятся не только критическими условиями для устойчивого развития экономики территорий, но и главными факторами, влияющими на рост благосостояния стран и регионов.

Человеческий потенциал как демографический ресурс определяется не столько количественными, сколько качественными параметрами, к которым относятся, среди прочих, физическое, психическое и социальное здоровье. Психическое здоровье – интеллектуальный и нравственный потенциал общества, основа его эффективного функционирования, в связи с чем его сохранение и укрепление являются стратегически важными условиями стабильности общества, благополучия и прогресса. Особенную значимость эта проблема приобретает в периоды кризиса, в т. ч. вызванного вспышкой новой коронавирусной инфекции.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в январе 2020 года объявила вспышку COVID-19 чрезвычайной ситуацией международного значения в области общественного здравоохранения, а в марте 2020 года – пандемией. Новая коронавирусная инфекция уже разрушила мир по трем направлениям: (1) непосредственно воздействуя на здоровье, (2) на систему здравоохранения и (3) вызывая социально-экономические последствия ответных мер на пандемию [1]. Беспрецедентность COVID-19 заключается не столько в масштабах распространения, сколько в реакции национальных государств на его сдерживание [2].

В условиях эпидемии люди сталкиваются со множеством переживаний. Им тяжело

осознавать, что нет путей быстро исправить ситуацию, вернуться к привычному укладу жизни. Человек чувствует себя бессильным. Значительная часть его внутренних ресурсов уходит на бессознательное самоуспокоение, в результате значительно снижается продуктивность и работоспособность. Особенно остро ощущается недостаток общения и чувство одиночества в результате вынужденной изоляции. Запрет покидать дом для многих людей является очень существенным ограничением и расценивается как покушение на их свободу, вызывая протестные настроения. К тому же в условиях пандемии человек теряет возможность строить долгосрочные планы, что крайне важно для поддержания ощущения благополучия. Нарушается режим дня, сна и отдыха, что негативно влияет на физическое и психическое состояние. Постоянное ощущение готовности реагировать на опасность вызывает нервное напряжение и истощение. Возникающие вследствие потери работы, снижения зарплаты и т. п. материальные трудности провоцируют тревогу, депрессию, ауто- и гетероагрессивное поведение (суицидальные мысли и попытки, межличностное насилие, алкоголизм и другие аддикции).

Основными предикторами ухудшения психического здоровья во время пандемии, по мнению ВОЗ, являются недостаток знаний о новом вирусе, высокая скорость его передачи, серьезная угроза безопасности жизни и отсутствие вакцины; противоречивые, нагнетающие страх сообщения СМИ; острая нехватка средств защиты (даже у медиков), ресурсов для тестирования и лечения; навязывание мер общественного здравоохранения, которые ущемляют личные свободы; большие растущие финансовые потери. Все это способствует широкому распространению

эмоционального расстройства и повышенному риску психических заболеваний, связанных с COVID-19.

Цель нашего исследования – изучение пандемии COVID-19 как фактора ухудшения психического здоровья.

Источником информации стали многочисленные зарубежные статьи и труды ученых из тех стран, которые ранее России столкнулись с пандемией (Китай, США, Великобритания, Италия, Швейцария и др.) и провели исследования в области ее влияния на общественное психическое здоровье.

Задачи работы:

1) определить основные психоэмоциональные последствия пандемии, введенного режима карантина и изоляции;

2) выявить факторы риска негативных психологических исходов при пандемии и наиболее уязвимые группы;

3) определить направления минимизации разрушительного воздействия COVID-19 на психическое здоровье населения;

4) рассмотреть перспективные направления научного исследования данной темы.

Научная новизна представленной работы заключается в обобщении и структурировании зарубежного опыта исследований, касающихся влияния группы коронавирусов на психическое благополучие. Комплексный подход автора к анализу проблемы разрушительного воздействия пандемии COVID-19 на психическое здоровье включает изучение показателей, факторов и групп риска, поиск направлений минимизации воздействия.

Практическая значимость заключается в теоретическом обосновании мер профилактики возможных негативных последствий инфекции для психического здоровья населения. Результатом станет его укрепление, снижение нагрузки на медицинскую сеть, сохранение социальной стабильности в обществе. Полученные выводы о факторах риска и группах-мишенях позволят обосновать структуру дальнейшего социологического исследования указанной проблемы, дополняя и расширяя научные знания.

Основные проявления воздействия пандемии COVID-19 на психическое здоровье

Распространение COVID-19 провоцирует высокое нервное напряжение и общественную панику. Состояние стресса порождает различные реакции. Физиологическая реакция стрессового состояния проявляется в изменениях вегетативной нервной и эндокринной систем: учащается сердцебиение, повышается артериальное давление, растет уровень сахара в крови, нарушаются аппетит, сон, возникают диспепсия, головная боль, боли в теле, эндокринные нарушения и др. В свою очередь гипертония и сахарный диабет являются основными факторами риска тяжелого течения COVID-19 и даже гибели пациентов. Эмоциональная реакция, вызванная стрессом, представляет собой серию сопутствующих эмоциональных переживаний, приводящих людей в негативное эмоциональное состояние, такое как депрессия, тревога, паника, разочарование или страх. В качестве основных поведенческих изменений, вызванных стрессом, можно назвать беспокойство, невнимательность, снижение способности решать проблемы, медлительность действий, частый гнев, чрезмерную дезинфекцию, курение, злоупотребление алкоголем и др. [3].

Вспышка новой коронавирусной инфекции привела к тому, что многие страны сначала попросили самоизолироваться дома или в обсервации людей, потенциально вступивших в контакт с вирусом, а затем все население.

Карантин (итал. *quarantena*, от *quaranta giorni* – сорок дней) – это комплекс ограниченных административных и медико-санитарных мероприятий, проведение которых позволяет предупреждать занос и распространение карантинных (конвенционных) болезней¹. Слово «карантин» впервые было использовано в Венеции в 1127 году в отношении проказы. В XXI веке целые города и деревни попадали под действие карантина, например, в районах Китая и Канады во

¹ Медицинская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD

время вспышки тяжелого острого респираторного синдрома в 2003 году, а во многих западноафриканских странах – во время вспышки Эболы в 2014 году.

Карантин часто является неприятным опытом для тех, кто проходит его. Разлука с близкими, потеря свободы, неопределенность в отношении статуса болезни и скука иногда могут приводить к драматическим последствиям. Люди, помещенные в карантин в качестве «контактных», сообщали о страхе, нервозности, печали, чувстве вины и замешательства [4]. В связи с этим потенциальные преимущества обязательного массового карантина необходимо тщательно взвешивать с учетом возможных психологических издержек [5].

К ожидаемым последствиям карантина (и связанных с ним социальных и физических мер дистанцирования) относятся усиление социальной изоляции и чувства одиночества [6], злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами, азартные игры, домашнее насилие и жестокое обращение с детьми, а также психосоциальные риски (такие как социальная разобщенность, отсутствие смысла или аномия, киберзапугивание и кибермошенничество, финансовый стресс, тяжелая утрата, безработица, бездомность и разрыв отношений) [7–9]. Все это тесно связано с тревогой, депрессией и попытками самоубийства не только в кризисный период, но и на протяжении дальнейшей жизни [10; 11].

Появление COVID-19 похоже на вспышки близкородственных коронавирусов, ответственных за тяжелую эпидемию острого респираторного синдрома в 2003 году и так называемого ближневосточного респираторного синдрома в 2012 году. Хотя клинические проявления этих заболеваний не совпадают, причины заражения, эпидемиологические характеристики и способ быстрой передачи инфекции аналогичны [3]. Стоит ожидать и схожих эмоциональных и поведенческих реакций населения. Так,

вспышка атипичной пневмонии в 2003 году спровоцировала увеличение числа самоубийств среди людей старше 65 лет на 30% [12] (существуют подобные данные о всплеске суицидов после пандемии гриппа в 1918–1920 гг. [13]). Около 50% выздоровевших в 2003 году пациентов оставались тревожными, 29% медицинских работников испытывали эмоциональные расстройства [6; 11]. В то же время те, кто пережил тяжелое и угрожающее жизни заболевание, подвергались риску развития в будущем посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и депрессии [14; 15].

Согласно последнему исследованию [16], общая распространенность среди китайцев в период эпидемии COVID-19 тревожных симптомов составила 35%, депрессивных симптомов – 20%, а плохого качества сна – 18%². При этом данные значительно превышают показатели аналогичного кросс-секционного эпидемиологического обследования, проведенного Huang с коллегами в 2019 году (лишь у 5% взрослых китайцев наблюдались симптомы тревожного расстройства, а у 3,6% – депрессивного [17]).

Группа ученых из Лондона под руководством J.P. Rogers и E. Chesney путем мета-анализа проанализировала 65 рецензируемых исследований и семь препринтов, в которых были включены более 3,5 тыс. случаев различных коронавирусов (в Китае, Гонконге, Южной Корее, Канаде, Саудовской Аравии, Франции, Японии, Сингапуре, Великобритании и США). Время наблюдения за пациентами после болезни варьировалось от 60 дней до 12 лет. Систематический обзор показал, что в период острого заболевания часто встречаются такие симптомы, как спутанность сознания (в среднем у 28% пациентов), подавленное настроение (33%), тревога (36%), нарушенная память (34%), а также бессонница (42%). В постболезненной стадии бессонница обнаружена у 12%, раздражительность – у 13%, депрессивное или тревожное расстрой-

² Опрошено 7236 респондентов с 3 по 17 февраля. Для оценки тревожных симптомов в анкету была включена китайская версия шкалы генерализованного тревожного расстройства-7 (GAD-7), для оценки симптомов депрессии – шкала Центра эпидемиологии депрессии (CES-D) в китайской версии, для оценки качества сна – шкала Питтсбургского индекса качества сна (PSQI).

ство – у 15%, ухудшение памяти и усталость – у 19%, травматические воспоминания – у 30%, симптомы ПТСР – у каждого третьего. Все бывшие пациенты страдали расстройством сна. Несмотря на это, три четверти переболевших смогли вернуться к работе в среднем через три месяца [18].

Примечательно, что после окончания периода карантина многие участники продолжают вести себя таким образом, чтобы избежать его повторения. Более половины сторонятся кашляющих и чихающих, четверть не посещают места скопления людей, а каждый пятый избегает любых общественных мест в течение нескольких недель после карантина [19]. Некоторые участники описывали долгосрочные изменения в поведении после карантинного периода, такие как бдительное мытье рук и избегание толпы, а для некоторых возвращение к нормальной жизни было отложено на многие месяцы.

Еще одна опасность инфекции COVID-19 заключается в ее воздействии на нервную систему человека, что тоже может повлечь за собой проблемы с психическим здоровьем. Упоминаемые нами ранее близкородственные COVID-19 коронавирусы являются биологически нейротропными и клинически нейротоксичными, вызывая неврологические расстройства [20–22]. Эпидемия испанского гриппа 1918–1919 гг. также была связана с резким ростом заболеваемости постэнцефалитическим паркинсонизмом [23].

Сейчас появляются свежие данные и о влиянии новой коронавирусной инфекции на нервную систему человека. Неврологические симптомы инфекции COVID-19 общие, разнообразные и часто тяжелые. В ретроспективном исследовании в Ухане у 36% пациентов наблюдались симптомы расстройства ЦНС, а у подгруппы из 88 пациентов с тяжелыми респираторными заболеваниями значительно увеличилась частота проблем ЦНС (45%) [24], включая головокружение, головную боль, потерю запаха (аносмия), потерю вкуса (агеусия), мышечную боль и слабость, на-

рушение сознания и цереброваскулярные осложнения [6]. Были получены доказательства наличия у пациентов отделения интенсивной терапии с новой коронавирусной инфекцией делирия (65%) и возбуждения (69%). У каждого пятого реанимационного пациента диагностировано измененное сознание (впоследствии они погибли). При выписке каждый третий пациент с COVID-19 имел диссективный синдром (возникающий в результате повреждения головного мозга и включающий когнитивные, поведенческие и эмоциональные реакции). На момент написания статьи зафиксировано два сообщения о гипоксической энцефалопатии и одно о возникшем энцефалите [18].

Итак, можно выделить следующие проявления разрушительного воздействия пандемии на психику человека: различные психоэмоциональные (повышенная тревожность, депрессия, нарушение сна, гнев, раздражительность, симптомы ПТСР), психоневрологические (вследствие воздействия вируса на ЦНС), физиологические, поведенческие реакции (агрессивное поведение, алкоголизм, игромания, суицидальные мысли и попытки), в т. ч. и избегающее поведение. Настораживает тот факт, что все эти реакции возникают не только на период пандемии, но и становятся «долгоиграющим» бременем, растянутым на годы и даже всю жизнь человека, а также могут привести к суициду.

К счастью, не все люди одинаково подвержены возникновению проблем с психическим здоровьем на фоне вспышки новой коронавирусной инфекции. Изучив многочисленные статьи зарубежных исследователей, можно выделить *факторы риска*, приводящие к психологическим последствиям пандемии.

1. Наличие психического расстройства в анамнезе. Лица с уже существующими проблемами психического здоровья относятся к наиболее уязвимой группе [1; 25; 26]. Повышенное чувство тревоги и депрессии у них в ответ на вспышки эпидемий отмечалось в исследованиях ранее [27].

Причины уязвимости душевнобольных в период пандемии следующие.

1. Психические расстройства могут повышать риск развития инфекционных заболеваний, в том числе пневмонии [28].

2. Дискриминация по признаку психического нездоровья способствует большему количеству препятствий в получении своевременной медицинской помощи. Кроме того, сочетанность психического расстройства и COVID-19 делает лечение более трудным и потенциально менее эффективным.

3. Эпидемия COVID-19 обусловила параллельно идущую эпидемию страха, тревоги и депрессии. Люди с психическими расстройствами значительно более подвержены эмоциональным откликам в силу высокой чувствительности к стрессу в сравнении с общей популяцией.

4. Многие люди с психическими расстройствами регулярно посещают амбулаторный прием в целях наблюдения и получения рецептов, что в условиях введенных мер становится практически неосуществимым [28]. Пациенты, стабильно принимающие лекарства, могут пострадать вследствие пропущенных визитов и логистических проблем с поставками [1].

5. Меры, принимаемые для снижения риска распространения вируса (использование защитной одежды и масок), могут непреднамеренно показаться угрожающими пациентам, испытывающим эмоциональное расстройство и имеющим параноидальные мысли, а также затруднять коммуникативные методы работы с данной категорией лиц [29].

6. Стационарные психиатрические учреждения могут быть устаревшими (следовательно, их трудно содержать в чистоте) и плохо снабженными оборудованием и персоналом, необходимыми для сдерживания инфекции.

7. Стремительное увеличение числа случаев заболевания COVID-19 и повышенный спрос на системы здравоохранения может привести к отвлечению ресурсов от пациентов с хроническими заболеваниями, в том числе психическими расстройствами [1].

8. Подавляющее большинство врачей первичной медицинской помощи, работающих с COVID-19, не могут работать с нейрокогнитивными и психическими расстройствами [1].

Мишенями пандемии новой коронавирусной инфекции среди душевнобольных могут стать следующие пациенты. Лица с деменцией и болезнью Альцгеймера зачастую не в состоянии следовать рекомендациям органов общественного здравоохранения (гиgiene рук, закрывание рта и носа при кашле, поддержание физической дистанции и самоизоляции) вследствие апатии или депрессии, потери памяти и некоторых поведенческих симптомов (двигательное возбуждение и блуждание). К тому же люди с деменцией чаще страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями, диабетом и пневмонией [1], что осложняет прогнозы по коронавирусу. Нефармакологические вмешательства в отношении деменции и болезни Альцгеймера включают социальные и физические контакты, которые в условиях изоляции становятся невозможными. Большинство пациентов не имеет возможности пользоваться электронными инструментами и программным обеспечением. Сокращаются и возможности социальной поддержки на дому. Люди с болезнью Альцгеймера относятся к числу лиц с самым высоким риском внутрибольничной инфекции [1].

Следующая группа риска – это люди, находящиеся в суицидальном кризисе. Они могут не обращаться за помощью, опасаясь, что службы перегружены и очные встречи могут поставить их под угрозу заражения [13].

У пациентов с обсессивно-компульсивным расстройством, четверть из которых имеет такой симптом, как навязчивое мытье рук, может еще больше усилиться страх заразиться и негативные эмоциональные переживания.

Также может ухудшиться состояние людей, страдающих паническими атаками и другими тревожными расстройствами. Для тревожных расстройств важна не реальная угроза, а то, как внешние события воспри-

нимаются человеком. Ситуацию ухудшает постоянное обсуждение новостей. Люди в медицинских масках, пустые улицы, опустевшие полки магазинов, постоянное напоминание «сидите дома» и прочие непривычные стимулы увеличивают тревогу.

В период пандемии снижается доступность психиатрической и медико-психологической помощи лицам с психическими расстройствами и одновременно возрастает нуждаемость в ней (из-за массивного воздействия социально-стрессовых факторов). Нетрудно представить, к каким последствиям может привести длительная «самоизоляция» этой категории больных. Сравнение России с Западной Европой и США неуместно, так как телемедицина и телепсихиатрия, развитые за рубежом, остаются в нашей стране в зачаточном состоянии.

В области охраны психического здоровья слишком многое было либо разрушено, либо перестроено в течение многих лет, что сказалось теперь на уязвимых людях. Хотя ситуация с COVID-19 часто описывается как изменившая все, в некоторых случаях она просто акцентировала ранее существовавшие тенденции, включая пренебрежение средств массовой информации (СМИ), общественности и профессионалов к лицам, страдающим психическими заболеваниями, особенно в тяжелых формах [29].

2. Трудовая деятельность в медицинских учреждениях, в непосредственной близости к заболевшим является основным предиктором возникновения психоэмоциональных проблем в период пандемии. На так называемых фронтовых медицинских работников могут влиять страх заражения, нехватка защитного снаряжения, смерть пациентов и коллег, неукомплектованность штата сотрудников, необходимость принимать крайне сложные решения, в т. ч. и с этической точки зрения [4], разлука с семьями, одиночество и физическая усталость. Интенсивность и продолжительность работы медиков в период эпидемий лишают их достаточного времени для отдыха и, как следствие, подвергают повышенному риску хронического стресса. В тяжелых случаях

могут даже возникать симптомы ПТСР, которые в значительной степени коррелируют с плохим сном [16].

Медицинские работники испытывают большую стигматизацию, чувство беспомощности, вины, одиночества, страха, гнева, все чаще демонстрируют избегающее поведение в будущем. У сотрудников больниц спустя 9 дней карантина по поводу SARS (тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС), или так называемой «атипичной пневмонии») в 2002–2003 гг. в Китае были выявлены симптомы острого стрессового расстройства [4]. Они значительно чаще сообщали об истощении, отстраненности от других, беспокойстве при общении с лихорадочными пациентами, раздражительности, бессоннице, плохой концентрации внимания и нерешительности, ухудшении производительности труда, желании уволиться [30]. Ряд исследований после вспышки ТОРС доказывает длительность негативных последствий карантина для психического здоровья медиков. Так, даже спустя три года после карантина и работы в условиях пандемии у данной группы были обнаружены симптомы посттравматического стресса [31], высоких депрессивных симптомов [32] и алкогольной зависимости [33].

Yeen Huang и Ning Zhao в период вспышки новой коронавирусной инфекции провели опрос более 7 тыс. жителей Китая, стремясь выявить наиболее уязвимые с точки зрения психологического благополучия группы. Согласно его результатам более остальных подвержены психологическому воздействию пандемии именно медицинские работники (симптомы тревожного расстройства выявлены у 36%, депрессивного – у 20%, плохого сна – у 24%) [16]. Исследование 1563 чел. медицинского персонала крупной университетской больницы (Гуанчжоу, Китай) в 2020 году показало, что среди опрошенных распространенность депрессии составила 51%, тревожности – 45%, бессонницы – 36%, сопутствующих стрессу симптомов – 74% [34].

В целом по различным данным симптомы депрессии в период эпидемических

вспышек испытывали от 9 до 51% медицинских работников, тревоги – 15–45%, нарушений сна – 8–36%, чрезмерного воздействия стресса 7–72%, ПТСР – 8–50%³. В итоге более 36% медицинского персонала имели подпороговые нарушения психического здоровья, 34,4% – легкие, 22,4% – умеренные, 6,2% – серьезные нарушения.

В свою очередь негативные эмоции, испытываемые сотрудниками, лечащими инфицированных, оцениваются ими как триггерные события, которые влекут ошибки и задержки в оказании помощи пациентам [35].

3. Финансовые потери во время пандемии вследствие введенной самоизоляции и карантина создают серьезные социально-экономические предпосылки для развития симптомов психологических расстройств, гнева и тревоги не только в данный период, но и спустя несколько месяцев [4].

Потеря работы, повлекшая финансовые трудности, является общепризнанным фактором риска самоубийств. Carlos Nordt и его коллеги (г. Цюрих, Швейцария) провели масштабное исследование статистических данных в 63 странах и выяснили, что риск самоубийств был повышен на 20–30% вследствие безработицы в 2010–2011 гг. (после экономического кризиса 2008 года) [36]. Они же рассчитали, что вследствие пандемии нового коронавируса сокращение рабочих мест составит от 5,3 млн (оптимистичный сценарий) до 24,7 млн (пессимистичный сценарий). Уровень безработицы в мире увеличится с 4,9 до 5,6%, что будет связано с возрастанием числа самоубийств на 9570 в год [37, с. 389]. Учитывая, что, по данным ВОЗ, каждое самоубийство в популяции сопровождается более чем 20 попытками, можно ожидать возрастания нагрузки на службы психического здоровья. Причем данные экономического кризиса 2008 года показали, что рост числа самоубийств предшествовал фактическому росту уровня безработицы [36].

4. Недостоверная информация и повышенное внимание к ней значительно усиливают негативное воздействие пандемии COVID-19 на психику людей.

Во время кризиса здравоохранения в период эпидемической вспышки новой инфекции (когда значительно возрастает нагрузка на систему здравоохранения, ощущается нехватка специалистов, лекарств, средств защиты) общественность зависит от средств массовой информации (СМИ), которые передают точную и актуальную информацию для принятия обоснованных решений относительно защитного поведения в отношении здоровья [38]. Люди склонны формировать точное восприятие риска, когда факты известны [39]. В отсутствие информации двусмысленность может привести к повышенной оценке угрозы. Когда официальные обновления информации в контексте вспышки болезни (например, H1N1) или терактов по каким-либо причинам не предоставлены, слухи распространяются вместе с психологическим дистрессом [40; 41]. Эти явления особенно актуальны для COVID-19, поскольку люди склонны воспринимать новые вирусные угрозы как более высокий риск по сравнению с более распространенными, такими как грипп [42].

Многие граждане во время вспышки коронавируса ссылались на некачественную информацию, полученную от органов общественного здравоохранения, как на источник стресса, сообщали о недостаточно четких руководящих принципах в отношении принимаемых мер и путанице в отношении цели карантина [4].

Многие исследования подчеркивают взаимосвязь между реакциями людей на событие и массивностью воздействия СМИ. Увеличение часов телевизионного воздействия в течение нескольких дней после кризисного события провоцировало развитие симптомов ПТСР и новых сердечно-сосудистых заболеваний в течение 2–3 последующих лет (после террористических атак

³ Рекомендации для медицинских работников, находящихся в условиях повышенных психоэмоциональных нагрузок в период пандемии COVID-19. М., 2020. URL: https://edu.rosminzdrav.ru/fileadmin/user_upload/specialists/COVID-19/dop-materials/13-5-20/Rekomendacii_dlja_medrabotnikov.pdf

11 сентября в США [43; 44]), рост уровня стресса (после взрывов в Бостоне, в сравнении с непосредственно пострадавшими от взрывов [45; 46]), усиление страха и повышение риска самоубийства [38].

Чрезмерное внимание к эпидемиологической информации во время вспышки может нанести вред психическому здоровью человека, особенно в группах высокого риска [16]. Исследование лиц, имеющих симптомы дисфункциональной тревоги в период вспышки новой коронавирусной инфекции, показало, что каждый пятый из них проводил за просмотром новостей 3–5 часов ежедневно, четверть – 5–7 часов, еще 20% – более 7 часов. При этом более двух третей (68%) опрошенных никогда ранее не страдали от тревоги и не обращались за ее лечением [47].

Социальные сети также могут быть источником быстро распространяемой дезинформации, усиливая чувство опасности. Тревога и неуверенность, в свою очередь, могут привести к дополнительному потреблению СМИ и дальнейшему страданию, создавая порочный замкнутый круг. Дистресс, подпитываемый СМИ, может способствовать поведению, негативно влияющему на систему здравоохранения (например, рост обращений и посещений отделений неотложной помощи) [6]. Поэтому ВОЗ предупреждает⁴, что постоянный поток новостей о вспышке болезни может вызвать у любого человека чувство тревоги и рекомендует населению запрашивать обновленную информацию в определенное время в течение дня у специалистов здравоохранения и избегать слухов.

5. Вынужденная изоляция в период пандемии COVID-19, материальные трудности, злоупотребление алкоголем становятся причиной возросшего числа случаев **домашнего насилия**, что влечет угрозу не только физическому, но и психическому здоровью. ООН

признала этот факт⁵. Люди в замкнутом пространстве вымещают тревогу и раздражение на своих близких, прежде всего на женщинах, детях и стариках. Так, в китайской провинции Хубэй число обращений в полицию по поводу межличностного насилия дома за время карантина выросло втрое, а во Франции только за неделю изоляции число случаев домашнего насилия увеличилось на треть. В Австралии люди стали вводить в поисковой строке Google запрос «что делать в ситуации домашнего насилия» на 75% чаще, в Бразилии – на 50%. В Дании, Испании, на Кипре женщины тоже начали чаще обращаться за помощью⁶. Бытовое насилие и потребление алкоголя значительно повышают риски суицида [13].

6. Данные о **социально-демографических факторах**, способствующих ухудшению психического здоровья, оказываются довольно противоречивыми в зависимости от используемых методик оценки психологического состояния человека. Ряд исследователей полагает, что повышают риск более молодой возраст, женский пол, наличие одного ребенка (напротив, наличие более трех детей увеличивает психологическую устойчивость) [48]. Во время распространения новой коронавирусной инфекции в Китае среди молодежи до 35 лет уровень психоэмоциональных расстройств (тревога – у 38%, депрессия – у 22%, плохой сон – у 18%) оказался выше, чем у более старшего поколения [16]. Y. Wang и коллеги, напротив, обнаружили повышенный риск тревожности у людей старше 40 лет (на 40% выше, чем у более молодых), у женщин – в три раза выше, чем у мужчин⁷ [3]. Симптомы посттравматического стресса среди помещенных в карантин детей выше в четыре раза, у родителей – в 4,5 раза, чем у тех, кто не был принудительно изолирован [49]. Однако в большинстве исследований не выявлена корреляция

⁴ Психическое здоровье и психосоциальные соображения во время вспышки COVID-19. 18 марта 2020 года. Информационное сообщение ВОЗ. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/mental-health-considerations.pdf?sfvrsn=6d3578af_10&ua=1

⁵ URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus>

⁶ URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52184701>

⁷ Опрошено 600 респондентов в период с 6 по 9 февраля. В анкету включены шкалы Самооценочной тревожности (SAS) и Самооценочной депрессии (SDS), разработанные Зунгом.

неблагоприятных психологических исходов пандемии с полом и возрастом.

Отмечено, что показатели депрессии коррелируют с уровнем образования и профессией. Так, у магистров риск возникновения симптомов депрессивного расстройства на 40% больше, чем у бакалавров, а у специалистов и профессионалов – на 30% выше, чем у представителей рабочих специальностей и сферы услуг [3].

7. Дополнительными стрессорами при карантине, усугубляющими душевное благополучие граждан, могут стать следующие аспекты. Длительность карантина усиливает риски психических проблем, в частности провоцируя симптомы посттравматического стресса, избегающего поведения и гнева. Страх заражения своих родных и переживание собственных симптомов, схожих с COVID, у участников карантина значительно выше даже спустя несколько месяцев. Замкнутость, утрата привычного распорядка дня, разрушение социальных связей часто вызывали скуку, разочарование и чувство изоляции от остального мира, что очень огорчало участников. Недостаточные запасы основных предметов снабжения (например, еды, воды, одежды) во время карантина были источником разочарования, ассоциировались с тревогой и гневом даже спустя 4–6 месяцев после его окончания [4]. Неспособность получить регулярную медицинскую помощь и рецепты для многих также оказалась проблемой. Стигматизация людей, помещенных на карантин, провоцирует неблагоприятные психологические исходы. К таким людям относятся со страхом и подозрением, делают им критические замечания. В зарубежных и отечественных СМИ не раз мелькали сообщения о травле зараженных, попытках физической расправы над ними. Вышеперечисленное повышает риск самоубийства [13].

Дополнительным источником стресса на фоне пандемии в РФ стал перевод школ на новый для отечественной педагогической практики формат дистанционного обучения, затронувший школьников, их роди-

телей, студентов и педагогов, вызвавший волну негодования и нервного напряжения. Некоторые дети, оказавшись дома без присмотра вынужденных работать родителей и без наблюдения педагогов, были предоставлены сами себе. Все это, а также изменения и разрушение социальных сетей в период самоизоляции, повышает риск злоупотребления психоактивными веществами, азартными и компьютерными играми. Ряд авторов отмечает возрастающие проблемы психического здоровья в детском и подростковом возрасте на фоне распространения COVID-19 [13; 50; 51].

Хотя пандемия коронавирусной болезни 2019 года затрагивает все население, отдельные его слои будут испытывать ее воздействие по-разному. Учитывая рассмотренные нами факторы повышенного риска, можно выделить основные наиболее **уязвимые к психосоциальным последствиям пандемии группы**:

- заразившиеся COVID-19 и их семьи, находящиеся на карантине: большинство пациентов выздоравливают, не испытывая психических нарушений, но клиницисты должны быть осведомлены о возможности возникновения депрессии, тревоги, усталости, ПТСР и более редких нервно-психических синдромов в долгосрочной перспективе (они могут возникнуть вследствие прямого воздействия вируса на ЦНС либо опосредованно через иммунный ответ или медикаментозную терапию) [18];

- медицинские работники, оказывающие помощь инфицированным;

- люди с ранее существовавшими психиатрическими проблемами (в т. ч. аддикциями);

- жертвы домашнего насилия;

- люди с низким уровнем дохода, финансовой нестабильностью, безработные;

- одинокие, в т. ч. пожилые люди; последние особенно подвержены чувству одиночества вследствие изоляции и так называемого «цифрового разрыва»;

- социально изолированные группы населения, включая заключенных, бездомных и беженцев.

Таким образом, мы изучили факторы и группы риска развития неблагоприятных психологических исходов при вспышке новой коронавирусной инфекции. Проанализировав исследования о *пути сохранения психического здоровья* в условиях пандемии, предлагаем комплекс наиболее значимых из них, по мнению автора.

1. Национальные организации общественного здравоохранения должны **создать официальную, интегрированную, единую платформу консультирования** по вопросам психического здоровья для оказания психологической помощи нуждающимся людям в период пандемии [16]. Предоставление психологических консультаций возможно посредством электронных устройств и приложений.

Китай, не в первый раз пострадавший от эпидемии и ощутивший ее неблагоприятные психологические исходы, имеет свои наработки в области сохранения психического здоровья населения в кризисные периоды. Во время вспышки COVID-19 Национальная комиссия здравоохранения Китая выпустила Руководство по экстренному психологическому кризисному вмешательству для людей, пострадавших от COVID-19⁸. Были сформулированы принципы экстренных психологических вмешательств (на основе опыта вспышки атипичной пневмонии в 2003 году) и рекомендовано оказывать психиатрическую помощь инфицированным пациентам, медицинским работникам, ухаживающим за ними, близко контактирующим, предполагаемым пациентам, изолированным дома, а также семьям и друзьям пострадавших людей [52]. Так, специалисты в области психического здоровья ежедневно предоставляют населению бесплатные 24-часовые услуги, в том числе онлайн-когнитивную поведенческую терапию депрессии, тревоги и бессонницы (посредством WeChat). Лица, подверженные риску самоубийства, вычисля-

ются волонтерами путем мониторинга и анализа сообщений, размещенных на сайте Weibo, и получают квалифицированную помощь [34]. Некоторые страны Запада (например, Великобритания и США) также установили процедуры психологических кризисных вмешательств для борьбы с чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения [27]. Однако общее планирование, по мнению большинства исследователей, не является адекватным. Не существует авторитетной организации для развертывания и планирования мероприятий по психологическому вмешательству в различных регионах и подчиненных департаментах [53].

Поставщики медицинских услуг играют важную роль в решении эмоциональных проблем в рамках ответных мер на пандемию. Медицинские работники могут предлагать пациентам рекомендации по управлению стрессом и преодолению его последствий, связывать пациентов с социальными службами и службами психического здоровья [54]. Учитывая, что большинство случаев заболевания COVID-19 будет выявляться и лечиться в медицинских учреждениях работниками, практически не прошедшими подготовку в области психического здоровья, крайне важно, чтобы в этих учреждениях проводилась оценка и вмешательство в связи с психосоциальными проблемами. В идеале **интеграция служб психического здоровья в систему оказания помощи по линии COVID-19** должна решаться на организационном уровне посредством государственного и местного планирования [54]. Руководителям здравоохранения ВОЗ рекомендует⁹ направить в учреждения, где лечат зараженных коронавирусом, соответствующий обученный и квалифицированный персонал с целью управления неотложными психическими расстройствами и неврологическими жалобами (например, бред, психоз,

⁸ National Health Commission of China. A notice on the issuance of guidelines for emergency psychological crisis intervention in pneumonia for novel coronavirus infections. URL: <http://www.nhc.gov.cn/xcs/zhengcwj/202001/6adc08b966594253b2b791be5c3b9467.shtml>

⁹ Психическое здоровье и психосоциальные соображения во время вспышки COVID-19. 18 марта 2020 года. Информационное сообщение ВОЗ. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/mental-health-considerations.pdf?sfvrsn=6d3578af_10&ua=1

сильная тревога или депрессия) в условиях пандемии. Нужно обеспечить доступность основных непатентованных психотропных препаратов на всех уровнях медицинского обслуживания.

2. Необходимо **разработать стратегию обоснованной политики СМИ в отношении сообщений о пандемии**, т. к. вводящая в заблуждение информация неизбежно приводит к панике и депрессии [3].

Крайне важно решить и проблему влияния повторного потребления СМИ о COVID-19, чтобы помочь людям оставаться информированными с помощью авторитетных источников, а также предотвращать чрезмерное воздействие и смягчать эффект просмотра травматического контента [54; 55]. Медиапрофессионалы должны следить за тем, чтобы репортажи следовали за существующими событиями, и давать конкретные рекомендации. Психологический стресс, вызванный воздействием СМИ, не только приводит к непосредственным страданиям населения, уже столкнувшегося с беспрецедентными социальными и экономическими последствиями, но и влияет на физическое и психическое здоровье с течением времени [56].

Агентства по управлению чрезвычайными ситуациями, как правило, недостаточно используют социальные сети в качестве источника информации о рисках [38]. Стратегическое их использование (например, хэштеги) может быть эффективным способом донести точную информацию до общественности во время кризиса [57]. Новые СМИ, такие как Apple updates, Twitter, Instagram, (отечественные Telegram, VKontakte), могут с меньшей вероятностью подвергать людей воздействию графических изображений [41] и сенсаций. Однако и в социальных сетях может распространяться дезинформация, усиливая воспринимаемый риск и страх [58], что делает обязательным их ответственное использование.

Возросший риск суицидов на фоне пандемии также должен очень аккуратно затрагиваться в СМИ, для того чтобы снизить вероятность эффекта Вертера и не допу-

стить всплеска самоубийств (их число после освещения этой темы в СМИ может вырасти на 13% [59]).

3. Отдельного внимания заслуживают **мероприятия, направленные непосредственно на уязвимые группы**. Необходимо определить наилучшие способы получения психологической помощи для них, включая онлайн-клиники и общественную поддержку.

Одной из самых уязвимых групп являются душевнобольные люди. В период пандемии им рекомендуется найти способ дистанционной коммуникации с врачом на случай режима изоляции, карантина или госпитализации, иметь запас необходимых лекарств на 1–2 месяца вперед, не бояться обращаться за помощью к близким и друзьям (в т. ч. в социальных сетях), реже смотреть новости о коронавирусе [11].

В Китае существует несколько видов онлайн-игр в области психического здоровья, которые широко применялись для нуждающихся во время вспышки болезни [34]. Психотерапевтические услуги продвигаются в интернете гораздо быстрее. Однако не стоит забывать, что, хотя телемедицина может быть полезна уже состоявшимся пациентам, ее применение к новым заболевшим менее перспективно. Дистанционные сеансы для некоторых видов психотерапии подходят больше, для других – меньше [52].

В период пандемии зарубежные и отечественные психиатрические и наркологические учреждения были защищены от перепрофилирования под лечение больных новой коронавирусной инфекцией. Однако в их работе также произошли изменения с целью предотвратить распространение COVID-19: часть амбулаторных отделений второго и третьего уровней (по лечению перинатальной депрессии, расстройства пищевого поведения, гериатрической психиатрии, взрослого аутизма) были временно закрыты, их работа переведена в режим телефонных звонков и видеоконференций. Лекарства выписывались на двухнедельной основе. Усиленное внимание оказывалось лицам с тяжелыми психическими расстрой-

ствами, подверженным повышенному риску тяжелых исходов COVID-19 (включая лиц с сопутствующей артериальной гипертензией, диабетом, хронической обструктивной болезнью легких и ишемической болезнью сердца) [52; 60].

В период пандемии необходимо быстро обеспечить мероприятия по содействию психическому благополучию фронтовых медицинских работников, которые особенно уязвимы к эмоциональному стрессу. Профилактические мероприятия, такие как скрининг на наличие проблем с психическим здоровьем, психообразование и психосоциальная поддержка, должны быть сосредоточены на этих и других группах риска неблагоприятных психосоциальных исходов [54]. Очень важно, чтобы медицинские работники, находящиеся на карантине, чувствовали поддержку своих ближайших коллег. Это способствует сохранению их психического здоровья [4]. ВОЗ рекомендует¹⁰ медработникам оставаться на связи с близкими, в том числе с помощью цифровых методов.

Другой уязвимой в плане психического здоровья в период карантина и изоляции группой являются жертвы домашнего насилия. Крайне важно определить и оценить методы поддержки лиц, подвергающихся риску жестокого обращения дома [6].

Одним из направлений деятельности должна стать разработка инновационных универсальных мероприятий для решения проблем одиночества и поиска друзей. Отслеживание одиночества, раннее вмешательство и поощрение чувства принадлежности являются потенциальными механизмами защиты от эмоциональных проблем, самоповреждений и самоубийств [6]. В свете расширяющегося экономического кризиса и многочисленных неопределенностей, связанных с пандемией, могут возникнуть суицидальные идеи, которые потребуют немедленной консультации с психиатром или направления на возможную экстрен-

ную психиатрическую госпитализацию [54]. Обеспечение свободного доступа к научно обоснованным онлайн-ресурсам и мероприятиям в масштабах всего мира может принести пользу психическому здоровью населения [13].

Почему важно использовать именно этот сложный период для продвижения профилактики самоубийств? Во-первых, в настоящее время люди больше говорят о депрессии, тревоге и суицидальных идеях, что снижает стигматизацию. Во-вторых, они понимают важность социальной поддержки и склонны согласиться ее принять. Наконец, люди, подверженные риску самоубийства, теперь могут получить психологическую помощь в интернете. Медицинское сообщество должно убедиться, что интернет-провайдеры могут оценить риск самоубийства и обеспечить конкретные меры по его профилактике [61].

Не стоит забывать, что наиболее уязвимые группы, пережившие чрезвычайные ситуации, имеют различные степени стрессовых расстройств, даже после того как событие закончилось или они были выписаны из больницы. Это указывает на то, что они не должны быть проигнорированы и в будущем [50; 51].

4. Крайне важно осознавать социально-экономические последствия политики, проводимой для борьбы с пандемией, которые неизбежно приведут к серьезным последствиям для психического здоровья в результате роста уровня безработицы, финансовой незащищенности и нищеты [10; 62]. Напомним, что увеличение числа самоубийств предшествует фактическому росту уровня безработицы [36]. В связи с этим правительства государств должны **обеспечивать нуждающимся финансовую поддержку**. Необходимо учитывать не только текущее положение людей, но и их будущее.

Люди с низкими доходами чаще страдают от временной их потери, чем люди с более высокими доходами, поэтому они

¹⁰ Психическое здоровье и психосоциальные соображения во время вспышки COVID-19. 18 марта 2020 года. Информационное сообщение ВОЗ. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/mental-health-considerations.pdf?sfvrsn=6d3578af_10&ua=1

нуждаются в дополнительном уровне поддержки. Должно быть обеспечено финансовое возмещение и разработаны программы оказания финансовой поддержки различным группам населения в течение всего карантинного периода. В России в период пандемии было принято множество эффективных мер поддержки населения и бизнеса.

5. **Пропаганда здорового образа жизни.**

Регулярные занятия физической культурой и спортом повышают качество сна, настроение, адаптивные силы организма, его стрессоустойчивость.

Запрет на продажу алкоголя в период пандемии мог бы стать эффективным методом борьбы с ростом заболеваемости и смертности по причине алкоголизма, а также случаев домашнего насилия и суицида.

6. Отдельного внимания заслуживают меры по **смягчению негативного воздействия карантина на психику людей**, т. к. именно вынужденная изоляция провоцирует большинство психологических последствий. К мерам относятся: 1) ограничение продолжительности карантина; 2) обеспечение достоверной и подробной информацией о заболевании и причинах карантина; 3) организация адекватного снабжения помещенных на карантин домохозяйств; 4) поддержка практическими советами по борьбе со стрессом (наличие телефонной горячей линии или онлайн-поддержки); 5) усиление альтруизма («карантин помогает обеспечить безопасность других»).

В целом психологическое воздействие карантина является широким, существенным и может быть длительным. Это не означает, что данная мера не должна использоваться, т. к. последствия отказа от карантина могут оказаться еще хуже. Однако лишение людей свободы для более широкого общественного блага часто становится спорным вопросом и требует осторожного подхода. Если карантин необходим, то чиновники должны принять все меры для того, чтобы этот опыт был максимально терпимым для людей [4].

7. Чтобы оценить масштаб последствий пандемии COVID-19 для психического здоровья населения и предотвратить их возникновение, необходимы **новейшие научные исследования** [11].

Можно выделить четыре основных приоритета научных исследований:

1. **Сбор высококачественных данных о воздействии пандемии COVID-19 на психическое здоровье всего населения и уязвимых групп**

Как мы уже неоднократно отмечали, главным неблагоприятным последствием пандемии COVID-19 будет усиление социальной изоляции и одиночества, которые тесно связаны с тревогой, депрессией, самоповреждением и попытками самоубийства на протяжении всей жизни. Для борьбы с ним исследователи призывают проводить мониторинг и сообщать о данных показателях как среди широких слоев населения, так и среди уязвимых групп. Чтобы оптимизировать эффективность психологического вмешательства, нужно понимать факторы и механизмы воздействия пандемии на группы риска. Единого для всех ответа будет недостаточно, поскольку эффективность мероприятий может варьироваться в зависимости от группы населения [11].

Мониторинг должен выходить за рамки официальной статистики об уровне заболеваемости и смертности в обществе, поскольку, например, суицидальное поведение имеет латентные формы, как и домашнее насилие. Мы должны использовать наборы статистических данных и лонгитюдные исследования, а также создавать новые когорты с новыми способами регистрации, включая детальные психологические факторы [6; 63]. Лонгитюдные исследования, особенно если они начаты до или вскоре после возникновения нынешней пандемии, будут иметь решающее значение для установления зачастую сложных биологических и социальных путей между инфекцией и исходами для психического здоровья населения.

В контексте COVID-19 психосоциальная оценка и мониторинг должны включать во-

просы о связанных с пандемией стрессорах, о вторичном ущербе (например, экономические потери), о психосоциальных последствиях (депрессия, тревога, психосоматические симптомы, бессонница, злоупотребление психоактивными веществами и алкоголя, насилие в семье) и индикаторах уязвимости (таких как ранее существовавшие физические или психологические проблемы) [54]. В Китае с появлением COVID-19 с целью обследования психического здоровья осуществлено более 140 исследований (онлайн-опросов) среди различных групп населения в разных провинциях [34].

Разработка и использование скринингов психического здоровья для обнаружения психопатологии у населения (для предупреждения перегрузки экстренных служб) становятся важным шагом в борьбе с пандемией COVID-19. Первым опубликованным маркером психопатологии, связанной с COVID-19, подтвержденным на большой выборке взрослых, является Коронавирусная шкала тревожности (CAS), разработанная Sherman с коллегами в марте 2020 года¹¹ для выявления вероятных случаев дисфункциональной тревожности в связи с пандемией [43].

Также исследователи могут использовать общедоступные «большие данные» (например, локализованные твиты) для оценки усилий местных агентств по информированию о рисках [57].

Будущие исследования должны систематически оценивать распространенность психиатрических симптомов у пациентов с коронавирусными инфекциями, поэтому весьма актуальным становится создание проспективной когорты COVID-положительных пациентов.

Важно будет установить, коррелируют ли маркеры тяжести инфекции с психиатрическими проявлениями. Исследования иммунореактивности к вирусу COVID-19 в психиатрических популяциях с использованием серологических мер, как только

они будут доступны, дадут представление о том, является ли инфекция фактором риска, связанным с развитием психических расстройств.

2. Поиск путей смягчения последствий пандемии COVID-19 для психического здоровья представителей уязвимых групп

Необходимы исследования для развития позитивных социальных и личностных ресурсов, жизнестойкости, альтруизма и просоциального поведения [6]. Работы в области использования удаленных ресурсов психического здоровья (например, цифровые клиники) для эффективного управления проблемами психического здоровья адаптивным и гибким образом весьма актуальны и перспективны с практической точки зрения [64].

Совершенствование систем мониторинга и быстрое внедрение основанных на фактических данных программ и методов лечения, к которым можно получить удаленный доступ, являются эффективными мерами сохранения психического здоровья во время пандемии [11].

3. Анализ и оценка влияния СМИ в условиях пандемии

Многие вопросы, касающиеся эффективной коммуникации и рисков во время кризиса общественного здравоохранения, особенно в отношении использования социальных сетей, также нуждаются в дальнейшем исследовании [38]. Полученные ответы необходимы для обоснования будущих подходов, включая стратегии, помогающие людям оставаться информированными авторитетными источниками, предотвращать чрезмерное воздействие СМИ [6].

4. Сбор данных о функциях мозга, когнитивных способностях и психическом здоровье пациентов с COVID-19

Исходя из более глубокого понимания воздействия вирусной инфекции на нервную систему и более точных биомаркеров функции головного мозга у пациентов с COVID-19, нужно разработать меры вмеша-

¹¹ 13–17 марта в США проведено онлайн-анкетирование 775 взрослых, которые испытывали значительную тревогу, страх и беспокойство по поводу вспышки коронавируса и в течение последних двух недель не менее одного часа в день тратили на просмотр СМИ о пандемии и размышления о ней.

тельства для прерывания или предотвращения неблагоприятного биологического воздействия новой коронавирусной инфекции на функцию мозга и психическое здоровье населения.

Необходима слаженная работа представителей всех наук о психическом здоровье (психология, психиатрия, клиническая медицина, неврология, поведенческие и социальные науки) в междисциплинарном формате с привлечением людей с живым опытом решения проблем психического здоровья и COVID-19 [6]. Следует понять и изучить общественные психологические состояния в это бурное время, что имеет практическое значение [3]. Приоритетные направления исследований по социальным, психологическим и нейробиологическим аспектам этой пандемии должны координироваться на национальном и международном уровнях. Результаты непосредственных исследований могли бы помочь в разработке мер реагирования на будущие волны инфекции или пандемии.

Заключение

В представленной работе проанализированы многочисленные исследования влияния эпидемий и кризисных ситуаций на психику людей (коронавирусные инфекции 2003 и 2012 гг., «испанка» 1918–1920 гг., Эбола в 2015 году, теракты 9/11 и на Бостонском марафоне), а также зарубежные статьи о COVID-19, изданные в феврале – мае 2020 года.

На основании их глубокого анализа получены ответы на ряд вопросов. Каким образом COVID-19 разрушает психическое здоровье и в чем это проявляется? На кого пандемия оказывает большее влияние и почему? Как можно предотвратить ее негативное воздействие и сохранить психическое здоровье в период борьбы с вирусом? Какие направления научных исследований по данной проблеме особенно актуальны в ближайшем будущем?

Таким образом, проведенная работа позволила оценить глубину, масштабы и длительность разрушительного воздействия пандемии COVID-19 на общественное психическое здоровье. Многие люди становятся уязвимыми к психическим расстройствам и суицидальному поведению. Согласно заключениям экспертов до 70% населения земного шара потенциально может нуждаться в психологической помощи в период распространения COVID-19¹², причем последствия для психического здоровья будут проявляться дольше и достигнут своего пика позже, чем сама пандемия. Следует подготовиться принять меры по их минимизации и нейтрализации. При этом интеграция работы органов власти, конкретных ведомств (здравоохранения, социальной защиты, образования, культуры и др.) должна осуществляться в соответствии с сопровождением качества жизнедеятельности, уровнем человеческого потенциала и человеческого капитала как ведущей составляющей национального богатства любого государства и самым главным фактором экономического роста. Особенно значим тот факт, что национальное богатство в качестве экономической категории одновременно выступает и как результат, и как ресурс социально-экономического развития, в процессе которого создаются материальные и духовные ценности.

Ограничения и перспективы исследования

Выполненная работа представляет собой теоретическое обоснование следующего социологического этапа исследования с целью выявления дополнительной информации о стрессорах в период пандемии, индикаторах уязвимости, социально-психологических и социально-экономических потерях, способах преодоления стресса населением. Ее итогом станут конкретные рекомендации органам здравоохранения и социальной защиты, СМИ и общественности по сохранению психического здоровья граждан в период пандемий.

¹² Axelrod J. Coronavirus may infect up to 70% of world's population, expert warns. March 2, 2020. URL: <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-infection-outbreakworldwide-virus-expert-warning-today-2020-03-02>

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown E.E., Kumar S., Rajji T.K., Pollock B.G., Mulsant B.H. Anticipating and mitigating the impact of the COVID-19 pandemic on alzheimer's disease and related dementias. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 2020, vol. 28. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1064748120302943?via%3Dihub>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2020.04.010>
2. Manderson L., Levine S. COVID-19, Risk, Fear, and Fall-out. *Medical Anthropology. Cross-Cultural Studies in Health and Illness*, 2020, vol. 39. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01459740.2020.1746301>. DOI: <https://doi.org/10.1080/01459740.2020.1746301>
3. Wang Y., Di Y., Ye J., Wei W. Study on the public psychological states and its related factors during the outbreak of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in some regions of china. *Psychology, Health & Medicine*. Published online: 30 Mar. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1746817>
4. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E. [et al.]. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020, vol. 395, pp. 912–920. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
5. Rubin G.J., Wessely S. The psychological effects of quarantining a city. *BMJ*, 2020, vol. 368, pp. 313. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.m313>
6. Holmes E., O'Connor R., Perry V.H, Tracey I., Wessely S., Arseneault L. [et al.]. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: a call for action for mental health science. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 547–560. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30168-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30168-1)
7. O'Connor R.C., Nock M.K. The psychology of suicidal behaviour. *The Lancet Psychiatry*, 2014, vol. 1, pp. 73–85. DOI: [10.1016/S2215-0366\(14\)70222-6](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(14)70222-6)
8. John A., Glendenning A.C., Marchant A. [et al.]. Self-harm, suicidal behaviours, and cyberbullying in children and young people: systematic review. *J. Med. Internet Res.*, 2018, vol. 20, pp. 129.
9. Turecki G., Brent D.A., Gunnell D. [et al.]. Suicide and suicide risk. *Nat. Rev. Dis. Primers*, 2019, vol. 5, p. 74. DOI: [10.1038/s41572-019-0121-0](https://doi.org/10.1038/s41572-019-0121-0)
10. Barr B., Taylor-Robinson D., Scott-Samuel A., McKee M., Stuckler D. Suicides associated with the 2008-10 economic recession in England: time trend analysis. *BMJ*, 2012, vol. 345. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.e5142>
11. Mahase E. Covid-19: Mental health consequences of pandemic need urgent research. *BMJ*, 2020, vol. 369. Available at: <https://www.bmj.com/content/369/bmj.m1515>. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.m15152020>
12. Cheung Y.T., Chau P.H., Yip P.S. A revisit on older adults suicides and severe acute respiratory syndrome (SARS) epidemic in Hong Kong. *Int. J. Geriatr. Psychiatry*, 2008, vol. 23, pp. 1231–1238. DOI: [10.1002/gps.2056](https://doi.org/10.1002/gps.2056)
13. Gunnell D., Appleby L., Arensman E., Hawton K., John A., Kapur N. [et al.]. Suicide risk and prevention during the COVID-19 pandemic. *Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 468–471. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30171-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30171-1)
14. Tsang H.W., Scudds R.J., Chan E.Y. Psychosocial impact of SARS. *Emerg. Infect. Dis.*, 2004, vol. 10, pp. 1326–1327. DOI: [10.3201/eid1007.040090](https://doi.org/10.3201/eid1007.040090)
15. Nickell L.A., Crighton E.J., Tracy C.S. [et al.]. Psychosocial effects of SARS on hospital staff: survey of a large tertiary care institution. *CMAJ*, 2004, vol. 170, pp. 793–798. DOI: [10.1503/cmaj.103107](https://doi.org/10.1503/cmaj.103107)
16. Huang Y., Zhao N. Mental health burden for the public affected by the COVID-19 outbreak in China: Who will be the high-risk group? *Psychology, Health & Medicine*. Published online: 14 Apr., 2020. DOI: <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1754438>

17. Huang Y., Wang Y., Wang H., Liu Z., Yu X., Yan J., Yu Y., Kou C., Xu X., Lu J., Wang Z., He S., Xu Y., He Y., Li T., Guo W., Tian H., Xu G., Xu X., Ma Y., Wu Y. Prevalence of mental disorders in China: A cross-sectional epidemiological study. *The Lancet Psychiatry*, 2019, vol. 6 (3), pp. 211–224. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(18\)30511-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(18)30511-X)
18. Rogers J.P., Chesney E., Oliver D., Pollak T.A., McGuire Ph., Fusar-Poli P., Zandi M.S., Lewis G., David A.S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: a systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0). Published on-line: May 18, 2020. Available at: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30203-0/fulltext?dgcid=raven_jbs_etoc_email](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30203-0/fulltext?dgcid=raven_jbs_etoc_email)
19. Reynolds D.L., Garay J.R., Deamond S.L., Moran M.K., Gold W., Styra R. Understanding, compliance and psychological impact of the SARS quarantine experience. *Epidemiol. Infect.*, 2008, vol. 136, pp. 997–1007.
20. Li Y.C., Bai W.Z., Hirano N., Hayashida T., Hashikawa T. Coronavirus infection of rat dorsal root ganglia: ultrastructural characterization of viral replication, transfer, and the early response of satellite cells. *Virus. Res.*, 2012, vol. 163, pp. 628–635.
21. Xu J., Zhong S., Liu J. [et al.]. Detection of severe acute respiratory syndrome coronavirus in the brain: potential role of the chemokine mig in pathogenesis. *Clin. Infect. Dis.*, 2005, vol. 41, pp. 1089–1096. DOI: 10.1086/444461
22. Li K., Wohlford-Lenane C., Perlman S. [et al.]. Middle East respiratory syndrome coronavirus causes multiple organ damage and lethal disease in mice transgenic for human dipeptidyl peptidase 4. *J. Infect. Dis.*, 2016, vol. 213, pp. 712–722. DOI: 10.1093/infdis/jiv499
23. McCall S., Vilensky J.A., Gilman S., Taubenberger J.K. The relationship between encephalitis lethargica and influenza: a critical analysis. *J. Neurovirol.*, 2008, vol. 14, pp. 177–185.
24. Mao L., Wang M., Chen S. [et al.]. Neurological manifestations of hospitalized patients with coronavirus disease 2019 in Wuhan, China. *JAMA Neurol.*, 2020. Available at: <https://jamanetwork.com/journals/jamaneurology/fullarticle/2764549>. Published online: April 10, 2020. DOI: 10.1001/jamaneurol.2020.1127
25. Wang J., Lloyd-Evans B., Giacco D. [et al.]. Social isolation in mental health: a conceptual and methodological review. *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.*, 2017, vol. 52, pp. 1451–1461. DOI: 10.1007/s00127-017-1446-1
26. Cacioppo J.T., Hughes M.E., Waite L.J., Hawkey L.C., Thisted R.A. Loneliness as a specific risk factor for depressive symptoms: cross-sectional and longitudinal analyses. *Psychol. Aging.*, 2006, vol. 21, pp. 140–151. DOI: 10.1037/0882-7974.21.1.140
27. Roberts A.R. *Crisis intervention handbook: assessment, treatment, and research*. 3rd edn. Oxford: Oxford University Press, 2005. 872 p.
28. Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (4), p. 21. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30090-0)
29. Mental health and COVID-19: change the conversation. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, p. 463. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30194-2](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30194-2)
30. Bai Y., Lin C.C., Lin C.Y., Chen J.Y., Chue C.M., Chou P. Survey of stress reactions among health care workers involved with the SARS outbreak. *Psychiatr. Serv.*, 2004, vol. 55, pp. 1055–1057. DOI: 10.1176/appi.ps.55.9.1055
31. Wu P., Fang Y., Guan Z. [et al.]. The psychological impact of the SARS epidemic on hospital employees in China: exposure, risk perception, and altruistic acceptance of risk. *Can. J. Psychiatry*, 2009, vol. 54, pp. 302–311. DOI: 10.1177/070674370905400504

32. Liu X., Kakade M., Fuller C.J. [et al.]. Depression after exposure to stressful events: lessons learned from the severe acute respiratory syndrome epidemic. *Compr. Psychiatry*, 2012, vol. 53, pp. 15–23. DOI: 10.1016/j.comppsy.2011.02.003
33. Wu P., Liu X., Fang Y. [et al.]. Alcohol abuse/dependence symptoms among hospital employees exposed to a SARS outbreak. *Alcohol*, 2008, vol. 43, pp. 706–712. DOI: 10.1093/alcalc/agn073
34. Liu S., Yang L., Zhang C., Xiang Y., Liu Z., Hu S., Zhang B. Online mental health services in China during the COVID-19 outbreak. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (4), pp. 17–18. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30077-8](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30077-8)
35. Son H., Lee W.J., Kim H.S. [et al.]. Examination of hospital workers' emotional responses to an infectious disease outbreak: lessons from the 205 MERS Co-V outbreak in South Korea. *Disaster. Med. Public Health. Prep.*, 2019, vol. 13, pp. 504–510. DOI: <https://doi.org/10.1017/dmp.2018.95>
36. Nordt C., Warnke I., Seifritz E., Kawohl W. Modelling suicide and unemployment: a longitudinal analysis covering 63 countries, 2000–11. *The Lancet Psychiatry*, 2015, vol. 2, pp. 239–245.
37. Kawohl W., Nord C. COVID-19, unemployment, and suicide. *The Lancet psychiatry*, 2020, vol. 7 (5), pp. 389–390. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30141-3](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30141-3)
38. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychol.*, 2020, vol. 39 (5), pp. 355–357. DOI: 10.1037/hea0000875
39. Fischhoff B., Wong-Parodi G., Garfin D.R., Holman E.A., Silver R.C. Public understanding of Ebola risks: Mastering an unfamiliar threat. *Risk Analysis*, 2018, vol. 38, pp. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/risa.12794>
40. Taha S.A., Matheso, K., Anisman H. H1N1 was not all that scary: Uncertainty and stressor appraisals predict anxiety related to a coming viral threat. *Stress and Health*, 2014, vol. 30, pp. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.1002/smi.2505>
41. Jones N.M., Thompson R.R., Dunkel Schetter C., Silver R.C. Distress and rumor exposure on social media during a campus lockdown. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2017, vol. 114, pp. 11663–11668. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1708518114>
42. Hong S., Collins A. Societal responses to familiar versus unfamiliar risk: Comparisons of influenza and SARS in Korea. *Risk Analysis*, 2006, vol. 26, pp. 1247–1257. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2006.00812.x>
43. Silver R.C., Holman E.A., Andersen J.P., Poulin M., McIntos D.N., Gil-Rivas V. Mental- and physical-health effects of acute exposure to media images of the September 11, 2001, attacks and the Iraq War. *Psychological Science*, 2013, vol. 24, pp. 1623–1634. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797612460406>
44. Holman E.A., Silver R.C., Poulin M., Andersen J., Gil-Rivas V., McIntosh D.N. Terrorism, acute stress, and cardiovascular health: A 3-year national study following the September 11th attacks. *Archives of General Psychiatry*, 2008, vol. 65, pp. 73–80. DOI: <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2007.6>
45. Holman E.A., Garfin D.R., Silver R.C. Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2014, vol. 111, pp. 93–98. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1316265110>
46. Holman E.A., Garfin D.R., Lubens P., Silver R.C. Media exposure to collective trauma, mental health, and functioning: Does it matter what you see? *Clinical Psychological Science*, 2020, vol. 8, pp. 111–124. DOI: <https://doi.org/10.1177/2167702619858300>
47. Sherman A.L. Coronavirus Anxiety Scale: A brief mental health screener for COVID-19 related anxiety. *Death Studies*, 2020, vol. 44 (7), pp. 1–9. DOI: 10.1080/07481187.2020.1748481
48. Hawryluck L., Gold W.L., Robinson S., Pogorski S., Galea S., Styra R. SARS control and psychological effects of quarantine, Toronto, Canada. *Emerg. Infect. Dis.*, 2004, vol. 10, pp. 1206–1212. DOI: 10.3201/eid1007.030703

49. Sprang G., Silman M. Posttraumatic stress disorder in parents and youth after health-related disasters. *Disaster Med. and Public Health Prep.*, 2013, vol. 7, pp. 105–110. DOI: 10.1017/dmp.2013.22
50. Fan F., Long K., Zhou Y., Zheng Y., Liu X. Longitudinal trajectories of post-traumatic stress disorder symptoms among adolescents after the Wenchuan earthquake in China. *Psychol. Med.*, 2015, vol. 45, pp. 2885–2896. DOI: 10.1017/S0033291715000884
51. Cheng S.K.-W., Wong C.W., Tsang J., Wong K.C. Psychological distress and negative appraisals in survivors of severe acute respiratory syndrome (SARS). *Psychol. Med.*, 2004, vol. 34, pp. 1187–1195. DOI: 10.1017/S0033291704002272
52. Isolation and inclusion. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (5), pp. 371. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30156-5](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30156-5)
53. Dan L., Zhu G. Psychological interventions for people affected by the COVID-19 epidemic. *The Lancet psychiatry*, 2020, vol. 7 (4), pp. 300–302. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30073-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30073-0)
54. Pfefferbaum B., North C.S. Mental Health and the Covid-19 Pandemic. *New England Journal of Medicine*, 2020. DOI: 10.1056/NEJMp2008017. Published online: 13 Apr., 2020. Available at: <https://www.nejm.org/doi/full/10.1056/NEJMp2008017>
55. Thompson R.R., Garfin D.R., Holman E.A., Silver R.C. Distress, worry, and functioning following a global health crisis: A national study of Americans responses to Ebola. *Clinical Psychological Science*, 2017, vol. 5, pp. 513–521. DOI: <https://doi.org/10.1177/2167702617692030>
56. Garfin D.R., Holman E.A., Silver R.C. Cumulative exposure to prior collective trauma and acute stress responses to the Boston marathon bombings. *Psychological Science*, 2015, vol. 26, pp. 675–683. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797614561043>
57. Lachlan K.A., Spence P.R., Lin X., Najarian K., Del Greco M. Social media and crisis management: CERC, search strategies, and Twitter content. *Computers in Human Behavior*, 2016, vol. 54, pp. 647–652. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.05.027>
58. Ng Y.J., Yang Z.J., Vishwanath A. To fear or not to fear? Applying the social amplification of risk framework on two environmental health risks in Singapore. *Journal of Risk Research*, 2018, vol. 21, pp. 1487–1501. DOI: <https://doi.org/10.1080/13669877.2017.1313762>
59. Niederkrotenthaler T., Braun B., Pirkis J., Till B., Stack S. [et al.]. Association between suicide reporting in the media and suicide: systematic review and meta-analysis. *BMJ*, 2020, vol. 368, p. 575. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.m575>
60. D'Agostino A., Demartini B., Cavallotti S., Gambini O. Mental health services in Italy during the COVID-19 outbreak. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (5), pp. 385–387. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30133-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30133-4)
61. Klomek A.B. Suicide prevention during the COVID-19 outbreak. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (5), p. 390. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30142-5](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30142-5)
62. Frasilho D., Matos M.G., Salonna F. [et al.]. Mental health outcomes in times of economic recession: a systematic literature review. *BMC Public Health*, 2016, vol. 16, pp. 1–40. DOI: 10.1186/s12889-016-2720-y
63. Holmes E.A., Ghaderi A., Harmer C.J. [et al.]. The Lancet Psychiatry Commission on psychological treatments research in tomorrow's science. *The Lancet Psychiatry*, 2018, vol. 5, pp. 237–286. DOI: 10.1016/S2215-0366(17)30513-8
64. Wind T.R., Rijkeboer M., Andersson G., Riper H. The COVID-19 pandemic: the «black swan» for mental health care and a turning point for e-health. *Internet Interv.*, 2020, vol. 20. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2214782920300464?via%3Dihub>. DOI: 10.1016/j.invent.2020.100317

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Евгеньевна Шматова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru

Shmatova Yu.E.

**IMPACT OF COVID-19 ON MENTAL HEALTH OF POPULATION
(AS AN INDICATOR OF HUMAN POTENTIAL):
EXPERIENCE OF FOREIGN STUDIES**

The spread of a new coronavirus infection impacted the whole world. Government measures of imposing forced isolation to prevent the spread of the virus has caused numerous long-term consequences for the population's physical and mental health, living standards, human potential, and, therefore, for the economy itself. Foreign countries had encountered the pandemic before Russia, so they managed to conduct studies on various aspects of the COVID-19 impact on people's mental health and to publish the results (mostly online). In this article, on the basis of a deep analysis and foreign experience generalization, the author identified primary negative manifestations of the pandemic in an area of mental health (mood deterioration, sleeping disorders, anxiety growth, depressive disorders, alcoholism, interpersonal violence, suicidal and avoidant behavior). Major risk factors of adverse psychological outcomes were studied and structured. On this basis, the most vulnerable groups were identified (COVID-positive people and their family members, mentally ill people, doctors, financially disadvantaged and unemployed people, victims of domestic violence, single and older people). According to the results obtained, main ways of minimizing the negative impact of the pandemic were formulated: organization of a unified, integrated platform for psychological counseling; responsible usage of media while discussing issues related to the pandemic; organization of assistance to risk groups (including remote help); provision of financial support for the population during a crisis period; promotion of a healthy lifestyle; mitigation of a quarantine's negative impact. Research is an important area for reducing a psychological burden of COVID-19. Monitoring of indicators of anxiety and depression, suicidal behavior, factors and mechanisms of the pandemic impact on risk groups, longitudinal studies, including risk groups, become particularly relevant.

COVID-19, mental health, human potential, anxiety and depressive disorders, suicide, mental disorders, medical professionals, living standards, media, domestic violence.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya E. Shmatova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ueshmatova@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.7

УДК 338.47 | ББК 65.051

© Волкова Н.Н., Романюк Э.И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОВА

Институт экономики Российской академии наук
Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
E-mail: lituk.n@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7026-2856

ЭВЕЛИНА ИГОРЕВНА РОМАНЮК

Институт экономики Российской академии наук
Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
E-mail: romvel57@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3178-6451

Цель статьи – анализ наличия и степени зависимости уровней цифрового развития и производительности труда на базе данных о развитии цифровой инфраструктуры и производительности труда в субъектах Российской Федерации. Расчеты авторов базировались на официальной статистической информации, доступной на сайте Федеральной службы государственной статистики, а также сборниках, выпускаемых Росстатом совместно с НИУ ВШЭ. Актуальность исследования вызвана тем, что в условиях цифровой трансформации экономики выявление взаимосвязи уровня развития цифровой среды и производительности труда дает возможность выработки более обоснованных управленческих решений. Уровень развития цифровой среды оценивался на основе предложенного авторами объективного критерия, позволяющего оценить ее состояние в региональном разрезе. Индекс включает три подиндекса, характеризующих возможность физического доступа к телекоммуникационным сетям, степень использования этой инфраструктуры населением, а также показатели, которые отражают изменения инфраструктуры, необходимые для современного производства. Уровень производительности труда был реконструирован авторами на основе двух наиболее распространенных методик ее вычис-

Для цитирования: Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Взаимосвязь уровня развития цифровой среды и производительности труда // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 109–123. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.7

For citation: Volkova N.N., Romanyuk E.I. Interconnection between the level of digital environment development and labor productivity. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 109–123. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.7

ления: на одного занятого в экономике и на один отработанный человеко-час. Используются различные экономико-математические методы анализа, в частности корреляционный анализ. В результате исследования авторы пришли к выводам, что показатели, относящиеся к использованию цифровой инфраструктуры населением, имеют более существенные связи с производительностью труда. Это подтверждает тезис о том, что стратегия цифровизации в стране направлена на непродовольственную сферу и госуправление, а не на промышленность. Научная новизна исследования заключается в том, что авторы используют экономико-математические методы для оценки результатов цифровизации.

Цифровая экономика, инфраструктура, региональное развитие, сравнительный анализ, производительность труда.

Введение

Экономический рост региона, на который направлены меры по увеличению производительности труда, зависит от множества факторов: географического положения, сложившейся отраслевой структуры производства, наличия и качества трудовых ресурсов, состояния основных фондов, объема выделяемых ресурсов и т. п. Для его измерения в научной литературе и на практике используются различные критерии: величина и динамика произведенного продукта (в региональном разрезе валового регионального продукта – ВРП), другие показатели, использующие соотношение последнего с затратами ресурсов, включая труд. Одним из таких критериев является уровень и динамика производительности труда. Этот показатель ключевой для формирования потенциала для перехода на инновационную модель развития. Именно интенсивный экономический рост позволяет обеспечивать устойчивое повышение уровня благосостояния граждан страны, являющееся, в свою очередь, необходимым условием роста качества их жизни.

В настоящее время в российской и мировой экономической науке достаточно много исследований, посвященных теоретическим проблемам оценки экономического роста. В отечественной литературе наиболее ранние работы по исследованию качества экономического роста принадлежали В.Д. Камаеву [1], рассматривающему данную проблему в условиях социалистической экономики.

В зарубежных исследованиях большой вклад в теоретические исследования эко-

номического роста и влияющих на него факторов внесли работы С. Кузнеца [2], Е.И. Свана [3], Р. Соллоу [4], который ввел понятие эндогенного научно-технического прогресса как фактора роста производительности, П. Ромера [5], Р. Лукаса (1988) [6] и др. Прекрасный обзор моделей экономического роста с учетом различных факторов, влияющих на рост эффективности производства, приведен в работах М.А. Каневой и Г.А. Унтура [7; 8].

В советских и российских исследованиях вопросы прогнозирования экономического роста на основе оценки качества и эффективности ресурсов, включая использование труда, связаны с именами А.И. Ноткина [9], А.И. Анчишкина [10], В.В. Коссова [11], Ю.В. Яременко [12] и др. Из современных работ можно упомянуть исследования В.В. Ивантера [13], М.Н. Узякова [14], в которых экономический рост разделяется на количественную и качественную составляющие.

Если понимать экономический рост как повышение валового национального продукта на душу населения, то связанная с этим задача – рост производительности труда.

Анализ взаимосвязи индекса цифровой среды и уровня производительности труда

Федеральные власти придают большое значение росту производительности труда как ключевому элементу для выполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024

года»¹. В связи с этим принимаются меры для унификации расчетов этого показателя. Так, федеральным проектом «Системные меры по повышению производительности труда», реализуемым в рамках национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», паспорт которого утвержден 24 декабря 2018 года², предусмотрена разработка единого согласованного подхода к расчету производительности труда в разрезе отраслей, предприятий и субъектов Российской Федерации.

Существуют различные подходы к его определению. Так, Росстат публикует на сайте индекс производительности труда по регионам и экономике в целом, рассчитанный как частное от деления индексов физического объема ВВП на индекс совокупных затрат труда. Для региональных расчетов в качестве показателя физического объема выпуска используется валовой региональный продукт (ВРП). Методика расчета показателя «Индекс производительности труда» Росстатом разработана на основе Руководства ОЭСР³. В то же время Министерство экономического развития в рамках национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» рассчитывает производительность труда на одного занятого. В программе Фонда развития промышленности, направленной на развитие производительности труда, последняя считается по числу застрахованных лиц⁴. Авторами были проанализированы два наиболее распространенных подхода к определению производительности труда: в расчете на одного занятого и на один отработанный человеко-час, который выступает мерой совокупных затрат труда. Анализ взаимосвязи показателей, полученных с использованием разных подходов, был проведен авторами ранее. В данной статье ограничимся лишь кратким описанием

полученных результатов. Как показало исследование, различные подходы к определению региональной производительности труда дают различные результаты по уровню и динамике производительности труда в зависимости от использованной методологии счета. Различается также место, занимаемое субъектом Федерации в региональных рейтингах. Следовательно, методология влияет на выработку тех или иных управленческих решений, поэтому мы использовали оба подхода к определению региональной производительности труда.

Особенно актуальны вопросы взаимосвязи роста производительности, развития информационных технологий (ИКТ) и рынка труда в современных условиях цифровой трансформации экономики. Внедрение ИКТ меняет схемы и методы построения бизнеса: появляются распределенные производства, предприятия используют «облачные» системы хранения данных и т. п. Как одно из наиболее значимых перспективных направлений внедрения цифровых технологий выступает интернет вещей (Internet of Things – IoT) и его сегмент – промышленный интернет (Industrial Internet of Things – IIoT). Однако возникает вопрос о влиянии современной трансформации экономики на рынок труда. Эти вопросы рассматриваются многими исследователями (см., например, [15; 16]). В работе исследователей M. Arntz, T. Gregory и U. Zierahn [15] рассматриваются теоретические основы влияния цифровых технологий на занятость. Авторы делают заключение о том, что на макроэкономическом уровне цифровизация не влияет на уровень занятости, но приводит к структурной безработице. В работе E. Gerten, M. Beckmann, L. Bellmann [16] авторы исследуют влияние ИКТ на трудовые возможности работников разного уровня на

¹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения 31.03.2020).

² Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319210 (дата обращения 31.03.2020).

³ Labour productivity based on integrated labour accounts. Kamilla Heurlén and Henrik Sejerbo Sørensen. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264044616-9-en.pdf?expires=1585728992&id=id&accname=guest&checksum=0BB0796EA3783619CD439304F97D09EA> (accessed 31.03.2020).

⁴ Программа «Повышение производительности труда». URL: <https://frprf.ru/download/prezentatsiya-programmy-proizvoditelnost-truda.pdf> (дата обращения 31.03.2020).

примере фирмы. В результате они приходят к выводу, что для роста производительности необходима взвешенная управленческая политика, поскольку одновременно с дополнительными возможностями ИКТ усиливают и жесткий контроль над работником.

Среди российских исследователей следует отметить работу Р.И. Капелюшника [17], в которой содержится обзор существующих в зарубежной литературе трудов по вопросам влияния современных цифровых технологий и роботизации на рынок труда. Проблема технологической безработицы существует начиная с первой промышленной революции. Однако ни одна из них не привела в конечном итоге к катастрофе. Через некоторое время безработица возвращается к привычным уровням. Более того, автор отмечает, что рост производительности труда почти всегда сопровождался возрастающим спросом на труд [17, с. 94], поскольку рост производительности в одном секторе стимулирует создание дополнительных рабочих мест в других секторах.

Авторы также занимались вопросами оценки влияния цифровизации на рынок труда [18] и согласны с выводами, сделанными в работе [17]. В России наиболее вероятен мягкий вариант воздействия внедрения цифровых технологий на безработицу. Конечно, нельзя полностью исключить отдельные локальные всплески структурной безработицы. Нельзя сбрасывать со счетов и фактор сокращения предложения труда из-за сокращения числа трудоспособного населения. Для рынка труда большую опасность представляет сужение спроса, что в полной мере продемонстрировал кризис, вызванный коронавирусом. По нашему мнению, если учесть необходимость структурной перестройки промышленности страны и наращивания необходимых объемов в реальных секторах производства, цифровизация будет только на благо нашей экономике.

Однако следует иметь в виду региональные аспекты этой проблемы. Компен-

саторные механизмы работают на макроуровне. При переходе на региональный мезоуровень возникает угроза структурной безработицы, поскольку межрегиональный перелив рабочей силы в России затруднен вследствие различных факторов: ментальных, жилищных и т. д. Необходимы меры, повышающие мобильность локальных рынков труда, например программы непрерывного образования или переобучения, некоторый резерв служебного жилья для привлекаемых работников, программы поддержки типа «Земский доктор»⁵ или «Земский учитель»⁶. Грамотные действия федеральных и региональных властей могут демпфировать эти негативные последствия, поэтому изучение взаимосвязи уровня развития ИКТ и производительности труда важно для выработки сбалансированных управленческих решений.

Целью представленной статьи как раз и стали выявление и анализ зависимости уровней цифрового развития и производительности труда. В расчетах авторами были использованы официальные статистические данные, а также статистические методы обработки данных. Ключевая гипотеза, положенная в основу статьи, состоит в том, что уровень цифровой среды в регионах России создает условия для их экономического развития на основе роста производительности труда. При наличии такой взаимосвязи развитие цифровой среды регионов может выступить драйвером экономического роста. Данное обстоятельство и обуславливает актуальность исследования, поскольку выявление возможной взаимосвязи уровня развития цифровой среды и экономического роста региона дает возможность принимать более адекватные управленческие решения. В качестве объективного критерия был использован предложенный ранее авторами индекс цифровой среды региона.

При анализе взаимосвязи производительности труда и уровня цифрового развития региона необходимо учесть, что в последние годы происходит активное вне-

⁵ Программа «Земский доктор»: утв. Постановлением Правительства РФ от 26 дек. 2017 г. № 1640 (в рамках программы «Развитие здравоохранения»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286834 (дата обращения 12.07.2020).

⁶ Программа «Земский учитель». URL: <https://zemteacher.edu.ru> (дата обращения 12.07.2020).

дрение технологических инноваций в социально-экономические процессы, однако такое развитие неравномерно по регионам. Так, по данным Росстата, число домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в интернет, в 2018 году различалось почти в 2 раза: от 96,3% в ЯНАО до 50,2% в Чеченской Республике⁷.

По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), по итогам 2019 года вклад интернет-экономики в экономику России в целом составлял 6,4 трлн руб., или 5,8% ВВП в текущих ценах⁸.

Необходимо отметить, что цифровая среда в территориальном разрезе очень неоднородна как на уровне стран, так и на уровне регионов отдельных государств. Население и предприятия различных регионов имеют разные возможности для доступа к современной сетевой инфраструктуре. Так, в 2018 году число домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в интернет, важный для многих приложений (таких как интернет вещей, телемедицина, дистанционное образование и т. д.), колебалось от 96,3% в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) до 50,2% в Чеченской Республике, а количество компьютеров на 100 домохозяйств колебалось от 47,8 шт. в Республике Дагестан до 96,5 шт. в том же ЯНАО⁹. Это, в свою очередь, приводит к тому, что разные регионы имеют разные возможности для роста производительности труда как в производственной, так и непроизводственной сферах. Влияние этих разных возможностей особенно будет возрастать в «постковидную эпоху», когда многие производства и услуги переходят в онлайн. В качестве примера можно привести рост онлайн-торговли в начале 2020 года. Так, «Российская газета» сообщает, что в продуктовом сегменте торговли, который традиционно работал

офлайн, в 2019 году доля онлайн-продаж составляла от 0 до 5%, в апреле этого года – от 5 до 7%. В секторе розничных продаж непродуктовых товаров доля онлайн-продаж в 2019 году была около 40%, сейчас выросла до 50%¹⁰.

Вопросам неравномерного цифрового развития регионов России в последнее время посвящен ряд исследований. В качестве примера можно привести работы, проводимые в НИУ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского [19], в Санкт-Петербургском университете ИТМО [20], в Пермском государственном национальном исследовательском университете [21] и др. Однако в них уровень развития цифровой среды представлен как совокупность разрозненных показателей.

Ранее авторами был предложен индекс, позволяющий оценивать уровень проникновения цифровых технологий в экономику, названный индексом цифровой среды [22]. Он помогает провести сравнительный анализ уровня цифровизации в разрезе субъектов РФ. Индекс состоит из трех подиндексов: показатели, характеризующие возможность физического доступа к телекоммуникационным сетям; показатели, отражающие степень использования этой инфраструктуры населением; показатели, описывающие изменения инфраструктуры, необходимые для современного производства.

Итоговый список составляющих индекса [22] показан на рис. Необходимо отметить, что приведенный список несколько раз пересматривался. Первоначально он базировался на индексе, разрабатываемом Международным союзом электросвязи (МЭС)¹¹. Авторы изменили третью группу этого индекса, поскольку она не позволяет корректно провести сравнение регионов внутри одной страны и в большей степени

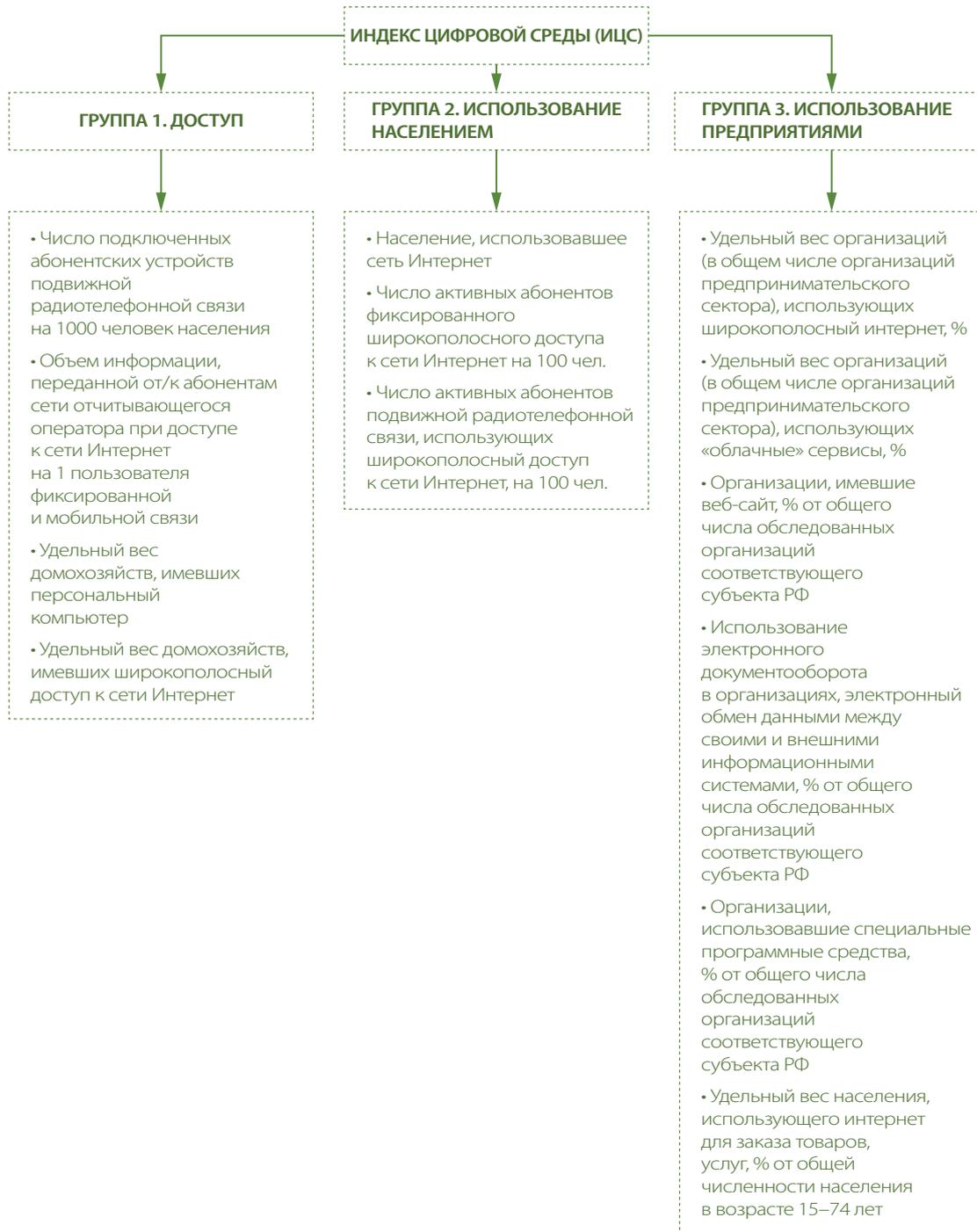
⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 25.05.2020).

⁸ Объем ВВП в 2019 году, по данным Росстата, был 110046 млрд руб. См.: Россия в цифрах – 2020: кратк. стат. сб. // М.: Росстат, 2020. С. 33.

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 25.05.2020).

¹⁰ Онлайн-покупки останутся популярными и после пандемии. URL: <https://rg.ru/2020/05/13/onlajn-pokupki-ostanutsia-populiarnymi-i-posle-pandemii.html> (дата обращения 12.07.2020).

¹¹ Measuring the Information Society Report. 2017, vol. 1. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2017.aspx> (accessed 31.03.2020).

Рис. Показатели, используемые в индексе цифровой среды

Источник: Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Развитие цифровой среды российских регионов // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 43.

соответствует задаче межстранового сравнения. В работах авторов [22] третья группа включала показатели, характеризующие уровень развития цифровой среды для юридических лиц.

По нашему мнению, в настоящее время этот список также требует некоторой кор-

ректировки. К сожалению, статистика такого нового явления, как цифровая экономика, пока несовершенна. Она быстро меняется вместе с самим феноменом. Показатели, приведенные на рисунке, являются компромиссом между тем, что, по мнению авторов, должно отражать развитие цифровой сре-

ды, и наличием статистических данных. Так, в более ранних статистических сборниках отсутствовала информация о предприятиях, в своей деятельности использующих большие массивы данных, работа с которыми видоизменяет многие производственные подсистемы, поскольку позволяет учесть значительное количество параметров. Сейчас такие показатели появились, но только в целом по России, что делает невозможным региональный анализ. Россия обладает большой протяженностью, и это усиливает роль ИКТ. А ее территории характеризуются неравномерным развитием, поэтому было бы неплохо расширить блок региональных данных о состоянии цифровой среды в разрезе территорий. Для создания необходимого перечня региональных данных могли бы быть привлечены как заинтересованные лица со стороны научной общественности, так и ведомства.

Ряд показателей в настоящее время уже не характеризует информационную среду по сравнению с более ранним периодом времени. Так, при дальнейшем анализе из первой группы показателей для расчета индексов был исключен показатель «Наличие квартирных телефонов на 1000 чел.», а показатель «Удельный вес домохозяйств, имевших доступ к сети Интернет» заменен на «Удельный вес домохозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет». С точки зрения авторов, первый показатель не является информативным в современных условиях. Более того, с развитием мобильных технологий, важных для успешной цифровой трансформации, значение наличия квартирного телефона год от года снижается. Так, если в 2005 году число квартирных телефонов на 1000 чел. городского и сельского населения составляло 226,6 шт., то уже к 2016 году снизилось до 157,6 шт.¹²

Относительно второго измененного показателя можно отметить, что, с точки зрения авторов, в условиях цифровой трансфор-

мации общества и экономики более важной становится доля населения, имеющего широкополосный доступ в интернет, поскольку удаленные формы обучения и работы предполагают хорошую пропускную способность каналов связи.

Далее на основании приведенных выше показателей с учетом корректировки были рассчитаны региональные индексы цифровой среды за 2016, 2017 и 2018 гг. Расчеты проводилось на основе данных Росстата за указанные годы¹³ и сборников, выпускаемых НИУ ВШЭ¹⁴. Для сопоставимости регионов, по которым зафиксированы значительные пропуски данных (Республика Крым и г. Севастополь, а также некоторые автономные округа), исключены из рейтинга.

Возникает вопрос о взаимосвязи уровня развития цифровой среды и динамики экономического роста. На начальном этапе исследований на панельных данных мы рассчитали корреляционную зависимость индекса развития цифровой среды и динамики валового регионального продукта (ВРП). Однако расчеты показали наличие очень слабой связи, а в некоторые годы ее полное отсутствие. Если же вместо индекса ВРП включить в исследование связанный с ним индекс производительности труда, то результаты расчетов позволяют предположить наличие зависимостей.

Как было сказано выше, производительность труда может рассчитываться по различным методикам. Были исследованы обе принципиальные возможности расчета: на одного занятого и на один отработанный человеко-час.

Для анализа авторы использовали ранговый коэффициент корреляции Спирмэна, поскольку распределение рядов производительности труда, рассчитанной по обеим методикам, отличается от нормального. Следовательно, использовать в расчетах коэффициент корреляции Пирсона представляется некорректным. Значения одновыбо-

¹² После 2016 года Росстат перестал публиковать информацию по данному показателю.

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 25.05.2020).

¹⁴ Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 321 с.; Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 269 с.; Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 250 с.

Таблица 1. Значения критерия Колмогорова – Смирнова для одной выборки

Год	Производительность	
	на 1 занятого	на 1 человеко-час
2016	2,62	2,80
2017	2,65	2,79
2018	2,66	2,78

Источник: рассчитано авторами.

рочного критерия Колмогорова – Смирнова, примененного нами для проверки выборок на принадлежность нормальному распределению (см., например, [23]), представлены в табл. 1.

Табличное значение $\lambda_{крит}$ стандартизованного критерия Колмогорова – Смирнова для одной выборки, используемого для проверки выборки на принадлежность (в нашем случае) нормальному распределению, на уровне значимости 0,05 для выборки размером более 35 единиц равно 1,36. Таким образом, результаты расчетов, показанные в табл. 1, позволяют сделать вывод о том, что распределение всех рядов существенно отличается от нормального. В связи с этим для расчетов авторы использовали ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа индексов цифровой среды, рассчитанных во временном интервале 2016–2018 гг., и производительности труда, реконструированной авторами по данным о номинальном ВРП в регионах, отработанном времени и численности занятых¹⁵. Расчет производился в программе SPSS, в табл. 2 приведены значения коэффициента корреляции Спирмена, соответствующие им значения уровня значимости¹⁶, а также значения коэффициентов

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа индексов цифровой среды и производительности труда

Показатель	ИЦС	Подиндекс		
		1	2	3
Производительность труда на 1 занятого, 2016				
R	0,67	0,61	0,58	0,42
α	0,00	0,00	0,00	0,00
Производительность труда на 1 человеко-час, 2016				
R	0,67	0,62	0,58	0,40
α	0,00	0,00	0,00	0,00
Производительность труда на 1 занятого, 2017				
R	0,64	0,58	0,64	0,31
α	0,00	0,00	0,00	0,00
Производительность труда на 1 человеко-час, 2017				
R	0,65	0,59	0,67	0,31
α	0,00	0,00	0,00	0,00
Производительность труда на 1 занятого, 2018				
R	0,64	0,56	0,70	0,35
α	0,00	0,00	0,00	0,00
Производительность труда на 1 человеко-час, 2018				
R	0,66	0,58	0,72	0,36
α	0,00	0,00	0,00	0,00

Источник: рассчитано авторами.

коррелции подиндексов, соответствующих группам показателей на рисунке.

Как следует из табл. 2, все коэффициенты корреляции являются значимыми и довольно большими по величине¹⁷. Величина коэффициентов корреляции для индекса развития цифровой среды не меняется от периода к периоду. Значение коэффициента корреляции для первого подиндекса, который показывает возможности доступа в интернет, примерно соответствует коэффициенту для ИЦС в целом. Величина его достаточно большая и в целом не вызывает вопросов.

¹⁵ Реконструкция понадобилась, поскольку в официальных данных Росстата не приводятся абсолютные значения производительности труда, а только ее динамика.

¹⁶ Уровень значимости в программе понимается как α -вероятность (вероятность отвержения правильной гипотезы) верности исходной нулевой гипотезы о незначимости коэффициента корреляции. Т. е. с вероятностью $1-\alpha$ верна альтернативная гипотеза о том, что коэффициент корреляции является значимым.

¹⁷ Коэффициент корреляции является значимым, если соответствующий ему уровень значимости критерия проверки коэффициента на значимость $\leq 0,05$. Величина же коэффициента корреляции при этом может быть разной. Это зависит от размера выборки. Для выборок среднего размера (от 50 до 200 единиц), как наша, коэффициенты корреляции $\geq 0,5$ скорее всего будут значимыми. Их можно считать «большими». Хотя для выборок маленьких размеров они могут оказаться недостаточно большими и, соответственно, незначимыми.

Однако если рассмотреть два других подиндекса, то обращает на себя внимание ситуация, при которой третий, включающий использование цифровой инфраструктуры предприятиями, демонстрирует существенно меньшую тесноту связи, чем корреляция с показателями второй группы, отражающими использование цифровой инфраструктуры населением.

Возможной причиной такой ситуации может явиться то обстоятельство, что ВРП, в который входят и результаты работы предприятий непродовольственных видов деятельности, во многом состоит из заработной платы работников. Реальные доходы населения формируются на основе заработной платы, которая составляет их значительную часть¹⁸, и влияют на возможности населения по использованию современной телекоммуникационной инфраструктуры, в то время как показатели использования цифровой среды во многом отражают ее состояние на крупных и средних предприятиях. В методических пояснениях Росстата указывается, что статистическая информация об использовании информационных и коммуникационных технологий в организациях практически всех видов экономической деятельности приводится по кругу обследуемых организаций без субъектов малого предпринимательства¹⁹, тогда как малый бизнес в большинстве своем сосредоточен в сфере обслуживания населения²⁰. Таким образом, статистика по юридическим лицам может быть искажена в зависимости от отраслевой структуры экономики того или иного региона.

Второй момент, который необходимо иметь в виду, это то, что до последнего вре-

мени основное внимание уделялось развитию цифровых технологий в государственном управлении, социальной сфере, а не в промышленности. Статистика использования ресурсов ИКТ в бизнесе была довольно скудной. Достаточно сравнить сборники, посвященные проблемам ИКТ, выпускаемые Росстатом совместно с НИУ ВШЭ: «Индикаторы цифровой экономики»²¹ и «Информационное общество в Российской Федерации»²² за ряд предыдущих лет. В последнее время ситуация со статистикой начинает улучшаться и сборники за последние годы становятся более информативными. Однако временной интервал одних и тех же показателей еще не достаточен для полноценного анализа динамики, поэтому в целях сопоставимости мы исходим из тех показателей, которые были доступны во все временные точки периода.

Более детальный анализ причин того, что индекс, учитывающий использование ИКТ населением, более коррелирован с производительностью труда, чем индекс, отражающий использование цифровой инфраструктуры предприятиями; можно провести, используя переменные второй и третьей подгрупп индекса.

Результаты корреляционного анализа для показателей 2-го и 3-го подиндекса индекса цифровой среды и производительности труда представлены в *табл. 3*.

Из *табл. 3* следует, что все показатели, включенные в подиндекс 2 (см. *рис.*) и характеризующие использование цифровой инфраструктуры населением, как и подиндекс в целом, имеют значимую и устойчивую связь с уровнем производительности труда в

¹⁸ По данным Росстата, доля заработной платы в денежных доходах населения в 1 квартале 2020 года составляла 63,0%. См.: Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления (новая методология). URL: https://gks.ru/storage/mediabank/urov_13kv-nm.xls (дата обращения 15.06.2020).

¹⁹ Методологические пояснения. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/IssWWW.exe/Stg/d03/22-00.docx (дата обращения 15.06.2020).

²⁰ По данным выборочного обследования Росстата, доля малых предприятий только в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов составляет 32,5%, в то же время в обрабатывающих производствах только 13,3%. См.: Россия в цифрах – 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_11/IssWWW.exe/Stg/d01/15-10.doc (дата обращения 15.06.2020).

²¹ Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 321 с.; Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 269 с.; Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 250 с.

²² Информационное общество в Российской Федерации – 2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13251> (дата обращения 15.06.2020).

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа составляющих индекса цифровой среды и производительности труда

	Подиндекс 2			Подиндекс 3					
	население, использовавшее сеть Интернет	число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, на 100 чел.	число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, на 100 чел.	удельный вес организаций, использующих широкополосный интернет	удельный вес организаций, использующих «облачные» сервисы	организации, имевшие веб-сайт, % от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ	использование электронного документооборота в организациях	организации, использовавшие специальные программные средства, % от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ	удельный вес населения, использующего интернет для заказа товаров, услуг, в общей численности населения в возрасте 15–74 лет
Производительность труда на 1 занятого, 2016									
R	0,57	0,39	0,34	0,40	0,25	0,33	0,12	0,24	0,56
α	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,28	0,03	0,00
Производительность труда на 1 человеко-час, 2016									
R	0,60	0,38	0,34	0,37	0,26	0,32	0,11	0,22	0,55
α	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,34	0,04	0,00
Производительность труда на 1 занятого, 2017									
R	0,35	0,41	0,57	0,19	0,21	0,23	0,02	0,16	0,55
α	0,00	0,00	0,00	0,09	0,06	0,04	0,89	0,14	0,00
Производительность труда на 1 человеко-час, 2017									
R	0,37	0,42	0,58	0,19	0,22	0,23	0,01	0,16	0,55
α	0,00	0,00	0,00	0,08	0,05	0,04	0,90	0,14	0,00
Производительность труда на 1 занятого, 2018									
R	0,35	0,35	0,64	0,20	0,20	0,20	-0,02	0,06	0,47
α	0,00	0,00	0,00	0,07	0,07	0,06	0,88	0,57	0,00
Производительность труда на 1 человеко-час, 2018									
R	0,39	0,35	0,65	0,21	0,21	0,21	-0,03	0,07	0,46
α	0,00	0,00	0,00	0,05	0,05	0,06	0,80	0,56	0,00

Источник: расчеты авторов.

регионах. При этом методика расчета производительности не оказывает влияния на результаты.

Любопытная картина складывается при рассмотрении первого и третьего показателей, включенных в группу «Население, использовавшее сеть Интернет» и «Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, на 100 чел.». Если в начале периода первый показатель имел более тесную связь с производительностью труда, то к концу периода они поме-

нялись местами.

Коэффициент корреляции показателя доли населения, использовавшего сеть Интернет, с производительностью труда снижается; а у мобильного широкополосного доступа коэффициент по величине растет. Это обстоятельство может объясняться комплексом причин. Во-первых, доля населения, использующего доступ в интернет, велика и продолжает расти²³, но ее рост уже не оказывает столь существенного влияния по сравнению с началом периода. Акцент в использовании интернета

²³ Так, по данным Росстата, доля населения, использовавшего сеть Интернет, в 2016 году составляла 76,4%, а в 2018 году – 83,8%. В некоторых регионах эта цифра приближалась к 90%. См. Регионы России. Социально-экономи-

смещается в сторону беспроводных технологий, что и отразилось в увеличении коэффициента при переменной, характеризующей мобильный широкополосный доступ.

Второй момент, который следует иметь в виду, состоит в том, что в современных условиях, и особенно в «посткоронавирусную эпоху», увеличивается роль новых форм занятости, таких как фриланс, различные формы удаленной работы²⁴. Это предъявляет повышенные требования к мобильности пользователя. Кроме того, новые формы занятости затрудняют возможность статистически учесть использование сети в личных и профессиональных целях, однако статистикой они учитываются как использование сети Интернет населением, а не предприятиями и организациями.

В третьей подгруппе не все показатели имеют значимые коэффициенты. Так, коэффициент корреляции при показателе «Использование электронного документооборота в организациях» является незначимым во все годы исследуемого периода. Это вполне объяснимо, если рассмотреть его более подробно. Несмотря на то, что системы электронного документооборота, предназначенные для обработки электронных документов и реализующие концепцию «безбумажного делопроизводства», способствуют внедрению современного управления информационными потоками и развиваются наиболее быстрыми темпами, основными потребителями систем является госсектор, а интерес со стороны государства обеспечивает устойчивость всего рынка²⁵. Таким образом, его влияние на рост производительности сильно ограничено. Колебания этого

показателя внутри России также велики, а сближение между наиболее «продвинутыми» и отстающими регионами почти не происходит. Так, в 2016 году различия между максимальным – 84,1 (Пермский край) и минимальным – 37,1 (Чеченская Республика) значениями составляли 2,27 раза, в 2018 году – 2,1 раза (84,5 – Пермский край и 40,0 – Чеченская Республика)²⁶.

Также являются либо незначимыми, либо очень небольшими по величине коэффициенты корреляции при показателе «Организации, использовавшие специальные программные средства (% от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ)». Росстат определяет специальные программные средства как «программные средства, используемые для решения задач определенного класса, независимо от того, разработаны ли эти программные средства собственными силами организации, приобретены у других разработчиков, выполнены по заказу организации сторонними фирмами или специалистами, либо получены в пользование на иных условиях»²⁷. Таким образом, специальные программные средства предназначены для автоматизации банковской деятельности, специализированных систем автоматизации торговых организаций, автоматизированных оформлений заказов, автоматизированных библиотечных систем, программ-переводчиков, словарей и других специальных программных средств. Все эти приложения также не могут напрямую оказывать влияние на динамику производительности труда, что и объясняет отсутствие значимой корреляционной связи. Кроме того, следует учесть, что доля организаций, использующих эти про-

ческие показатели – 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/19-09.docx (дата обращения 15.06.2020).

²⁴ На сайте РБК сообщается: эксперты портала «Работа.ру» выяснили, что доля россиян, работающих в компаниях, полностью перешедших на «удаленку» в апреле 2020 года, выросла с 3 до 14%. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/04/2020/5e94bb939a7947d83b0436cd> (дата обращения 11.07.2020).

²⁵ Электронный документооборот как способ оптимизации бизнес-процессов. URL: <https://www.kp.ru/guide/ielektronnyi-dokumentooBOROT-na-predpriyatii.html> (дата обращения 15.06.2020).

²⁶ Индикаторы цифровой экономики – 2019: стат. сб. / НИУ ВШЭ. 2019. С. 216–218.

²⁷ Форма федерального статистического наблюдения № 3-информ «Сведения об использовании информационных и коммуникационных технологий и производстве вычислительной техники, программного обеспечения и оказании услуг в этих сферах». URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mit7.htm (дата обращения 15.06.2020).

граммные средства, велика и рост ее очень незначительный. Так, в 2016 году в целом по России она составляла 84,7%²⁸, а в 2018 году – 85,9%²⁹, поэтому ее влияние не столь значительно.

Наибольшая корреляционная связь в третьей подгруппе имеется с тем показателем, который авторы отнесли к спросу на продукцию предприятий и организаций: «Удельный вес населения, использующего интернет (проценты): для заказа товаров, услуг, в общей численности населения в возрасте 15–74 лет». В тех же методических пояснениях Росстата указано, что в статистике учитываются только заказы, произведенные на сайтах по специальной форме. Заказы, сделанные, например, через электронную почту или другим способом с использованием сайта организации, не учитываются. Можно предположить, что реально процент заказов с использованием сайтов организации больше, и этот показатель оказывает более сильное влияние.

Какие выводы можно сделать из произведенного анализа? Прежде всего, необходимо констатировать, что региональная статистика, на которой базируются исследования авторов, требует расширения охвата. В такой протяженной стране, как Россия, для понимания ситуации недостаточно данных только на федеральном уровне.

Во-вторых, даже имеющиеся в наличии показатели, характеризующие уровень развития цифровой среды, сильно различаются по регионам.

В-третьих, на связь индексов цифровой среды с производительностью труда методология расчета последней оказывает минимальное влияние. Коэффициенты корреляции, рассчитанные по обеим методикам, почти совпадают. Это дает возможность использовать при дальнейших исследованиях более простой способ реконструкции региональной производительности

труда: ВРП на численность занятых в экономике региона.

В-четвертых, значение показателей, характеризующих широкополосный доступ в интернет, растет. Исследование продемонстрировало, что показатели, относящиеся к использованию сети населением, имеют более существенные связи с производительностью труда. А для показателей третьего подиндекса, отнесенных авторами к использованию интернета бизнесом, теснота связи в конце периода упала по сравнению с началом. Можно с некоторой уверенностью предположить, что гипотеза, вынесенная в начало статьи, не нашла подтверждения, и практическая реализация цифровизации в России в действительности ориентирована на непроектируемую сферу и госуправление, а не на промышленность. Исследователи отмечали [18], что в условиях, когда стране необходима структурная перестройка, учитывая «демографическую яму», в которой находится Россия³⁰, более предпочтительным является вариант развития цифровых технологий в реальном секторе экономики. К тому же сами цифровые технологии генерируют рабочие места по их эксплуатации, техническому обслуживанию, поддержке пользователей, сбыту. Однако этот вопрос требует дальнейших исследований и совершенствования статистических данных.

Работа, в которой используется оригинальная авторская методика, связанная с оценкой индексов цифровой среды регионов и анализом их взаимосвязи с уровнем производительности труда на основе экономико-статистических исследований, может быть полезна для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также широкого круга специалистов по экономике, занимающихся цифровой экономикой.

²⁸ Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 321 с.

²⁹ Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 250 с.

³⁰ По прогнозу Росстата, даже в среднем варианте прогноза Россию ожидает демографический спад до 2035 года. Только в оптимистическом варианте прогнозируется рост численности населения, но за счет миграции. См.: Изменение численности населения по вариантам прогноза. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/progn1.xls> (дата обращения 12.07.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Камаев В.Д. Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. М.: Мысль, 1977. 212 с.
2. Kuznets S. *Population Capital & Growth: Selected Essays*. W.W. Norton and Company, Inc., 1980. 342 p.
3. Swan T.W. Economic growth and capital accumulation. *Economic Record*, 1956, vol. 32 (2), pp. 334–361. DOI: j.1475-4932.1956.tb00434
4. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1956, vol. 70, no. 1, pp. 65–94. DOI: 10.2307/1884513
5. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94 (5), pp. 1002–1037. DOI: 10.1086/261420
6. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 288 с.
7. Канева М.А., Унтура Г.А. Эволюция теорий и эмпирических моделей взаимосвязи экономического роста, науки и инноваций. Ч. 1 // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 5–21. DOI: 10.25205/2542-0429-2017-17-4-5-21
8. Канева М.А., Унтура Г.А. Эволюция теорий и эмпирических моделей взаимосвязи экономического роста, науки и инноваций. Ч. 2 // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 5–17. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-1-5-17
9. Ноткин А.И. Интенсификация и эффективность расширенного воспроизводства // Вопросы экономики. 1981. № 9. С. 86–96.
10. Анчишкин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М.: Экономика, 1973. 296 с.
11. Коссов В.В. Показатели роста и развития экономики // Вопросы экономики. 1975. № 12. С. 34–45.
12. Анчишкин А.И., Яременко Ю.В. Темпы и пропорции экономического развития. М.: Экономика, 1967. 210 с.
13. Ивантер В.В. Механизмы экономического роста // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. № 3. С. 24–35. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-24-35
14. Узяков М.Н. Экономический рост в России: количественная и качественная составляющие // Проблемы прогнозирования. 2004. № 3. С. 15–27.
15. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. *Technology and the Future of Work Aggregate Employment Effects of Digitization*. Available at: http://conference.iza.org/conference_files/MacroEcon_2018/zierahn_u25158.pdf (accessed 25.06.2020).
16. Gerten E., Beckmann M., Bellmann L. *Controlling working crowds: The impact of digitalization on worker autonomy and monitoring across hierarchical levels*. Available at: http://conference.iza.org/conference_files/MacroEcon_2018/gerten_e26680.pdf (accessed 25.06.2020).
17. Kapeliushnikov R. The phantom of technological unemployment. *Russian Journal of Economics*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 88–116.
18. Ахапкин Н.Ю., Волкова Н.Н., Иванов А.Е. Развитие цифровой экономики и перспективы трансформации российского рынка труда // Вестн. ИЭ РАН. 2018. № 5. С. 51–65. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00004
19. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. Т. 32 (383). С. 2–13.
20. Максимова Т.Г., Попова И.Н. Статистическое оценивание цифровой трансформации экономики Российских регионов // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 1. С. 52–60. DOI: 10.17586/2310-1172-2019-12-1-181-185

21. Миролубова Т.В. Производительность труда в регионах России: пространственные аспекты и взаимосвязь с информационными ресурсами // Вестн. Пермск. ун-та. Экономика. 2016. Вып. 3 (30). С. 120–131. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-3-120-131
22. Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Развитие цифровой среды российских регионов // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 38–52. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2
23. Дубина И.Н. Математико-статистические методы в эмпирических и социально-экономических исследованиях. М.: Финансы и статистика, 2010. 413 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Николаевна Волкова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: lituk.n@gmail.com

Эвелина Игоревна Романюк – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: romvel57@yandex.ru

Volkova N.N., Romanyuk E.I.

INTERCONNECTION BETWEEN THE LEVEL OF DIGITAL ENVIRONMENT DEVELOPMENT AND LABOR PRODUCTIVITY

The purpose of the article is to analyze the presence and a degree of dependence of digital development levels and labor productivity on the basis of data on digital infrastructure development and labor productivity in entities of the Russian Federation. The authors' calculations were based on official statistical information available on the website of Federal State Statistics Service and collections published by Rosstat in association with NRU HSE. The relevance of the research is caused by the fact that, in conditions of digital transformation of the economy, the identification of the interconnection between the level of digital environment development and labor productivity makes it possible to develop more reasonable management decisions. The level of digital environment development was assessed on the basis of an objective criterion, proposed by the authors, which allows assessing its state in the regional context. The index includes three sub-indices that characterize a possibility of physical access to telecommunications networks, a degree of this infrastructure usage by population, and indicators that reflect changes in infrastructure which are necessary for modern production. The level of labor productivity was reconstructed by the authors on the basis of two most common methods of its calculation: per person employed in the economy and per man-hour worked. Various economic and mathematical methods of analysis, correlation analysis in particular, were used. As the result, the authors came to conclusions that indicators, related to the digital infrastructure usage by population, have more significant links with labor productivity. It confirms a thesis that the digitalization strategy in the country is aimed at the non-production sphere and state management, not at the industry. The scientific novelty of the research is that the authors use economic and mathematical methods to assess the results of digitalization.

Digital economy, infrastructure, regional development, comparative analysis, labor productivity.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nataliya N. Volkova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences”. 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: lituk.n@gmail.com

Evelina I. Romanyuk – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences”. 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: romvel57@yandex.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.8

УДК 330.59 | ББК 65.9(2Рос)-94

© Вяльшина А.А.

СЕЛЬСКИЕ МАЛОИМУЩИЕ СЕМЬИ И ИХ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ВЯЛЬШИНА

Институт аграрных проблем Российской академии наук

Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

E-mail: anvyal@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6723-5961; ResearcherID: V-5999-2018

Повышение уровня и качества жизни семей с детьми является важнейшим приоритетом государственной политики в России. В сельской местности эта проблема стоит особенно остро. Низкие доходы большинства сельских домохозяйств ограничивают устойчивое развитие сельских территорий, создают риски для формирования человеческого капитала современного села, способствуют депопуляции деревни. Основная цель работы состоит в выявлении различий в возможностях для детей из бедных и небедных домохозяйств на основе анализа факторов бедности сельских семей с детьми до 18 лет. Обобщение теоретических подходов к анализу факторов бедности применительно к сельским домохозяйствам и механизмов влияния денежных доходов семьи на развитие детей позволяет глубже понять предпосылки возникновения различий в возможностях для сельских детей из разных семей. Информационную базу работы составляют итоги Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проведенного Росстатом в 2017 году, а также Социологического исследования факторов многокритериальной бедности – 2017, осуществленного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Результаты исследования показывают, что члены малоимущих домохозяйств характеризуются более низким уровнем образования, реже имеют оплачиваемую занятость, больше ориентируются на собственное подсобное хозяйство и чаще обращаются за социальной помощью к государству, что выражается в особой структуре источников доходов. Малоимущие семьи сталкиваются с трудностями в балансировании семейного бюджета, вынуждены трансформировать модели потребления продуктов питания, откладывать покупку товаров длительного пользования и проведение досуга. Эти ограничения напрямую влияют на качество жизни сельских детей. Подчеркивается, что одним из механизмов повышения качества жизни

Для цитирования: Вяльшина А.А. Сельские малоимущие семьи и их возможности для развития детей // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 124–138. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.8

For citation: Vyal'shina A.A. Rural poor families and their opportunities for children development. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 124–138. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.8

сельских семей с детьми должен стать выявительный принцип оказания социальной поддержки семьям с детьми на основе систематизации нуждающихся домохозяйств по ключевым проблемам их жизнедеятельности, который обеспечит принцип адресности и повысит эффективность реализуемых мероприятий.

Сельские семьи с детьми, малоимущие домохозяйства, устойчивое развитие сельских территорий, человеческий капитал сельских территорий.

Введение

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию в январе 2020 года было сказано, что на сегодняшний день в России присутствует «... острейшая проблема, являющаяся прямой угрозой нашему демографическому будущему, – это низкие доходы значительной части наших граждан, семей»¹. Семьи с детьми концентрируют в себе потенциал будущего социально-экономического развития страны, представляют собой основу формирования и развития человеческого капитала России. Как свидетельствуют данные Росстата, в 2017 году более четверти (26%) российских детей проживали в семьях с уровнем дохода ниже прожиточного минимума². Главными проблемами российских семей с детьми являются существенное снижение уровня жизни при рождении ребенка, малодоступность рынка жилья, сложности совмещения занятости и семейных обязанностей для женщин, неразвитость инфраструктуры помощи материнству и детству. В сельской местности эти проблемы усугубляются отсутствием возможностей трудоустройства, узостью сфер приложения труда, ограниченной доступностью качественных услуг здравоохранения и образования. В этих условиях расширенное воспроизводство сельского населения и эффективное формирование человеческого капитала села представляет серьезную проблему.

Сокращение сельскохозяйственного производства, низкий уровень и качество жизни сельских жителей, депопуляция села и умирание деревень – это последствия наиболее острых социально-экономических

проблем в сфере развития сельских территорий. Многочисленные эксперты сходятся во мнении, что вследствие этих негативных процессов снижается устойчивость системы расселения и национальной безопасности (см., например, [1]). Повышение уровня доходов сельского населения выступает основным фактором устойчивого развития и социального благополучия сельских территорий [2]. Проблема низких доходов сельских семей и, как следствие, оттока населения в города напрямую затрагивает процессы формирования человеческого капитала современных сельских территорий страны [3]. По данным Росстата, в России на 1 января 2019 года проживало около 7,5 млн сельских детей до 16 лет³. Это 20,1% всего сельского населения страны, 27,4% детского населения России. Низкий уровень жизни сельских семей обуславливает дифференциацию стартовых возможностей детей из разных социально-демографических типов домохозяйств. Это, в свою очередь, укореняется в системе жизненных ценностей через освоение культуры бедности и проявляется в будущем через соответствующие модели трудового, брачного, потребительского и самосохранительного поведения. В связи с этим исследование, посвященное анализу особенностей формирования человеческого капитала детей из разных социально-демографических типов домохозяйств, позволят понять механизмы возникновения различий в развитии детей и компенсировать риски и ограничения родительских практик, что будет способствовать разработке целенаправленных мер поддержки для семей с детьми, повы-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию – 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

² Четверть детей оказались за чертой бедности. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/08/2019/5d4985b39a79472d5365f1fd>

³ Федеральная служба государственной статистики. Распределение населения по возрастным группам. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781>

шая эффективность системы государственной социальной поддержки.

Цель нашего исследования – выявление факторов бедности сельских семей с детьми до 18 лет и обусловленных ими различий в возможностях для детей из бедных и небедных домохозяйств. Основные задачи: 1) анализ социально-экономического положения сельских малоимущих домохозяйств с несовершеннолетними детьми; 2) анализ имущественной обеспеченности малоимущих семей с детьми; 3) оценка финансовых возможностей и ограничений малоимущих семей с детьми. Научная новизна работы заключается в изучении предпосылок для формирования бедности сельских семей с детьми до 18 лет и выявлении различий в возможностях для детей, проживающих в бедных и небедных семьях. Полученные результаты внесут вклад в развитие исследований в направлении анализа влияния текущего неравенства на социальную мобильность, а также помогут выявить различия в условиях формирования человеческого капитала детей. Практическая значимость исследования заключается в возможностях совершенствования инструментов социальной поддержки семей с детьми на основе применения дифференцированного подхода (в пространственном отношении и в отношении различных социально-демографических типов семей).

Теоретико-методологические основы исследования

В многочисленных исследованиях стратификации российского общества неоднократно обращалось внимание на факторы бедности, особенности социальной дифференциации в разрезе различных социальных групп, анализ динамики этого явления. В значительной части работ в качестве одного из важнейших факторов бедности названо проживание в сельской местности. Некоторые авторы указывают на «сельское лицо» российской бедности, имея в виду очень высокую вероятность попадания сельских жителей в группу бедных «по доходам» [4, с. 118]. Во многих

исследованиях [5–7] особая роль в доходной стратификации общества отводится факторам, связанным с составом домохозяйств. Авторы, работающие в этом направлении, подчеркивают, что высокая иждивенческая нагрузка не только уменьшает текущие ресурсы домохозяйства, но и ограничивает возможности накопления и инвестирования этих ресурсов. К значимым факторам относится в первую очередь наличие в семье детей до 18 лет и неработающих членов в трудоспособном возрасте [8]. При этом особо отмечается, что «... дети из сельской местности ... являются очень уязвимой категорией.... Риск хронической бедности для них чрезвычайно велик...» [9, с. 124]. Опасность такого положения заключается в нехватке ресурсов, низком качестве жизни, усвоении культуры бедности, а также формировании соответствующего типа мышления с преобладанием внешнего локус-контроля. Большинство представителей бедных слоев населения считают, что значимо повлиять на свою жизнь они не могут и поэтому нет смысла прикладывать усилия и планировать ее [10, с. 51].

Важную роль в доходной дифференциации играют факторы, связанные с условиями социализации человека и его ближайшим окружением. Социальный статус родителей, индикатором которого обычно служит уровень их образования или профессиональный статус, влияет на специфику усвоенных индивидом норм, ценностей, поведенческих паттернов, отношение к труду и знаниям, обуславливает модели финансового поведения [11; 12] и ресурсы социального капитала [13]. В этом контексте особый интерес представляет анализ возможностей для оценки неравенства в доходах. Лауреаты Нобелевской премии Дж. Хекман и Дж. Стиглиц привлекают внимание к проблемам роста неравенства возможностей различных социальных групп населения в последние десятилетия на основе различий в объемах и структуре человеческого капитала индивидов. Они считают, что различия в возможностях начинаются с неравного развития детей в раннем возрасте и диффе-

ренциации инвестиций со стороны родителей, нарастают из-за неравных вложений в образование самих родителей, создавая неравенство трудовых доходов, которые в совокупности способствуют неравной отдаче от человеческого капитала в будущем. При этом на каждом этапе неравенство родительских ресурсов транслируется в неравенство результатов детей [14; 15].

Дж. Стиглиц и Р. Канбур отмечают, что в основе так называемого «генетического» неравенства (то есть неравенства, передаваемого по наследству от родителей к детям) лежит неравенство родительских ресурсов, происходящее, с одной стороны, из различий в обладании физическим и финансовым капиталом, а с другой – из-за неравенства в накопленном человеческом капитале и возможностях его конвертации в экономические ресурсы. По их мнению, подобное неравенство человеческого капитала родителей транслируется из поколения в поколение, увековечивая себя [16]. Ряд отечественных ученых успешно доказывают объяснительную силу этого подхода для анализа уровня доходов у выпускников вузов отдельных регионов современной России [17] и занятых Северо-Западного федерального округа [18].

В современных научных исследованиях распространены три основных теоретических подхода к анализу механизмов влияния дохода на благополучие детей. Первый подход объясняет влияние семьи на результаты детей в рамках психологии развития. Согласно ему бедные семьи испытывают больше стресса в ежедневной жизни по сравнению с более обеспеченными домохозяйствами. Г. Элдер разработал модель «семейного стресса» для научного доказательства влияния финансово-экономических трудностей на семейное благополучие в период Великой депрессии, показывающую, что бедные домохозяйства сталкиваются с экономическим давлением при поиске оптимальных стратегий обеспечения материального благополучия своей семьи, что обуславливает высокий уровень психологического стресса, тревогу и неприязненные чувства. Модель семейного стресса описыва-

ет эмоциональные механизмы, посредством которых деньги могут влиять на результаты детей. Многочисленные исследования свидетельствуют, что бедность воздействует на психическое состояние родителей и качество отношений между ними, провоцируя конфликты и трудности с воспитанием детей [19; 20]. Подобные психологические трудности в семье негативно влияют на образовательные и коммуникативные возможности детей, их шансы на успехи в будущем, состояние здоровья, а также социальные и межличностные отношения. Зачастую родительский конфликт рассматривается как центральный механизм или предшественник плохого воспитания и отрицательных результатов ребенка.

Исследования в сфере поведенческой экономики расширили модель семейного стресса и доказали, что бедность и дефицит ресурсов не только провоцируют психологический стресс, но и истощают важные когнитивные ресурсы. Было доказано, что принятие экономических решений в условиях нехватки ресурсов уменьшает эффективность контроля собственного поведения у взрослых, снижая возможность постановки долгосрочных целей и успешного их достижения. При этом психологический стресс влияет на внутрисемейные и детско-родительские отношения. Нехватка денег обуславливает появление враждебности и роста конфликтности супругов, они отдаляются друг от друга. Поведение таких родителей по отношению к детям становится более жестким, непоследовательным, общение разрозненным, чаще применяются наказания при нехватке времени для воспитания, поощрения и сниженной реакции на детские нужды [21]. Это порождает ответную стрессовую реакцию детей, нанося вред их развитию.

Влияние окружающей среды на детей из малообеспеченных семей по сравнению с более обеспеченными сверстниками проявляется также в зачастую плохом качестве жилого помещения и придомовой территории, соседстве с асоциальным окружением, они чаще испытывают дома вредное воздействие курения родителей. Эти условия

окружающей среды создают психологический и эмоциональный стресс в жизни детей из бедных семей, затрагивающий их социально-эмоциональное, физическое, когнитивное и интеллектуальное развитие [22].

В экономических исследованиях влияние дохода на развитие детей анализируется на основе теории производства в домохозяйстве. Г. Беккер в «Трактате о семье» впервые показал, что «качество» детей зависит от комбинации исходных характеристик детей (наследственность, состояние здоровья, способности и склонности) и родительских инвестиций [23; 24]. Инвестиционная модель предполагает, что деньги влияют на результаты детей через способность родителей инвестировать в товары и услуги, которые способствуют здоровому развитию ребенка, например, качественное ближайшее окружение, облегчающее обучение через книги, развивающие игрушки и благоприятное пространство для учебы; внеклассные мероприятия и поездки; здоровое питание, спортивные клубы и качественное жилье. Экономисты считают, что время и деньги являются основными ресурсами родительских инвестиций в детей, которые многократно усиливают развитие детей наравне с родительским вниманием. При этом теория семейного производства предполагает, что дети из бедных семей отстают от своих сверстников из более обеспеченных домохозяйств из-за меньшего количества инвестиционных ресурсов у их родителей. Такой подход является концептуальной основой для анализа взаимосвязи семейного дохода, родительских расходов на детей и достижений детей [25].

Суть социологического подхода состоит в том, что социальные нормы и модели поведения бедных семей и сообществ обуславливают будущие результаты детей. Согласно модели «культуры бедности», предложенной О. Льюисом, бедные индивиды или домохозяйства не имеют возможностей для восходящей социальной мобильности по причине экономической депривации, что обуславливает их поведение и соответствующую систему жизненных ценностей. В связи с этим

культура бедности характеризуется слабым социальным контролем, неспособностью противостоять лишениям, наличием чувства беспомощности и неполноценности. О. Льюис считал, что подобные ценности и модели поведения передаются будущим поколениям и, следовательно, являются причинами бедности: «Дети трущоб к возрасту 6–7 лет, как правило, усваивают основные ценности и взгляды их субкультуры и психологически не приспособлены к тому, чтобы воспользоваться изменением условий или расширением возможностей» [26, с. 189].

Некоторые исследователи [27] фиксируют различия в моделях родительского поведения в семьях с разным уровнем дохода. В обеспеченных домохозяйствах детям придается особое значение, они представляют собой некий проект для развития, интересам которого подчинена деятельность всех членов семьи. В то же время в бедных семьях родители озабочены банальным обеспечением безопасности детей и соблюдением дисциплины, регулируя их поведение в определенных областях в определенные моменты. Они очерчивают детям границы дозволенного поведения и позволяют им самостоятельно принимать решения в пределах этих границ. Эти исследования обозначили так называемые модели родительства. Высоко- и среднеобеспеченные семьи применяют модель «целенаправленного культивирования», стимулирующую учебную деятельность, социальные взаимодействия, усиливающие социальное и когнитивное развитие детей. В противоположность ей модель «естественного развития», применяемая в бедных семьях, зачастую нацелена на обеспечение базовых потребностей (еда, тепло, уют). Такие значительные культурные различия дают неоспоримые преимущества детям из обеспеченных семей, внося свой вклад в межпоколенное транслирование стандартов бедности.

Очевидно, что представленные модели родительства являются идеальными исследовательскими типами родительских практик. Однако данная культурная теория расширяет подход ресурсов и инвестиций,

объясняя происхождение различий в родительских практиках дифференциацией доходов домохозяйств через принадлежность к определенному социальному классу. При этом часть различий возникает из принципиально несовпадающих представлений родителей об эффективных родительских практиках, стандартах качества жизни детей, о необходимом наборе благ и услуг для успешного будущего. Такие убеждения вряд ли изменятся в ответ на изменения доходов домохозяйств, вызванных совершенствованием инструментов социальной и семейной политики.

Информационная база и методология исследования

Информационную базу исследования составляют результаты Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах – 2017, проведенного Росстатом⁴. Выборка репрезентирует население в целом по Российской Федерации, городским и сельским поселениям с различной численностью населения, по отдельным социально-демографическим группам населения и домашних хозяйств. В соответствии с целями исследования была сформирована подвыборка, состоящая из 49848 сельских домохозяйств, в составе которых 14266 имеют совместно проживающих детей в возрасте до 18 лет (28,6%). Также в нашей работе используются результаты Социологического исследования факторов многокритериальной бедности – 2017, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС⁵, обеспечивающие более глубокое изучение отдельных возможностей для детей (имущество, посещение развивающих занятий и детских мероприятий, качество жилья). В соответствии с целями работы была сформирована подвыборка, состоящая из 1171 сельского жителя, в составе которых 794 респондента имеют совместно

проживающих детей в возрасте до 18 лет (67,8%). Выделение бедных домохозяйств осуществлялось по единой методике в обеих подвыборках. Анализ динамики изменения доли малоимущих сельских домохозяйств за 2017–2019 гг. показывает, что отношение среднедушевых совокупных доходов к прожиточному минимуму составляло за этот период 1,17–1,19, а доля малоимущего населения в сельских домохозяйствах оставалась в пределах 45,7–47,1%. Отсутствие значительных различий в динамике показателей бедности за 2017–2019 гг. свидетельствует о стабильности и однородности группы бедных домохозяйств, что определяет корректность использования данных за 2017 год. Интерпретация полученных результатов осуществлялась с помощью пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Объектом исследования являются сельские семьи, имеющие совместно проживающих детей до 18 лет. Эмпирический анализ осуществляется на основе данных Выборочного наблюдения доходов населения с основной единицей анализа – домохозяйством. Главное отличие семьи от домохозяйства заключается в том, что домохозяйство может формировать один человек или коллективы, не имеющие кровного родства, в то время как семья – это всегда группа лиц, связанных между собой кровным родством, браком, живущих вместе. В соответствии с этим подходом в нашем исследовании выделена подвыборка, ключевым условием отнесения к которой стало наличие и совместное проживание несовершеннолетних детей.

Мы используем официально принятый абсолютный монетарный подход к анализу бедности, когда малоимущими (бедными) признаются те, кто проживает в домохозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (ПМ). Это один из множества индикаторов, применяемых для оценки бедности

⁴ Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах – 2017, проведенное Росстатом. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html (дата обращения 12.11.2019).

⁵ Социологическое исследование факторов многокритериальной бедности – 2017, проведенное Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/83-sotsiologicheskoe-issledovanie-faktorov-mnogokriterialnoj-bednosti-2017> (дата обращения 12.03.2020).

в мировой и российской практике, к тому же он регулярно рассчитывается в России и позволяет осуществлять постоянный мониторинг абсолютной монетарной бедности в стране [28, с. 37]. Абсолютный подход к бедности подразумевает соотнесение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума. Сельские домохозяйства с детьми делятся на две группы на основании такого сравнения: семьи, имеющие ежемесячные среднедушевые денежные доходы на уровне до величины прожиточного минимума (относящиеся к малоимущим, а по сути к бедным), и семьи, имеющие доходы выше прожиточного минимума (для простоты именуемые нами небедными). Величина прожиточного минимума в среднем за год по всему населению на момент исследования составляла 9828 руб.⁶

Главными факторами доходной дифференциации являются состав домохозяйства, его структура, статус занятости и число работающих взрослых, уровень образования. Этими параметрами определяется состав источников доходов домохозяйства, его иждивенческая нагрузка, финансовые возможности и модели потребительского поведения, обуславливающие тот или иной уровень располагаемых ресурсов. Сравнительный анализ этих характеристик в разных типах домохозяйств позволит выявить факторы уязвимости низкого материального положения бедных семей по сравнению с небедными и обосновать инструменты повышения их уровня благополучия. Проблема финансовых возможностей и ресурсов сельских семей с детьми имеет важное значение в связи с созданием предпосылок для формирования человеческого капитала сельских детей. Очевидно, что финансовые ограничения, требующие изменения структуры расходов семьи, моделей потребления, изменения потребительских предпочтений, затрагивают благополучие детей и определяют особенности формирования их человеческого капитала.

Результаты и обсуждения

Среди сельских семей с детьми около 66,4% имеют среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, в то время как среди семей, не имеющих совместно проживающих детей до 18 лет, только 33,1%. В составе бедных по доходам сельских семей с детьми около 40,6% однодетных, 38,1% – двухдетных и 21,3% – многодетных.

Главными источниками доходов семей, проживающих в сельской местности, являются зарплата у тех, кто имеет оплачиваемую занятость; социальные выплаты (пособия, пенсии, доплаты); продажа сельскохозяйственной продукции, произведенной на своем участке. В составе бедных домохозяйств среднее число работающих членов семьи ниже по сравнению с небедными (1,22 и 1,62 соответственно) (табл. 1). В бедных домохозяйствах в среднем 1,02 неработающих взрослых и 0,41 пенсионеров. В составе бедных семей в три раза выше доля тех домохозяйств, среди членов которых нет работающих взрослых (16,7% по сравнению с 5,8% среди небедных). Около 47,9% из них имеют одного работающего, еще 32,2% – двоих. Среди небедных домохозяйств каждое третье имеет одного работника, более половины – двоих, еще 7,5% – троих и более. В большей части из них все взрослые члены семьи характеризуются наличием оплачиваемой занятости (54,1%).

Кроме того, семьи, относящиеся к категории бедных, являются более многочисленными по сравнению с небедными. В них среднее число членов составляет 4,26 чел., среднее число детей до 15 лет – 1,81. В составе небедных домохозяйств в среднем проживает 3,81 чел., число детей до 15 лет – 1,39. В составе однодетных семей бедные домохозяйства занимают 33,9%, среди двухдетных – 47,1%, среди многодетных – 64,0%, среди неполных семей – 43,9%.

Анализ уровня образования опрошенных членов семей показывает, что для лиц из бедных домохозяйств характерен более

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Величина прожиточного минимума. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397>

Таблица 1. Характеристики сельских домохозяйств с детьми до 18 лет

	Небедные семьи	Бедные семьи
Уровень образования опрошенного члена домохозяйства, % от числа ответивших		
Высшее	28,5	12,8
Среднее профессиональное	37,2	34,5
Начальное профессиональное	11,5	12,7
Среднее общее и ниже	22,8	40,0
Доля семей, имеющих разное число работающих членов семьи, % от числа ответивших		
Нет работающих членов семьи	5,8	16,7
Один	35,4	47,9
Два	51,3	32,2
Три и больше	7,5	3,3
Средние значения показателей состава семей с детьми и их доходов		
Среднее число членов семьи, чел.	3,81	4,26
Среднее число работающих членов семьи, чел.	1,62	1,22
Среднее число неработающих в трудоспособном возрасте, чел.	0,63	1,02
Среднее число пенсионеров в семье, чел.	0,57	0,41
Среднедушевые денежные доходы в месяц, руб.	16 112	6 766
Рассчитано по: данные Выборочного наблюдения доходов домохозяйств и участия в социальных программах – 2017.		

низкий уровень образования по сравнению с небедными семьями. Только 12,8% глав бедных домохозяйств имеют высшее образование, 34,5% – среднее профессиональное, 12,7% – начальное профессиональное, 40,0% – не имеют профессии, а только среднее общее образование и ниже. У глав домохозяйств в небедных семьях в два раза чаще отмечено наличие высшего образования (28,5%), 37,2% – среднего профессионального, еще 11,5% – начального профессионального; около 22,8% глав небедных семей не имеют профессии.

Согласно полученным данным, среднедушевые совокупные доходы бедных семей с детьми составляли в среднем 6766 руб. (0,69 от величины прожиточного минимума в среднем по России на момент опроса). В табл. 2 представлен состав среднедушевых денежных доходов сельских семей с детьми до 18 лет в месяц. Полученные расчеты позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, в структуре доходов бедных семей доходы от трудовой занятости составляют 66,1%, в то время как их доля у небедных семей

выше (71,2%). Проведенный анализ показывает, что небедные домохозяйства чаще имеют доходы от предпринимательской деятельности и сдачи собственности в аренду. Данный факт обусловлен освоенными в домохозяйствах разного типа моделями обеспечения материального благополучия. Во-вторых, у бедных семей в составе доходов около 33,5% занимают социальные трансферты от государства, выплачиваемые в основном в качестве пенсий всех видов и социальных выплат на детей (у небедных 28,3%). Пособия и выплаты на детей получают 64,7% бедных и 38,8% небедных домохозяйств. Бедные семьи чаще имеют пособия по безработице. В-третьих, более высокие уровни занятости взрослых членов небедных семей обеспечивают большие суммы подоходного налога, в то время как бедные домохозяйства больше получают от государства. Указанный факт поднимает вопрос о социальной справедливости по отношению к благополучным небедным семьям с детьми, требующий разработки отдельных инструментов для их дальнейшего социального развития.

Таблица 2. Состав денежных доходов сельских семей с детьми до 18 лет (в среднем на члена домохозяйства в месяц), руб.

Доход	Бедные семьи	Небедные семьи
Денежный доход, всего	5661	14885
в т. ч. доход от оплачиваемой занятости	3741-66,1	10608-71,3
Доход от самозанятости	310	814
Доход от другой нерегулярной трудовой деятельности	81	172
Доход от собственности	21	59
Трансферты полученные, всего	1898-33,5	4218-28,3
в т. ч. пенсии всех видов	956	1686
Пособия и выплаты на детей	405	382
Трансферты переданные	443	1332
в т. ч. подоходный налог	359	1171
Располагаемый денежный доход	5218	13554
Располагаемый совокупный доход (отличается от располагаемого денежного дохода суммой всех натуральных поступлений, эквивалентом чистого дохода от проживания в собственном жилье, суммой социальных льгот, компенсаций и других видов помощи в денежном эквиваленте)*	6766	16112
* Порядок агрегирования компонентов доходов, наблюдаемых в программе выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, в показатели общего объема денежных (совокупных) доходов. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html Рассчитано по: данные Выборочного наблюдения доходов домохозяйств и участия в социальных программах – 2017.		

Уровень сформированного родительского человеческого капитала семей с детьми, выражаемого через совокупность таких характеристик, как уровень образования, статус и отрасль занятости, профессионально-квалификационная группа, обуславливает не только состав и структуру источников доходов семьи, но и имущественную обеспеченность, а также освоенные модели потребительского поведения. Уровень денежных доходов семей с детьми в значительной степени зависит от отрасли занятости главы домохозяйства. Главы бедных семей чаще небедных заняты в сельском и лесном хозяйстве (19,9 и 13,3% соответственно) и образовании (13,7 и 11,5%). В небедных домохозяйствах главы семей чаще являются работниками отраслей добывающей и перерабатывающей промышленности (20,7%), финансового и страхового секторов (9,8%), государственного управления и обеспечения безопасности (7,5%), строительства (7,4%). Кроме того, главы небедных домохозяйств гораздо чаще занимают позиции специалистов высшего (20,7%) и среднего (12,9%)

уровня квалификации, несколько реже руководящие должности (4,9%), в то время как для глав бедных домохозяйств больше свойственны должности работников сферы обслуживания, торговли (16,5%), квалифицированных работников сельского хозяйства (20,3%), а также неквалифицированных рабочих различных отраслей (20,9%).

Имущественная обеспеченность небедных и бедных семей с детьми характеризуется наличием дорогостоящих и узкоспециализированных товаров длительного пользования (компьютеров и легковых автомобилей). Более привычные товары, такие как телевизор, стиральная машина, холодильник, есть у подавляющего большинства семей с детьми вне зависимости от их материального положения. Домашний компьютер имеют 84,1% небедных семей и 60,4% бедных домохозяйств, легковой автомобиль – 45,4% бедных и 61,7% небедных домохозяйств. Наличие собственного жилья является важным фактором имущественной обеспеченности семей с детьми и индикатором качества их жизни. Бедные

семьи чаще проживают в частных домах или части дома, в то время как небедные – в квартирах. При этом небедные семьи чаще, чем бедные, имеют жилье в собственности. Около 59,8% небедных семей считают качество своего жилья хорошим, 35,2% – удовлетворительным. Около 84,2% из них имеют в домах водопровод, 72,8% – канализацию, 42,9% – централизованное отопление. Около 23,9% респондентов указали, что их жилье требует капитального ремонта.

Условия проживания бедных семей с детьми несколько хуже. Менее половины из них считают условия своего проживания хорошими (47,0%), еще 44,7% – удовлетворительными. Только три четверти из них имеют водопровод (75,0%), около трети – центральное отопление, 60,5% – канализацию. Около 7,0% из них указывают на сложности с поддержанием комфортной температуры зимой (более 20 градусов), причем половина из них – не по причине отсутствия денег, а, вероятно, из-за ненадлежащего качества внутридомовых коммуникаций. Около 52,2% бедных семей с детьми говорили о необходимости капитального ремонта их нынешнего жилья.

Наличие специализированного имущества для детей⁷ (книг, игрушек, обучающих программ, принадлежностей для активного отдыха) незначительно отличается в разных типах семей по причине приоритетности товаров для детей в структуре потребления. Даже при наличии финансовых ограничений обычно товарами для детей «жертвуют» в последнюю очередь. Эти товары имеют 95,3–97,1% небедных семей с детьми, среди бедных несколько ниже доля тех, у кого есть обучающие программы, игры (настольные, компьютерные) и книги. Около 13,3% бедных семей с детьми не имеют принадлежностей для активного отдыха детей. Аналогичным образом абсолютное большинство семей проводят детские праздники

для детей с приглашением друзей, знакомых, родственников, на этом не экономят. Однако наибольшие различия между бедными и небедными семьями с детьми наблюдаются в части посещения дополнительных занятий (кружков, секций) и участия в платных школьных мероприятиях (поездках, экскурсиях). В составе бедных семей посещают дополнительные занятия дети из 45,3% домохозяйств, могут позволить себе поездки на школьные выездные мероприятия 43,6% семей. Среди небедных домохозяйств удельный вес посещающих кружки и секции составляет 60,4%, участвующих в школьных мероприятиях – 61,6%.

Бедные домохозяйства вынуждены перераспределять свои доходы в сторону расходов на питание. Хотя около 72,0% из них указали, что имеют собственное подсобное хозяйство, где 93,6% выращивают овощи и фрукты, а 49,3% – скот и птицу только для собственного потребления, у многих из них расходы на питание составляют значительную часть семейного бюджета. Только 18,0% тратят на питание до половины семейного бюджета в месяц, 35,9% – около половины. Еще 19,4% вынуждены расходовать на питание от половины до двух третей доходов, каждая пятая семья – более двух третей. Среди небедных домохозяйств до половины бюджета на питание тратят 47,3%, еще 28,8% – около половины. Почти у 18,0% на питание уходит более половины семейного бюджета. Собственное хозяйство небедные семьи имеют несколько реже (65,8%), скот держат чуть более трети из них (36,4%).

В условиях нехватки денежных средств происходит трансформация моделей потребительского поведения сельских семей с детьми. Например, изменяется рацион питания, качественные продукты заменяются более дешевыми аналогами, снижается калорийность питания. Такие же изменения касаются покупки одежды, обуви; приоб-

⁷ Выводы представлены на основе анализа результатов Социологического исследования факторов многокритериальной бедности – 2017, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/83-sotsiologicheskoe-issledovanie-faktorov-mnogokriterialnoj-bednosti-2017> (дата обращения 12.03.2020). В соответствии с целями нашего исследования была сформирована подвыборка, состоящая из 1171 сельского жителя, среди которых 794 респондента имеют совместно проживающих детей в возрасте до 18 лет (67,8%).

ретение товаров длительного пользования откладывается на неопределенное время, поездки на отдых становятся недоступными для все большего числа семей. Чаще всего семьи с детьми стараются поддерживать нормальный рацион питания, экономя на покупке продуктов в последнюю очередь. Тем не менее в составе бедных семей ниже доля тех, кто имеет возможность качественно питаться (через день употреблять мясо или рыбу, регулярно кушать фрукты и овощи), им тяжелее изыскивать средства для покупки одежды и обуви по сравнению с небедными (табл. 3). Наибольшие различия в финансовых возможностях семей с детьми касаются покупки товаров длительного пользования. Например, купить новую мебель может каждая вторая небедная семья и только каждая третья бедная. Разнообразно проводить свой досуг (хотя бы раз в месяц отдыхать вне дома, приглашать друзей или родственников для совместного обеда) могут около двух третей небедных и менее половины бедных домохозяйств.

Способность домохозяйства балансировать семейный бюджет, осуществляя все необходимые ежедневные платежи, является важным индикатором финансовых возможностей. Данные Выборочного на-

блюдения доходов населения и участия в социальных программах показывают, что среди бедных семей около 42,5% испытывают значительные трудности при проведении ежедневных платежей, еще 54,6% – относительные затруднения. В составе небедных семей только 16,4% указали на значительные трудности, 66,0% – на относительные, при этом около 17,3% из них относительно легко балансируют ежедневный семейный бюджет. Трудности с оплатой услуг ЖКХ и наличие регулярных задолженностей по их оплате характеризуют экономическую уязвимость домохозяйства. У 78,2% небедных семей ни разу не возникло задолженности по оплате услуг ЖКХ по финансовым причинам, среди бедных домохозяйств только 62,4% не имели задолженностей. Около 11,1% бедных семей указали на то, что задолженность была единожды, у четверти семей – два и более раза. Наличие ипотечного кредита также снижает финансовые возможности семей с детьми. Среди бедных семей ипотеку имеют 7,8%, среди небедных – 9,0%. Однако нет задолженностей по оплате кредита по причине нехватки денег у 79,1% небедных домохозяйств. Среди бедных семей единожды имели задолженность 13,5%, еще 18,1% ре-

Таблица 3. Финансовые возможности сельских семей с детьми до 18 лет, % от числа ответивших

	Небедные семьи	Бедные семьи
Употреблять мясо или рыбу через день	89,7	77,5
Употреблять фрукты, овощи через день	84,8	66,4
Провести неделю отпуска вне дома, включая поездки к родственникам в другой населенный пункт	70,7	44,3
Поменять старую мебель	53,8	34,2
Разнообразно отдыхать (хотя бы раз в месяц сходить всей семьей в кино, на спортивный матч, в театр)	73,9	46,1
Хотя бы раз в месяц встречаться с родственниками, друзьями (пригласить их домой или в кафе)	89,1	78,9
Иметь хотя бы две пары обуви	97,3	87,5
Купить новую верхнюю одежду (теплую куртку, пальто, шубу)	89,1	74,3
Посещать дополнительные занятия для детей (кружки, секции)	60,4	45,3
Участвовать в платных школьных мероприятиях (поездки с классом, экскурсии)	61,6	43,6
Рассчитано по: данные Социологического исследования факторов многокритериальной бедности – 2017, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС URL: https://social.ranepa.ru/tsestry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/83-sotsiologicheskoe-issledovanie-faktorov-mnogokriterialnoj-bednosti-2017		

гулярно сталкиваются с трудностями при выплате ипотечного кредита.

Полученные результаты исследования подтверждают важность мер социальной поддержки для бедных семей с детьми. При этом в ситуации, когда около 86,9% сельского населения России проживает в населенных пунктах с численностью жителей до 500 человек⁸, основные социальные услуги для большинства сельских жителей являются труднодоступными. Большинство государственных (муниципальных) учреждений находятся в ближайшем муниципальном образовании (малом городе, поселке). Попасть на прием к врачу в центральной районной больнице, подать документы для начисления пособия на детей, выплат или компенсаций, представить документы в Пенсионный фонд РФ для получения выплат из средств материнского капитала – зачастую значительные трудности для сельчан. Кроме того, в большинстве разрабатываемых и принимаемых законодательных нормативных актов выделение сельских жителей как особого (специфического) субъекта правовых отношений не предусмотрено, что ограничивает учет их потребностей и интересов в реализуемых инициативах. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что группа бедных сельских домохозяйств гетерогенна по ключевым факторам бедности. Есть семьи, в которых глава домохозяйства либо имеет низкооплачиваемую работу, либо не может трудоустроиться из-за низкого уровня образования; в других семьях женщина занимается воспитанием нескольких малолетних детей и не может полноценно участвовать в оплачиваемой занятости из-за нехватки рабочих мест на сельском рынке труда для лиц с разными трудовыми предпочтениями. Для первых необходимо внедрять различные формы переобучения или повышения квалификации, для вторых – развивать механизмы дистанционной занятости и совмещения занятости с выполнением семейных обязанностей. Для преодоления бедности многодетных семей с высокой иждивенче-

ской нагрузкой важно стимулировать различные формы помощи по созданию собственного дела, расширения ЛПХ на основе механизма социального контракта, программ поддержки создания семейных ферм. Иными словами, целесообразно разработать и апробировать выявительный принцип оказания социальной поддержки семьям с детьми на основе систематизации нуждающихся домохозяйств по ключевым проблемам их жизнедеятельности и создания региональных и федеральной баз данных о семьях и детях, нуждающихся в различных видах государственной социальной поддержки. Такой механизм обеспечит принцип адресности и повысит эффективность реализуемых мероприятий.

Заключение

Проблема доходного неравенства сельских семей с детьми имеет серьезное значение как для будущего российского села, так и для успешного социально-экономического развития страны в целом. Низкие доходы большинства сельских домохозяйств с детьми, невысокая доступность качественных услуг образования и здравоохранения, слаборазвитая социальная инфраструктура поддержки материнства и детства в сельской местности определяют неблагоприятные условия для формирования человеческого капитала сельских детей. Объективными факторами низкой материальной обеспеченности семей с детьми являются узость сфер приложения труда, сезонность многих традиционных видов занятости, неразвитость неаграрных видов деятельности на селе, что осложняет возможность обеспечения их материального благополучия. Отсутствие свободных рабочих мест в сельской местности России становится главной причиной локализации бедности на селе. Регулярный дефицит денежных доходов у бедных семей обуславливает иные по сравнению с небедными семьями структуру жизненных ценностей, ожидания и предпочтения, а также соответствующие им модели трудового, брачного,

⁸ Данные Всероссийской переписи населения 2010 года. Группировка сельских поселений по численности населения по субъектам РФ. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

репродуктивного и потребительского поведения. Совокупным следствием этих различий выступают специфические условия формирования и развития человеческого капитала для четверти всех детей нашей страны.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о более низком уровне накопленного человеческого капитала родителей из малоимущих семей. Серьезный вклад в предпосылки формирования бедности вносят состав и структура этих семей, определяющие высокую иждивенческую нагрузку. Финансовые ограничения обуславливают изменение моделей потребительского поведения в части продуктов питания, откладывания покупки товаров длительного пользования, влияют на особенности проведения досуга. Изменение рациона питания, дефицит питательных веществ и снижение энергетической ценности из-за ограниченного потребления продуктов (мяса, рыбы, овощей, фруктов) имеют особое значение для растущего организма детей. Трудности с покупкой товаров длительного пользования, разнообразным проведением досуга и приобретением необходимой одежды и обуви снижает качество жизни сельских домохозяйств с детьми.

Результаты исследования показывают различия в материальной обеспеченности

и возможностях ее повышения у различных социальных групп сельских семей с детьми. Бедные и небедные семьи имеют разные модели поведения, отличаются характером распределения ресурсов и принятия решений в домохозяйстве. Анализ факторов возникновения текущего неравенства позволит продвинуться в понимании механизмов его влияния на будущую социальную мобильность детей, проживающих в этих семьях. Особый интерес для будущих исследований вызывают выявление и оценка субъективных представлений и предпочтений родителей несовершеннолетних детей в части развития человеческого капитала их детей, а также запросов к государственной социальной политике. Отдельное внимание необходимо уделять анализу готовности родителей прилагать усилия для повышения благополучия детей, оценке родительских ресурсов и возможностей в реализации социального потенциала семьи. Работы, нацеленные на своевременное выявление факторов уязвимости экономического положения домохозяйств с несовершеннолетними детьми, будут способствовать повышению качества жизни и стимулированию будущего социально-экономического развития сельских территорий России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1
2. Скальная М. Доходы сельского населения как фактор социальной устойчивости сельских территорий // АПК: экономика и управление. 2018. № 1. С. 62–71.
3. Савченко Е. Пространственное развитие сельских территорий: проблемы и решения // АПК: экономика и управление. 2018. № 11. С. 4–7.
4. Лежнина Ю.П. Социально-демографические факторы бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. С. 118.
5. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журн. Новой экон. ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170–186.
6. Слободенюк Е.В. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестн. обществ. мнения. 2016. № 3–4 (122). С. 82–93.
7. Лежнина Ю.П. Семья для среднедоходных слоев населения: тыл или риск? // Журн. исслед. соц. политики. 2017. Т. 15. № 3. С. 435–452. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-3-435-452

8. Слободенюк Е.Д. Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социол. наука и соц. практика. 2019. № 4. Т. 7. С. 26–37.
9. Слободенюк Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 4. С. 114–129.
10. Слободенюк Е.Д. Жизненные риски и низший класс в России // Вестн. обществ. мнения. 2019. № 1–2 (128). С. 43–54.
11. Bourdieu P., Passeron J. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage, 1990. 236 p.
12. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экон. социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.
13. Каравай А.В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3 (133). С. 1–15.
14. Heckman J., Mosso S. The economics of human development and social mobility. *Annual Reviews of Economics*, 2014, no. 6, pp. 689–733.
15. Stiglitz J. [et al.]. *Rewriting the Rules of the American Economy*. New York: Roosevelt Institute, 2015. 115 p.
16. Kanbur R., Stiglitz J. Dynastic inequality, mobility and equality of opportunity. *CEPR Discussion Paper*, 2015, no. 10542. 31 p.
17. Кокшаров В.А., Агарков Г.А., Сущенко А.Д. Новое неравенство в доходах выпускников вузов. Региональный аспект // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 2. С. 337–349.
18. Леонидова Г.В., Басова Е.А. Неравенство возможностей: фактор «родительской базы» (на материалах социологического опроса населения СЗФО) // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.1
19. Akee R., Copeland W., Costello J., Simeonova E. How does household income affect child personality traits and behaviors? *American Economic Review*, 2018, vol. 108, no. 3, pp. 775–827. Available at: <https://doi.org/10.1257/aer.20160133>
20. Almlund M., Duckworth A., Heckman J., Kautz T. *Personality Psychology and Economics*. National bureau of economic research working paper 16822, 2011. 254 p.
21. Cunha F., Heckman J. Formulating, identifying and estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation. *Journal of Human Resources*, 2008, no. 43 (4), pp. 738–825.
22. Duncan G., Magnuson K., Votruba-Drzal E. Boosting family income to promote child development. *Future of Children*, 2014, no. 24 (1), pp. 99–120.
23. Becker G. *A Treatise on the Family*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 441 p.
24. Foster M. How economists think about family resources and child development. *Child Development*, 2002, no. 73, pp. 1904–1914.
25. Duncan G., Yeung J., Brooks-Gunn J., Smith J. How much does childhood poverty affect the life chances of children. *American Sociological Review*, 1998, no. 63 (3), pp. 406–423.
26. Lewis O. The culture of poverty in understanding poverty. In: *Perspectives From the Social Sciences*. D.P. Moynihan [ed.]. New York: Basic Books, 1969. Pp. 187–200.
27. Lareau A. *Class Matters: Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. Berkeley, Ca: University of California Press, 2003. 343 p.
28. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / С.С. Бирюкова [и др.]; под ред. Л.Н. Овчаровой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 153 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Александровна Вяльшина – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: anvyal@mail.ru

Vyal'shina A.A.

RURAL POOR FAMILIES AND THEIR OPPORTUNITIES FOR CHILDREN DEVELOPMENT

Improvement of the level and quality of life of families with children is a top priority of state policy in Russia. In rural areas, this problem is particularly relevant. Low incomes of most rural households limit sustainable development of rural areas, create risks for the formation of human capital of modern countryside, and contribute to the depopulation of villages. The purpose of this paper is the identification of differences in opportunities for children from poor and non-poor households on the basis of an analysis of poverty factors among rural families with children under 18 years of age. The generalization of theoretical approaches to the analysis of poverty factors in relation to rural households and mechanisms of family incomes' impact on children development allows us to better understand the prerequisites for the emergence of differences in opportunities for rural children from different families. The information basis of this work consists of the results of a Sample survey of the population's income and participation in social programs, conducted by Rosstat in 2017, and a Sociological study of factors of multi-criteria poverty – 2017, carried out by the Institute for Social Analysis and Forecasting of RANEPА. The results of the study show that members of poor households are characterized by lower education level, they are less likely to have paid employment, they are more focused on their subsidiary husbandry, and they more often seek social assistance from the government, which results in a special structure of income sources. Poor families face difficulties of balancing a family budget, they are forced to transform their food consumption patterns and postpone purchases of durable goods along with leisure activities. These restrictions directly affect rural children's quality of life. It is emphasized that one of mechanisms for improving living standards of rural families with children should be an identification principle of providing social support to families with children on the basis of the systematization of households in need according to the key problems of their life, which will ensure the principle of targeting and increase the efficiency of implemented measures.

Rural families with children, poor households, sustainable development of rural territories, human capital of rural territories.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Vyal'shina – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences". 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: anvyal@mail.ru

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: МАЙ 2020 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹.

Согласно предварительной оценке Минэкономразвития, общий объем произведенного ВВП страны во II квартале 2020 года снизился на 9,6% относительно соответствующего периода 2019 года (рис. 1).

1. Производство валового продукта

На результатах деятельности российско-го реального сектора уже успели отразиться последствия мировой экономической нестабильности из-за вводимых на период карантина ограничений.

❏ Выпуск **промышленности** в январе – мае 2020 года относительно аналогичного периода 2019 года² снизился на 2,4% (табл. 1). При этом падение зафиксировано как в сфере добычи полезных ископаемых (-3,4%), так и обработки (-1,4%).

⬆ В Вологодской области отмечен рост промышленного производства на 1,9% (по этому показателю регион занял 32 место в стране),

в том числе обрабатывающего – на 1,6%, добыча же сократилась на 5,3%.

Преобладающей тенденцией в промышленности стало усиление разнонаправленности изменений в выпуске ее отраслей. В частности, в **секторе промышленности конечного спроса** отмечается ускорение роста.

⬆ В производстве пищевой продукции отмечен рост на 5,9% (годом ранее – на 2,1%; табл. 2). Прирост во многом был обеспечен увеличением выпуска мясных консервов (+27,6%), растительного масла (+19,5%), водки (+16,5%) и мяса крупного рогатого скота (+9,4%). Одной из причин позитивной динамики в отрасли стало перераспределение ресурсов домохозяйств, расходовавшихся ранее на продукцию сферы услуг, деятельности которой коснулись введенные во II квартале ограничения. В Вологодской области увеличение выпуска продовольственной продукции было еще более существенным (+12,5%), что во многом обусловлено успехами мясной и молочной индустрии: расширилось производство мяса крупного рогатого скота (+28%), свинины (+19,2%), мясных полуфабрикатов (+20,4%), а также сливочного масла (+26,6%).

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: май 2020 года // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 139–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.9

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy: May 2020. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 4 (108), pp. 139–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.9

---

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – май 2020 года с январем – маем 2019 года.

Рис. 1. Динамика производства валового продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

Таблица 1. Динамика промышленного производства*, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
Промышленное производство					
РФ	102,2	102,5	102,3	101,5	97,6
ВО	102,5	103,2	102,9	104,0	101,9
<i>РКо</i>	100,7	99,2	99,0	102,5	114,9
<i>АО</i>	103,1	103,3	102,4	101,9	99,9
<i>МО</i>	95,9	99,4	98,9	105,1	99,7
<i>РКа</i>	102,1	107,0	105,6	100,4	97,1
Добыча полезных ископаемых					
РФ	104,7	103,4	102,5	100,0	96,6
ВО	105,2	98,0	98,5	74,9	94,7
<i>РКо</i>	97,4	92,9	94,9	97,1	128,6
<i>АО</i>	103,7	104,3	103,2	103,1	100,9
<i>МО</i>	101,2	100,1	99,3	98,2	93,8
<i>РКа</i>	96,2	97,1	97,3	97,8	96,9
Обрабатывающие производства					
РФ	100,7	102,1	102,6	103,8	98,6
ВО	102,8	103,5	103,1	103,8	101,6
<i>МО</i>	104,1	105,0	103,9	106,0	104,8
<i>РКа</i>	101,9	100,5	100,4	98,5	96,0
<i>РКо</i>	84,7	98,1	98,0	124,7	113,2
<i>АО</i>	105,9	114,0	111,1	103,9	97,5

* Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
Пищевое производство					
РФ	102,1	102,6	103,5	108,9	105,9
ВО	99,0	95,2	99,0	113,1	112,5
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	99,2	99,3	100,2	109,7	102,5
ВО	99,8	105,1	111,4	148,2	147,0
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	103,8	104,9	105,8	107,4	106,7
ВО	101,2	104,8	104,3	111,2	107,7
Металлургическое производство					
РФ	98,1	101,1	102,6	102,4	96,9
ВО	104,2	102,6	101,2	101,2	99,1
Деревообработка					
РФ	106,9	106,2	104,3	98,1	92,1
ВО	115,3	116,1	116,7	101,7	100,5
Машиностроение					
РФ	101,3	104,6	104,2	99,8	87,0
ВО	116,3	110,4	107,3	87,7	83,0
Производство стройматериалов					
РФ	105,8	105,1	104,2	105,0	97,4
ВО	127,8	102,6	101,2	119,0	121,2

В российском производстве целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции стагнация сменилась ростом (+2,5%, в прошлом году было снижение на 0,8%). На динамику показателя оказал влияние рост в производстве бумаги (+5%). В полиграфической сфере отмечено резкое сокращение выпуска журналов и периодических изданий, выходящих реже четырех раз в неделю (-45,2%). В Вологодской области в этой сфере отмечается бурный рост (+47%), значительная часть которого связана с резко возросшим производством бумаги и картона (+61,3%).

В секторе промышленности промежуточного спроса динамика во многом определялась ожиданием экономической нестабильности.

Химическое и нефтехимическое производство в целом по стране ускорило рост до 6,7%. Активизирован выпуск противомикробных препаратов (+41,2%), гербицидов (+54,4%), мыла (+21%), а также пластмасс в первичных формах (+16,6%). В Вологодской области также отмечено увеличение роста индекса физического объема в химическом производстве (до 107,7%, годом ранее – 101,2%), обусловленное значительным подъемом в сфере калийных удобрений (+26%).

В металлургической отрасли страны производство продукции снизилось на 3,1%, сократился выпуск металлопроката (-1,4%), стальных труб для нефте- и газопроводов (-7%) и прочих стальных труб (-19,2%), а также конструкций из черных металлов (-5,7%). В вологодской металлургии выпуск сократился на 0,9%, к чему отчасти привел спад в производстве конструкций из черных металлов на 20,1% и стальных труб на 5,8%.

В российской деревообрабатывающей промышленности рост прошлого года сменился снижением выпуска на 7,9%. На динамику показателя во многом повлияло снижение спроса на стройматериалы из дерева, в результате чего окон было произведено на 17,3% меньше, фанеры – на 5,9%, древесностружечных плит – на 16%, древесноволокнистых плит – на 15,8%. При этом резко вырос выпуск продуктов неглубокой переработки – необработанных лесоматериалов (+62,6%) и топливных брикетов (+12%). В Вологодской области рост выпуска отрасли значительно замедлился и составил лишь 0,5%, произошел спад активности во всех основных направлениях деятельности, за исключением деревянной тары и технологической щепы. Особенно пострадало производство деревянных строительных конструкций, в частности деревянных домов было произведено меньше почти на треть (-31,6%).

В секторе промышленности инвестиционного спроса динамика была негативной.

Значительно сильнее других отраслей промышленности пострадало машиностроение (-13%). Было произведено на 37,2% меньше легковых автомобилей, грузовых автомобилей на 20,6%, на 16,8% снизилось производство печатных плат для электронной аппаратуры. В Вологодской области машиностроение сократилось еще более резко – на 17% по сравнению с ростом на 16,3% в прошлом году, особенно это касается производства подшипников (-26%) и тракторов (-71,9%).

В менее зависимой от внешних рынков сфере производства стройматериалов в целом по стране зафиксирован спад на 2,6%, в частности связанный с сокращением выпуска цемента на 18,3%. Смягчило негативную динамику оживление в сфере производства дорожных смесей на 26%.

В Вологодской области также отмечен бурный рост выпуска дорожных смесей (+30,3%), приведший к подъему отрасли в целом (+21,2%)³.

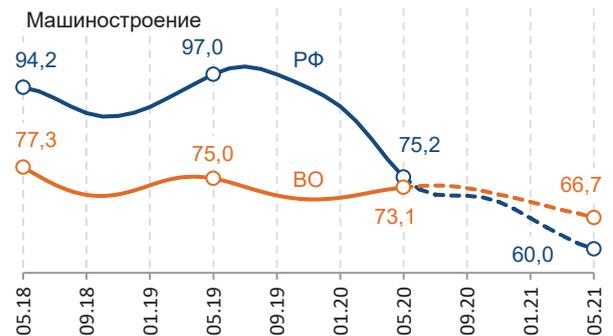
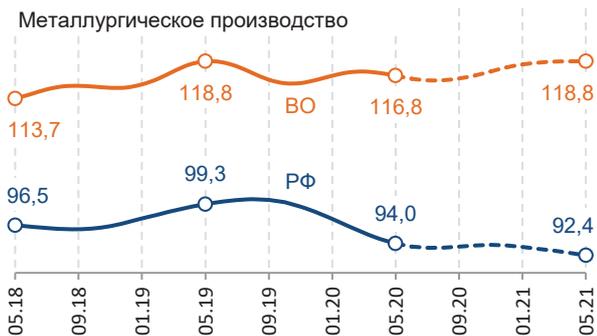
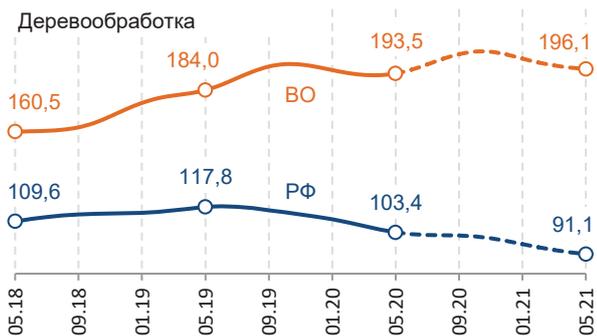
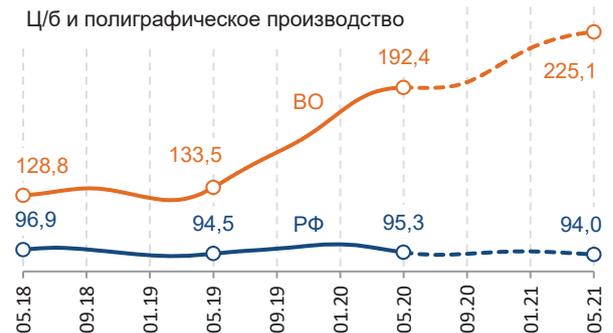
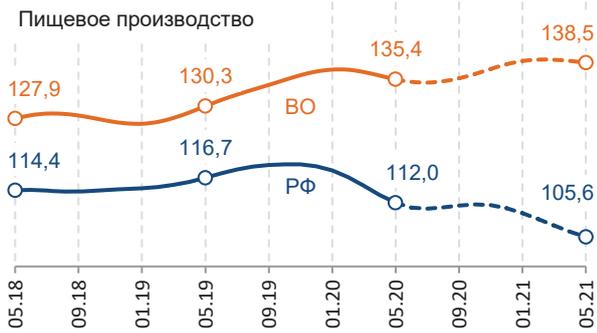
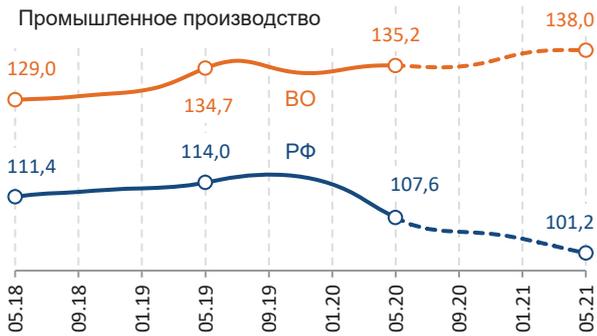
Сельское хозяйство в целом по стране увеличило выпуск на 3% (табл. 3). В частности, произведено больше скота и птицы на убой – на 3,2%, молока – на 4%. В Вологодской области индекс выпуска сельскохозяйственной продукции составил 105,6%, в том числе всех основных товарных групп: скота и птицы на убой (в живом весе) – 108,3%, куриных яиц – 109,7%, молока – 106,4%.

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
РФ	101,0	103,4	104,0	103,0	103,0
ВО	100,8	108,0	108,5	107,0	105,6
АО	89,7	92,3	93,2	100,3	99,7
РКо	126,4	95,8	96,3	112,4	111,0
МО	н/д	98,4	96,7	102,8	н/д
РКа	126,2	96,7	95,8	98,9	107,3

³ В рамках национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» планируется отремонтировать в регионе 315,9 км автомобильных дорог. URL: <https://futurerussia.gov.ru/bezopasnye-i-kachestvennye-avtomobilnye-dorogi> (дата обращения 19.07.2020).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Сжатие в реальном секторе сопровождается неблагоприятным развитием ситуации на **рынке труда**.

☑ Уровень безработицы в стране вырос на 1,6 п. п. (до 6,1%; табл. 4). В Вологодской области уровень безработицы поднялся почти на эту же величину (до 5,2%).

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	Май 2019 г.	III кв. 2019 г.	2019 г.	I кв. 2020 г.	Май 2020 г.
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	4,5	4,4	4,6	4,6	6,1
ВО	3,6	3,7	4,5	4,1	5,2
РКа	2,2	7,6	7,4	7,4	4,5
МО	1,6	4,5	6,2	7,2	3,4
АО	1,8	6,2	6,2	6,2	3,3
РКо	1,6	5,7	7,8	6,6	2,5
	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
Потребность работодателей в работниках					
РФ	104,7	102,6	101,8	98,7	91,9
ВО	112,4	111,2	108,3	101,2	85,7
РКо	121,5	115,6	112,5	101,2	94,4
МО	114,8	113,6	113,5	98,1	88,6
АО	106,5	105,6	106,9	99,4	93,5
РКа	112,3	118,1	126,8	171,5	159,0

«Может быть неофициальная и скрытая безработица. Это люди, которые ждут свою заработную плату на предприятиях, которые уже близки к банкротству. Они не увольняются, вроде они не безработные, потому что они ждут, что им заплатят. Но это скрытая безработица – эти вынужденные отпуска, простой и т. д. Такая безработица всегда выше»⁴.

☑ При этом в стране резко сократился объем вакансий, регистрируемых работодателями в службе занятости населения (-8,1%), в Вологодской области отмечен спад на 14,3%. Эта тенденция может говорить

о переходе широкого круга предприятий в режим «выживания».

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике страны и в Вологодской области усиливались разнонаправленные тенденции: если раньше рост доходов государства и бизнеса превышал рост доходов населения, то сейчас его показатели первыми отразили кризисную ситуацию в экономике.

☑ При незначительно выросших **реальных денежных доходах** россиян в I квартале реальная начисленная заработная плата в январе – апреле 2020 года в среднем по стране повысилась на 4%, в Вологодской области по этому показателю также отмечен рост (+6,5%, табл. 5). При этом реальный размер назначенных пенсий в I квартале в среднем по стране увеличился на 3,2%, в регионе чуть меньше – на 2,5%. Выросло в Вологодской области и отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума (+6%).

☑ **Сальдированный финансовый результат** (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций стал первым показателем, демонстрирующим глубину влияния режима выходных дней. Спад с учетом инфляции составил 54,4%. В Вологодской области уровень финансового результата предприятий снизился столь же значительно (-55,4%). Согласно оперативным данным за январь – апрель, финансовый результат предприятий обрабатывающей промышленности в регионе снизился на 59,1%, а доля убыточных организаций в регионе выросла на 6%, в частности доля убыточных гостиниц и общепитов увеличилась вдвое и составила 80%.

☑ **Реальные доходы консолидированного бюджета (с учетом внебюджетных фондов)** в целом по стране впервые за долгое время показали снижение к прошлому году (-1,5%). В Вологодской области также отмечено снижение данного показателя на 8,8%. В частности, на динамике пока-

⁴ Коронавирус атакует экономику России. ULR: <https://www.kommersant.ru/doc/4363422> (дата обращения 19.07.2020).

**Таблица 5. Динамика образования доходов,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	99,2	100,5	101,5	101,5	100,9
ВО	93,3	99,7	101,7	99,1	101,6
РКа	99,3	99,7	100,4	100,0	101,2
РКо	95,1	95,6	97,1	97,6	99,4
АО	95,1	97,3	96,9	98,8	102,0
МО	91,0	96,3	97,2	98,7	100,6
Реальный размер назначенных пенсий					
РФ	100,7	99,2	99,9	100,7	103,2
ВО	101,4	100,8	101,6	101,7	102,5
Отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума					
РФ	97,6	98,6	99,9	100,5	н/д
ВО	93,3	97,3	100,7	102,1	106,0
	4 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	4 мес. 2020 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	101,6	102,2	103,3	108,6	104,0
ВО	103,3	103,7	104,3	111,7	106,5
РКа	107,5	107,5	107,6	107,3	106,0
РКо	104,9	105,0	105,4	106,9	105,4
АО	105,2	105,6	106,0	105,6	104,9
МО	105,5	107,0	107,4	107,2	106,2
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	151,4	111,6	117,5	41,5	45,6
ВО	85,9	99,0	97,2	7,4	44,6
РКа	230,5	167,6	158,9	37,4	54,7
РКо	141,3	94,3	94,7	-	-
АО	175,6	142,7	133,9	-	-
МО	147,0	157,8	111,0	326,6	268,3
	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	114,4	112,5	110,2	107,6	98,5
ВО	112,7	111,3	112,2	100,7	91,5

зателя сказался значительно меньший объем собранных налогов на прибыль организаций: по стране спад составил 17,1%, в регионе – 51,8%. Вследствие падения экономики в целом по субъектам РФ по итогам 5 месяцев текущего года бюджетные доходы в 66 российских регионах показывают отрицательную динамику к прошлому году.

«От нестабильной ситуации в экономике пострадали налоги, определяемые финансовыми результатами. В первую очередь, это налог на прибыль организаций, поступление которого у нас в области по сравнению с прошлым годом сократилось в 2 раза – с 12,2 до 6 млрд руб. Со снижением деловой активности субъектов малого и среднего предпринимательства на 16,4% к уровню прошлого года снизилось поступление налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения»⁵.

«Президент РФ выделил три транша на поддержку регионов. Мы уже получили 2,5 млрд. Плюс те бюджетные кредиты, которые нами привлечены, – 1 млрд 700 млн руб. (было необходимо вернуть в этом году) – нам пролонгировали на следующий год. И, конечно, наш переходящий остаток позволит сбалансировать бюджет. Мы не будем привлекать коммерческие кредиты. Чтобы сбалансировать бюджет на конец года на 10%, были сокращены затраты органов государственной исполнительной власти, пересмотрены все государственные программы и приостановлена реализация непервоочередных проектов»⁶.

3. Конечное использование

Динамика показателей **потребительского спроса** фиксирует кризисные явления на потребительском рынке.

⁵ В Департаменте финансов области в режиме видеоконференцсвязи прошло заседание общественного совета. URL: http://vologda-oblast.ru/novosti/v_departamente_finansov_oblasti_v_rezhime_videokonferentssvyazi_proshlo_zasedanie_obshchestvennogo_soveta/?sphrase_id=634254 (дата обращения 19.07.2020).

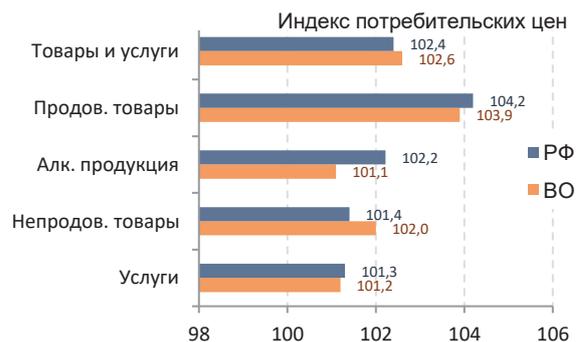
⁶ Глава региона рассказал о влиянии пандемии на экономику Вологодской области. URL: <https://onlinevologda.ru/news/economy/the-head-of-the-region-told-about-the-impact-of-the-pandemic-on-the-economy-of-the-vologda-region> (дата обращения 19.07.2020).

❑ Сокращение оборота розничной торговли было резким и составило 6,1% (в том числе продовольственными товарами – 1,5%, непродовольственными – 10,5%), в Вологодской области – 0,9% (при росте продаж продовольственных товаров на 1,8% оборот непродовольственных снизился на 4,3%; табл. 6). Еще более существенным было снижение объема предоставленных населению платных услуг, на что безусловно повлиял режим нерабочих дней. В целом россиянам было оказано на 15,9% меньше платных услуг, вологжанам – на 11,5%.

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	102,2	101,8	101,9	104,4	93,9
ВО	105,1	103,9	102,7	106,7	99,1
РКа	100,9	102,3	101,5	105,7	98,4
РКо	100,1	100,2	100,1	100,2	97,2
МО	102,0	100,6	99,5	102,6	96,0
АО	99,8	100,2	100,0	99,8	95,9
Объем платных услуг населению					
РФ	99,4	99,1	99,1	99,3	84,1
ВО	99,8	99,6	100,0	98,4	88,5
Объем выданных ипотечных кредитов					
РФ	98,3	94,7	94,5	123,1	111,0
ВО	90,9	87,9	91,2	122,5	111,8

❑ Потребительская инфляция в России осталась на уровне 2,4% к декабрю прошлого года. Наибольший рост цен пришелся на пищевую продукцию (+4,2%; рис. 2). В Вологодской области инфляция выросла с 1,9 до 2,6%. Решающим фактором ее роста также является повышение цен на продовольственные товары, которое составило 3,9%. По этому показателю регион занимает 59 место в стране. Также наблюдался рост цен по всем остальным категориям, при этом меньше всего подорожали услуги ЖКХ: на 0,8% в стране и на 0,2% в Вологодской области.

Рис. 2. Индекс потребительских цен в мае 2020 года, % к декабрю прошлого года

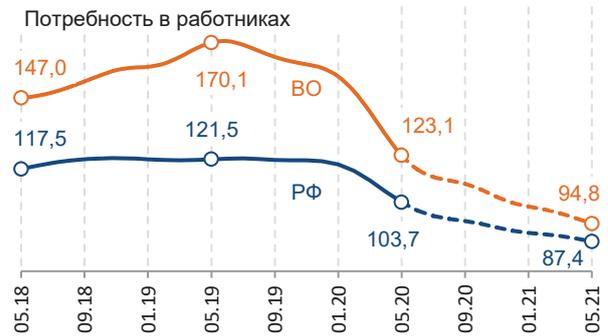
❑ Объем выполненных строительных работ в целом по стране сократился на 0,7%, в Вологодской области спад более значителен (на 38,7%; табл. 7). При этом во вводе жилых домов отмечена еще более негативная динамика: в целом по стране снижение показателя составило 12,7%, в Вологодской области – 46,2%. Отметим, что о грядущем кризисе в этих отраслях свидетельствует также ярко выраженный спад в производстве минеральных и древесных стройматериалов.

При этом отмечается рост такого показателя, как объем выданных ипотечных кредитов. Стоит отметить, что большая его часть произошла до введения режима выходных дней.

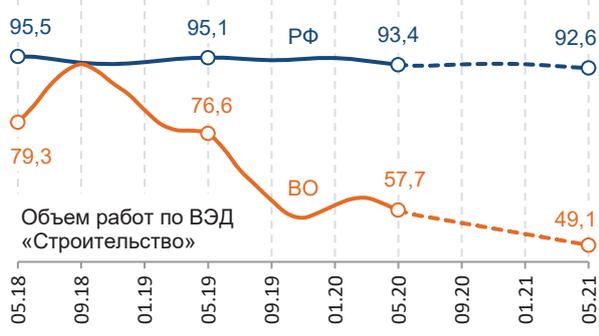
Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	100,2	100,3	100,6	101,1	99,3
ВО	102,1	86,6	82,8	66,1	61,3
МО	67,1	99,1	89,8	75,3	87,1
РКа	53,2	71,4	65,4	126,9	123,5
АО	83,4	75,7	80,3	75,3	84,0
РКо	150,6	147,6	136,2	130,4	141,7
Ввод жилых домов					
РФ	102,4	106,9	106,2	98,7	87,3
ВО	92,3	109,7	109,0	50,0	53,8
АО	177,1	127,1	102,1	65,2	55,5
РКа	63,7	58,4	81,3	55,1	65,1
МО	86,1	87,5	105,7	70,0	69,5
РКо	159,8	147,0	91,5	23,1	29,3

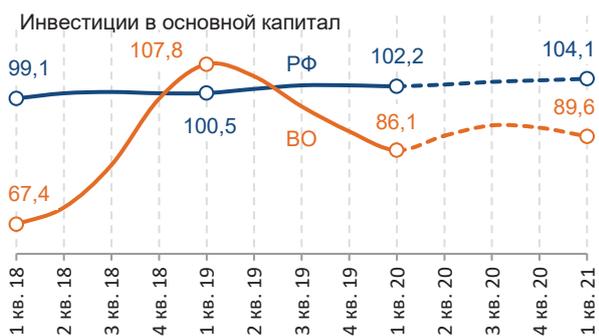
Тренды развития рынка труда в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды инвестиций и внешней торговли в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

В динамике **инвестиционной активности** отразилось изменение предпринимательских ожиданий.

▲ Прирост инвестиций в основной капитал в стране в I квартале составил 1,2% (годом ранее 0,9%; табл. 8), что отчасти связано с разворачиванием новых производственных линий, выпускающих товары, на которые пришелся повышенный спрос в связи с вводимой политикой экономических ограничений.

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
РФ	100,9	101,1	101,3	101,7	101,2
ВО	220,3	153,9	142,3	118,1	78,4
МО	69,3	88,8	93,3	93,6	124,2
РКа	92,6	84,5	82,6	79,0	91,9
АО	74,2	83,3	83,9	88,9	114,8
РКо	114,9	136,7	101,2	101,4	166,9

▼ В Вологодской области инвестиции снизились на 21,6%. По этому показателю регион оказался на 72 месте в стране. Важной составляющей этого явления стало замедление развития крупных мировых отраслей – потребителей местного металлопроката и металлических изделий.

Смягчающим фактором стало сохранение темпов финансирования нацпроектов.

«Несмотря на ухудшение экономической ситуации на территории Вологодской области, наличие рисков по исполнению доходной части регионального бюджета, финансирование мероприятий национальных проектов обеспечено в объемах, определенных при принятии областного бюджета на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 гг. Сокращение в текущем году не планируется»⁷.

⁷ Финансирование мероприятий нацпроектов в 2020 году обеспечено в объеме 15 млрд руб. URL: http://vologda-oblast.ru/novosti/finansirovanie_meropriyatiy_natsproektov_v_2020_godu_obespecheno_v_obeme_15_mlrd_rublej (дата обращения 19.07.2020).

Во **внешнеторговом секторе** экономики фиксируется спад активности.

▼ Экспорт товаров из России под влиянием процессов торможения в мировой экономике снизился на 22,4% (табл. 9). При этом существенно ускорилось падение цен на мировых рынках: средние цены на нефть пережили спад на 37,3%, на природный газ – на 53,2%. Поскольку цены на ключевые товары Вологодской области снижались медленнее (на фосфатные удобрения – на 21,2%, на металлопрокат – на 11,4%), сокращение экспорта в регионе было менее ощутимым – в пределах 4,5%. Импорт в Россию упал на 7%. В Вологодской области зафиксировано резкое ускорение роста импорта – более +35,1%, (годом ранее – 1,9%).

Таблица 9. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.	5 мес. 2020 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	98,7	95,7	94,0	85,5	77,6
ВО	92,4	94,1	91,6	96,0	95,5
МО	135,8	86,3	75,8	40,6	45,7
РКо	99,9	107,1	96,4	87,9	81,6
РКа	82,3	64,8	59,9	98,1	103,1
АО	82,9	102,0	106,7	164,8	114,2
Импорт товаров и услуг					
РФ	98,3	101,2	102,2	100,4	93,0
ВО	101,9	109,4	116,6	142,3	135,1
РКо	90,1	93,0	93,2	90,5	101,6
МО	53,2	64,0	74,0	90,5	102,6
РКа	107,3	126,8	117,9	187,7	125,4
АО	68,9	84,1	90,7	202,8	125,9
Мировые цены на товары					
Нефть	94,3	88,6	89,8	81,1	62,7
Газ	80,3	63,8	62,5	50,2	46,8
Мет.	92,3	89,7	88,7	87,8	88,6
ФУ	91,2	85,4	79,5	76,4	79,8

**Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну
(на начало июля соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	530	718	625	73,8	84,8
Лист оцинкованный	долл. США	557	775	710	71,9	78,5
Лист горячекатаный	долл. США	443	625	523	70,8	84,6
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	468	580	473	80,6	98,8
Конструкционные профили	долл. США	625	770	615	81,2	101,6
Сортовой прокат	долл. США	593	683	545	86,7	108,7

**Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало июля соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	47195	49040	38336	96,2	123,1
Лист оцинкованный	руб.	57515	61412	49494	93,7	116,2
Лист горячекатаный	руб.	42341	45174	34307	93,7	123,4
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	36497	39662	31429	92,0	116,1
Балка и швеллер	руб.	47468	52844	51223	89,8	92,7
Круг	руб.	36913	38946	37175	94,8	99,3
Уголок	руб.	39486	43069	38730	91,7	102,0

Оценки последствий COVID-19 для экономики

Важным показателем, иллюстрирующим состояние делового климата и дающим примерное представление о предстоящих изменениях в национальной экономике, является индекс предпринимательской уверенности (ИПУ). Его результаты основываются на балансах оценок фактически сложившихся уровней спроса, запасов готовой продукции, а также ожидаемого выпуска продукции. В июне 2020 года ИПУ в добывающей промышленности снизился на 5% относительно июня 2019 года, в обрабатывающей промышленности также на 5% (рис. 3). Наименьшая предпринимательская уверенность по-прежнему сохраняется в строительном сегменте, при этом относительно прошлого

года этот показатель больше всего снизился в розничной торговле (-10%).

Более ярко выражена негативная динамика такого показателя, как баланс оценок руководителей организаций спроса на продукцию (портфеля заказов), который в июне 2020 года снизился на 9% в добывающих и 10% в обрабатывающих производствах.

Руководители предприятий добывающей промышленности примерно одинаково негативно оценивают перспективы на 3 и 6 месяцев (-10 и -9% соответственно). При этом руководители обрабатывающей промышленности готовятся к усугублению спада производства: 6% ожидают снижение выпуска в течение 3 месяцев, а 13% – ухудшение общей экономической ситуации в течение 6 месяцев.

Рис. 3. Индекс предпринимательской уверенности, %

«Учитывая, что за истекший период текущего года в бюджет области уже недополучено свыше 5 млрд руб. собственных доходных источников, оказанная федеральным центром дополнительная поддержка не покрывает в полном объеме выпадающие доходы бюджета. Ущерб для бюджета от пандемии в области оценили в 5,2 млрд руб., таким образом, федеральная дотация позволит компенсировать около половины суммы»⁸.

Отметим активную работу региональных органов власти по разработке мероприятий по борьбе с последствиями вынужденных экономических ограничений:

«Правительством области разработан План мероприятий по стимулированию роста экономики на территории Вологодской области, который включает более 100 мероприятий, направленных в первую очередь на поддержку граждан, развитие отдельных отраслей экономики и субъектов малого и среднего предпринимательства, привлечение инвесторов»⁹.

В целом в первые пять месяцев 2020 года экономика столкнулась с множеством вызовов. Снизились цены на основные экспортные товары, сократилось производство валового продукта, замедлились темпы ин-

вестирования, доходы государства и бизнеса испытали резкое снижение. Больше других пострадали сферы экономики, которые ориентированы на потребительский спрос (за исключением продовольственного сектора). Для поддержки экономического роста важными видятся стимулирование спроса на продукцию ключевых отраслей промышленности, более активная помощь населению и бизнесу, а также проведение оперативных мероприятий по организации безопасной деятельности отраслей сектора услуг. Особого внимания потребует и контроль уровня безработицы, включая скрытую.

Источники:
Росстат, Вологдастат,
Центральный банк Российской Федерации,
Федеральная таможенная служба,
Федеральное казначейство,
www.metaltorg.ru, metalinфо.ru,
www.indexmundi.com

Материалы подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

Обращаем внимание, что в связи с карантинными мероприятиями на территории Вологодской области ФГБУН ВолНЦ РАН временно приостановил проведение опросов населения региона методом анкетирования по месту жительства респондентов, поэтому Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в данном выпуске не представлен.

⁸ ТАСС: Федеральная дотация в бюджет Вологодской области покроет около половины ущерба от пандемии. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/federalnaya_dotatsiya_v_byudzhete_vologodskoy_oblasti_pokroet_okolo_poloviny_ushcherba_ot_pandemii (дата обращения 19.07.2020).

⁹ В Департаменте финансов области в режиме видеоконференцсвязи прошло заседание общественного совета. URL: http://vologda-oblast.ru/novosti/v_departamente_finansov_oblasti_v_rezhime_videokonferentssvyazi_proshlo_zasedanie_obshchestvennogo_soveta/?sphrase_id=634254 (дата обращения 19.07.2020).

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ОБ ИТОГАХ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ»

В политических кругах и научном сообществе России развернулась дискуссия, в фокусе внимания участников которой – обеспечение устойчивого экономического роста, факторы и причины падения отечественной экономики, позиция страны в мире, перспективы развития и преодоления негативных тенденций.

Вологодский научный центр РАН не остается в стороне от обсуждения этих вопросов. Центр выступает организатором научно-практических конференций с привлечением широкого круга ведущих российских ученых, представителей органов регионального и местного управления, руководителей социальных учреждений и хозяйствующих субъектов.

С 2016 года в отделе проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ежегодно проходит научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий». Работа интернет-конференции организована по трем научным направлениям: проблемы социально-экономического развития и управления территориями; проблемы и перспективы пространственного развития территорий; проблемы и пути повышения финансовой устойчивости территории.

На *первую* интернет-конференцию (27–29 апреля 2016 года) был представлен 31 доклад. Участие в ней приняли ученые и эксперты из таких городов, как Апатиты, Белгород, Вологда, Екатеринбург, Ижевск, Курск, Москва, Санкт-Петербург и Донецк.

Во время *второй* конференции (16–18 мая 2017 года) формат проведения мероприятия претерпел изменения: было организо-

вано пленарное заседание, которое проводилось в режиме вебинара с подключением докладчиков из различных регионов и стран. География участников значительно расширилась, конференция получила статус международной. Заявки подали 75 участников из российских и зарубежных научных учреждений и вузов.

Третья конференция (16–18 мая 2018 года) была организована при поддержке Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси и Института экономических исследований (г. Донецк). Существенно расширилась география участников. Было прислано 168 докладов из 31 региона России и 7 зарубежных стран. В обсуждении докладов приняли участие 215 человек, представлявших 80 научных и образовательных организаций.

Четвертая интернет-конференция (15–17 мая 2019 года) стала одной из региональных площадок Московского академического экономического форума (МАЭФ), проводившегося впервые. Ученые и начинающие исследователи, студенты и аспиранты из России, Беларуси, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики обсудили факторы повышения экономического роста и устойчивого развития территорий. Всего на конференции было представлено 110 докладов.

В 2020 году проведена *пятая* международная интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий» (18–22 мая 2020 года). В ее работе участвовали студенты, начинающие исследователи и ученые из России, Донецкой Народной Республики, Армении, Беларуси и Узбекистана. В обсуждении докладов приня-

ли участие более 230 человек. Всего на конференции представлено 182 доклада.

Секционная работа конференции была организована по трем научным направлениям:

1. Проблемы социально-экономического развития и управления территориями (86 докладов).

2. Проблемы и перспективы пространственного развития территорий (46 докладов).

3. Проблемы и актуальные вопросы развития финансовой системы (50 докладов).

Обсуждение докладов традиционно осуществлялось на интернет-форуме конференции, на котором в ходе онлайн-дискуссии участники и все заинтересованные лица могли задавать вопросы и присылать комментарии авторам.

Наибольший интерес вызвала тематика секции 1 «Проблемы социально-экономического развития и управления территориями» (модераторы – зам. зав. отделом, ведущий научный сотрудник канд. экон. наук Е.В. Лукин; научный сотрудник Е.Г. Леонидова). В рамках секции поднимались проблемы оценки и повышения производительности труда в общественном производстве, повышения эффективности государственного и муниципального управления, развития малого предпринимательства, рассматривались вопросы формирования цепочек добавленной стоимости в экономике и другие актуальные вопросы. Самым обсуждаемым в секции стал доклад студентки ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» Анастасии Андреевны Виноградовой «Особенности использования прогрессивных форм организации труда в современных условиях трансформации экономики».

На секции 2 «Проблемы и перспективы пространственного развития территорий» (модераторы – зам. зав. отделом, ведущий научный сотрудник канд. экон. наук С.А. Кожевников; научный сотрудник канд. экон. наук Н.В. Ворошилов) обсуждались тенденции, проблемы и перспективы развития отраслевых комплексов, стратегические и правовые аспекты пространственного раз-

вития России, а также проблемы формирования и развития конкурентной среды в региональной экономике. Наибольшее количество вопросов было задано доценту кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Ольге Юрьевне Ангеловой, выступившей с докладом «Реверс талантов» как резерв повышения конкурентоспособности региона».

В ходе работы секции 3 «Проблемы и актуальные вопросы развития финансовой системы» (модераторы – зав. лабораторией, старший научный сотрудник канд. экон. наук М.А. Печенская-Полищук; инженер-исследователь А.А. Волков) рассматривались, в частности, современные проблемы и перспективы развития финансовой системы региона, эффективность страховой и банковской систем как источников инвестиционных ресурсов для развития территорий, тенденции и перспективы развития бюджетной системы на федеральном, региональном и местном уровнях. Наиболее обсуждаемым стал доклад студентки ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» Анастасии Алексеевны Новожиловой «К вопросу о прекращении деятельности акционерного общества».

Конференция завершилась пленарным заседанием, на котором в режиме вебинара выступили зам. директора Вологодского научного центра РАН, зав. отделом д-р экон. наук, профессор Т.В. Ускова; зам. зав. отделом Вологодского научного центра РАН, ведущий научный сотрудник канд. экон. наук С.А. Кожевников; зав. кафедрой Казанского государственного института культуры д-р экон. наук, профессор Ф.М. Сафин; старший научный сотрудник доцент Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики канд. экон. наук Е.В. Котов; доцент кафедры Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова канд. экон. наук А.А. Пугачев; доцент Санкт-Петербургского государственного университета канд.

полит. наук А.А. Никифоров; старший научный сотрудник ФИЦ комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН канд. с-х. наук Т.А. Блынская; научный сотрудник Вологодского научного центра РАН канд. экон. наук Н.В. Ворошилов.

По итогам конференции планируется подготовить сборник докладов.

Хочется отметить высокий уровень представленных на конференцию докладов, ак-

тивность участников интернет-форума, а также широту рассматриваемых вопросов.

*Материал подготовила
М.А. Печенская-Полищук
кандидат экономических наук
старший научный сотрудник
заведующий лабораторией
ФГБУН ВолНЦ РАН*

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

25 июня 2020 года в режиме видеоконференции состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором было представлено научное сообщение старшего научного сотрудника канд. экон. наук М.А. Печенской-Полищук «Тенденции и проблемы развития бюджетного потенциала регионов».

Вводную часть доклада Мария Александровна посвятила обоснованию актуальности исследования, а также отдельным аспектам теории и методологии.

В основной части доклада автор сосредоточилась на проблемах формирования налогового потенциала российских территорий, представила его анализ по регионам РФ за 2006–2019 гг., особое внимание уделила системе межбюджетных трансфертов и вопросу управления заемными средствами органов государственной власти.

В заключительной части были подведены общие итоги, апробированы полученные результаты и обозначены направления дальнейшего исследования в ближайшей перспективе.

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие д-р экон. наук, профессор, чл.-кор. РАН В.А. Ильин, д-р экон. наук М.Р. Пинская (Центр налоговой политики ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ»), д-р экон. наук, профессор Е.С. Губанова, д-р экон. наук А.А. Шабунова, канд. экон. наук О.Н. Калачикова, канд. экон. наук Г.В. Леонидова.

*Материал подготовила
Т.И. Соколова
кандидат филологических наук
ученый секретарь
ФГБУН ВолНЦ РАН*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Экономика региона глазами старшекласников: сб. конкурсных работ. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. Вып. 16. 162 с.

Одним из основных направлений деятельности Научно-образовательного центра ФГБУН ВолНЦ РАН является вовлечение обучающихся в научно-исследовательскую деятельность в сфере экономики. В рамках его реализации в Научно-образовательном центре ежегодно проводится научно-практическая конференция «Экономика региона глазами старшекласников», по итогам которой выпускается сборник конкурсных научно-исследовательских работ и эссе школьников. В данном выпуске опубликованы работы победителей и лауреатов конкурса научно-исследовательских работ, бизнес-проектов и эссе по экономике 2018/19 учебного года.

Сборник представляет интерес для школьников, студентов, аспирантов, а также может быть использован преподавателями образовательных учреждений экономического профиля при работе с обучающимися и специалистами в сфере экономики.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.07.2020.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18.48. Тираж 500 экз. Заказ № 138
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, pdt.isert@mail.ru